

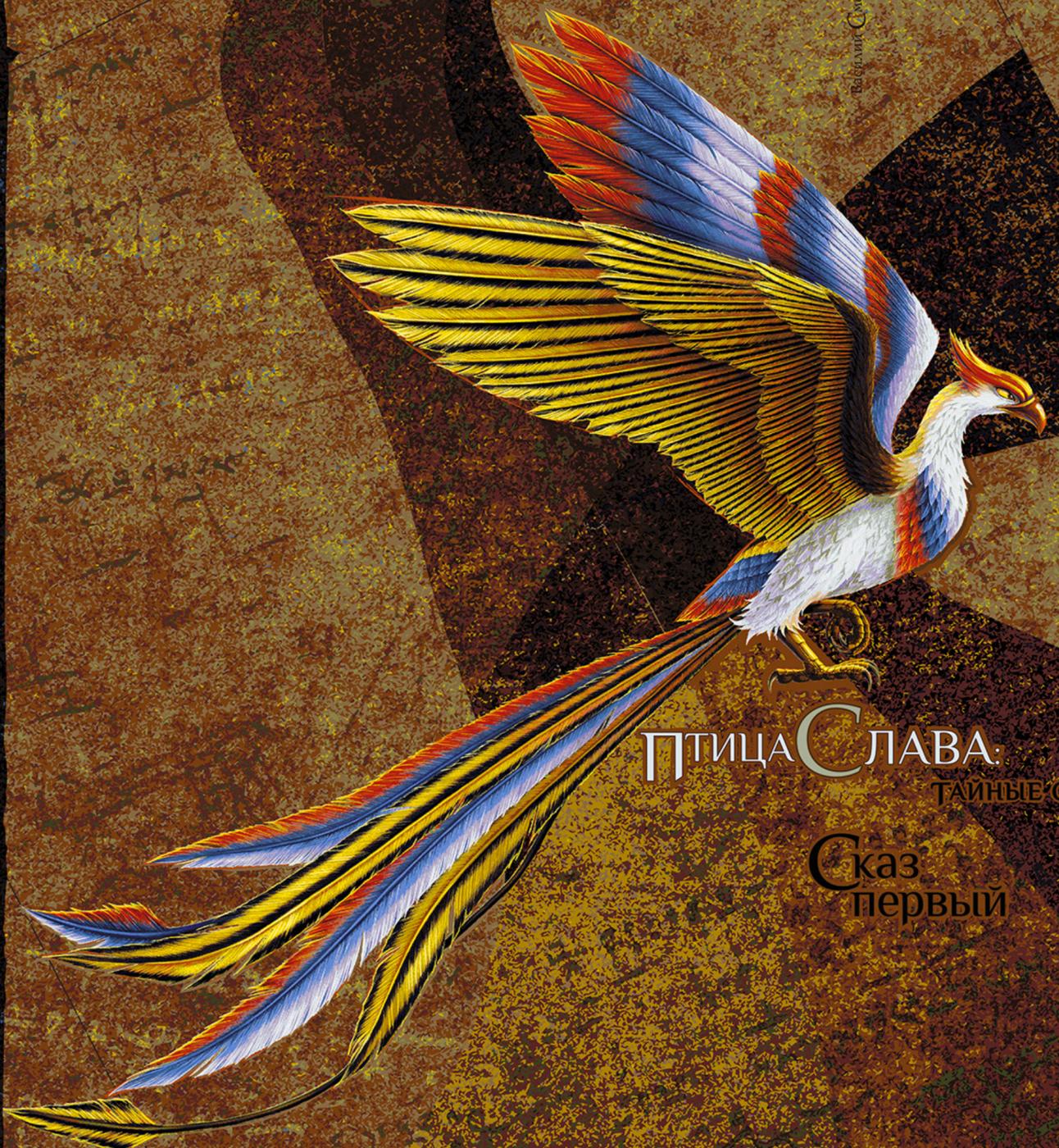

Сказ первый

Свод 1

ПТИЦА СЛАВА: ТАЙНЫЕ СКАЗЫ

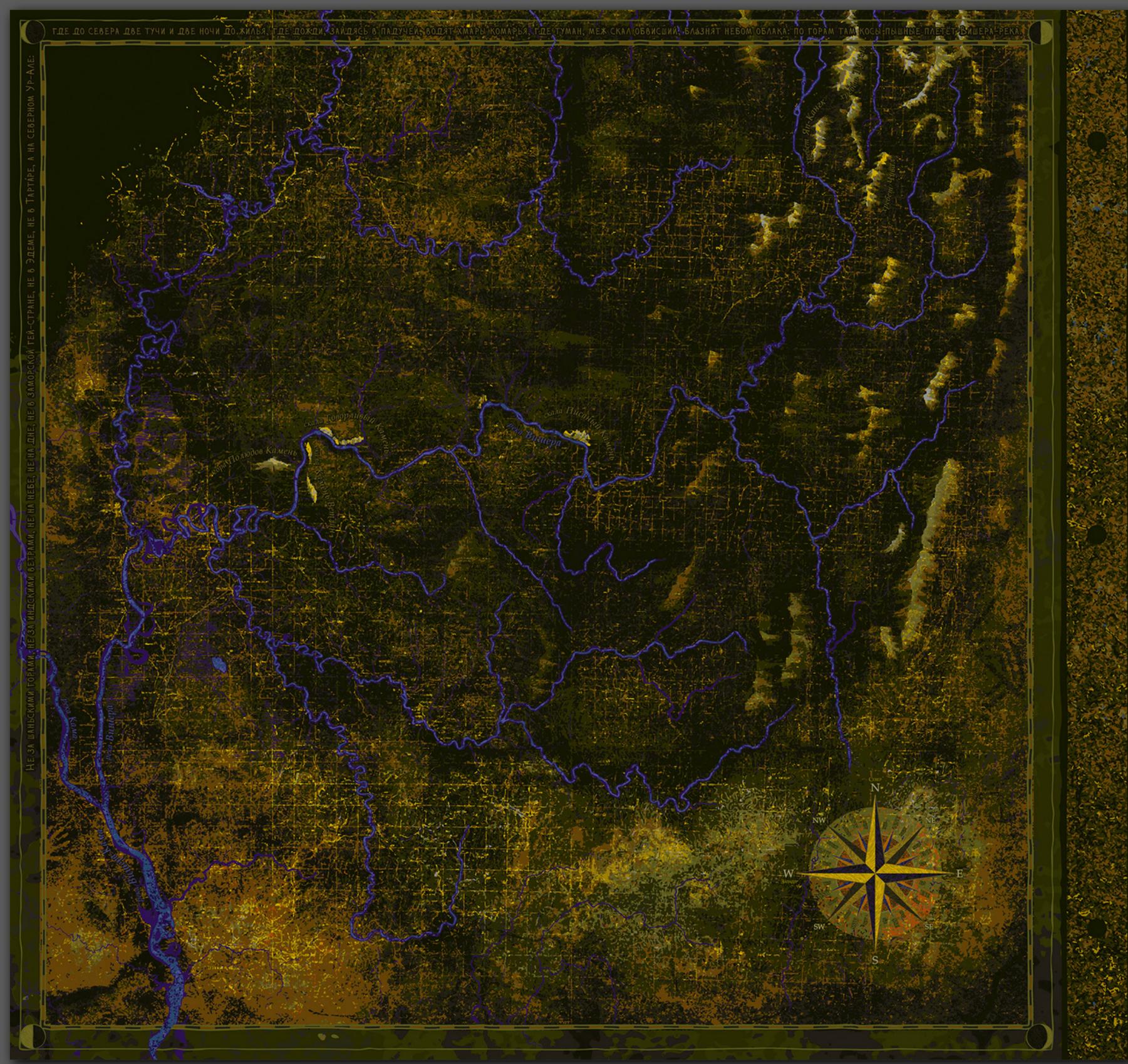
Василий Селянский

Василий Селянский

ПТИЦА СЛАВА:
ТАЙНЫЕ СКАЗЫ
Сказ
первый

Данное издание является адаптированной электронной версией малотиражного художественно-полиграфического объекта в жанре "Бук-арт", имеющего коллекционное, а нумерованная часть тиража - музейное значение. Габариты издания: 340 x 320 x12 мм.
На иллюстрации выше представлена цифровая версия внешнего вида разворота Обложки издания, которая исполнена в технике "сериграфия" для трафаретной печати с двух сторон с 18 + 7 трафаретных форм.

ГДЕ ДО СЕВЕРА ДВЕ ТУЧИ И ДВЕ НОЧИ ДО ЖИЛЫ, ГДЕ ДОЖДЬ ЗАУДАТЬ В ПАДУЧЕА БОДЯТ ХМАРЫ КОМАРЬЯ, ГДЕ ТУМАН, МЕЖ СКАЛ ОБВИСИИ, БЛИЗЯТ НЕБОМ ОБЛАКА; ПО ГОРАМ ТАМ КОСА ПЛЫШЬЕ ПЛЕТЕТ ВИШЕРА-РЕКА.

НЕ ЗА ЗАПЬСКИМИ ГОРАМИ, НЕ ЗА ПИДЕСКИМИ БЕТРАМИ, НЕ НА ПЕБЕ, НЕ НА ДНЕ, НЕ О САМОРСКОЙ ТЕА-СТРАНЕ, НЕ В ЭДЕМЕ, НЕ В ТАРТАРЕ, А НА СЕВЕРНОМ УРАЛЕ.

Василий СМЕЛЯНСКИЙ

ПТИЦА СЛАВА: ТАЙНЫЕ СКАЗЫ

Свод первый:

ЯНТАРНЫЕ ОСТРОВА И РОСЬ

В десяти Сказах,
поведанных Георгиевским Тигром

Сказ первый:

Рысь Русь и Пупа, Попугай кархадский

Электронное издание

РОССИЯ
Челябинск
«РИГ Персона®»

2016

Оглавица

	стр.	
От издателей	7	
Зачин	9	
Введение в Зверовѣдение выписки для реферата ‘БЗЭ’	10	
Десять Сказов, поведанных Тигром	11	
Сказ Первый: Рысь Русь и Пúпа, Попугай кархáдский	13 – 78	
пролог (без названия)		
Река		
Ском	15	
encyclopedia ‘БЗЭ Тиграуза и Тура’ Ур-Ал		
Море	16	
zveronet портал ‘РосТвердь’ post ‘Кто впадает в Каспий’		
Рúсла	17	
media ‘Рык Зверомира’ N 1 ‘Рожны и рогúлыны ливерастии’		
zveronet портал ‘РосТвердь’ post ‘Сказ первый’ comments – subject: что есть сабж, оффтоп и флуд	18 – 19	
Камень		
Курúмы	21	
encyclopedia ‘БЗЭ Тиграуза и Тура’ Камень Тулы́мский		
Рысьи думы	23	
Жизнь на ходу	24	
Зелёный Луч	25	
Облак	27	
О Креаклах	28	
zveronet портал ‘РосТвердь’ post ‘Как вы, каклы?’		
О тотальном ощипе	29	
encyclopedia ‘БЗЭ’ Тотальный ощíп и обира́йт		
Оказательство	31	
Рысий крест	33	
Наука для внуков encyclopedia ‘БЗЭ’	34 – 36	
– О Создателе	34	
– О Верхнем Мире и Высших стихиях, в нём волящих, Мире Нижнем, которого нет, но о котором все знают, и Мире Срединном, где мы	35	
– Об индúлах и чудах-неведах	36	
Проку́да и Пúпа	37	
encyclopedia ‘БЗЭ’ О трёх триллионах деревьев планеты Зелёна		
Сказание о Проку́дливом дереве	39 – 42	
Небыль первая	39	
Небыль вторая	40	
Небыль третья	41	
Небыль четвёртая, концевая	42	
Эхо Сосны		
Пúпа в цветú	43	
encyclopedia ‘БЗЭ’ ливер Пúпа	44	
Пúпа в говорú	45	
media ‘Рык Зверомира’ N 1 ‘Рожны и рогúлыны ливерастии’		

	стр.	
46		Пёрлы от Пúпы
		В защиту Попугая
47		Пúпа в еду
48 – 49	encyclopedia ‘БЗЭ’ Чёрный Макак Мак	
49		Аудиенция
50	zveronet портал ‘РосТвердь’ post ‘Сказ первый’ comments	
51		Кольцо Свободы Попугаю
	encyclopedia ‘БЗЭ’ ливер Пúпа селфи Кольца	
52 – 77		Встреча на Вишере
52 – 53		Интродукция
54 – 77		Плачь о порушенной дюжине перьев
54	zavronet Odnoperniki public ‘Maidan-on-Vishera’	
55		Поруха первая
56	zavronet Odnoperniki public ‘Maidan-on-Vishera’	/– к стр. 57
57		Поруха вторая
58	Воспита́нки. Класс Тигра	/– к стр. 59
59		Поруха третья
60	Воспита́нки. Класс Тура	/– к стр. 61
61		Поруха четвёртая
62	Ай-птички и Яти (б) encyclopedia ‘БЗЭ’	/– к стр. 63
63		Поруха пятая
64	Гламурки и Яти (б) encyclopedia ‘БЗЭ’	/– к стр. 65
65		Поруха шестая
66	zveronet public ‘Экономика Зверомира’	/– к стр. 67
67		Поруха седьмая
68	Песни Козлов	/– к стр. 69
69		Поруха восьмая
70	zavronet Odnoperniki public ‘Maidan-on-Vishera’	/– к стр. 71
71		Поруха девятая
72	Из Тигра	/– к стр. 73
73		Поруха десятая. <i>Протокол первый</i>
74		<i>Протокол второй</i>
75		<i>Протокол третий</i>
76		<i>Протокол четвёртый</i>
77		Поруха одиннадцатая
78 – 95		… Сказу конец. Послесказие
79		1. Молвы о Птице надмирной дайджест
80 – 82		2. Стяги Зверомира
83 – 90		3. Рысь Русь: откуда рысть пошла
85		Фабула первая: Согласие верховóму правлению и рóсский бунт
86		Фабула вторая: Узурпация власти … и вопрос о рысьей справедливости
87		Фабула третья: Обличие
88		Фабула четвёртая: Рысий глаз
89		Фабула пятая: Славные предки и Созвездие Рыси
90		Фабула шестая: Рысь Русь и Белведь, Правитель Рóси, а также свита
91 – 95		4. Зверомирцы, о коих в следующих Сказах поведано будет

«… чаще ж всего предстаёт Птица Слава в телесном обличии

любимцам своим – зверомирцам:

обликом вельми прекрасным, возвышенным:

исполинских размеров густо пернатая птица, осанкою – царственна, ликом – грóзкая, но строгость не злая – благáя: ибо добрó и должно быть

с мощным остра́стным клювом, загнутым к бою,

да дюже когтистыми сильными лапами, металлы крушащими, дабы зло

и всякая погань издали зрели, на что посягают!..

… зверомирцам же Птица надмирная –

не культ, не объект поклонения, не тотемная спѣшница… Она –

суть отчей истории, и ныне текущего, и завтра грядущего.

Слава – наша идея породная!..

… Острова же Янтарные – и не миф, не легенды былинные: явь –

да не каждому явленная…

и зверомирцы о том не проповедуют всуе, не исповедуют –

с этим живут, с этим к славе идут… коли же повод злой, Отчизне угрозный, – так и на смерть… но к смерти тогда притекают, как к празднику…

… что до звер зверомирских касательно, то о Создателе лишнего

зверомирцы не умствуют, они Его – чувт…»

‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’

«… всё наладится, всё будет… но не все будут…

воздадим же при жизни:

и врагам нашим,

и нашим:

ещё не павшим, но уже идущим на смерть!…»

‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’

«… будь панда, будь гризли, будь белый ведмедь:

нам есть о чём жить и есть о чём петь!..

… ну а если вдруг кто, захмелев за столом,

охамев во хмелю, станет сущим козлом, –

на рога есть рога, на врага есть орда,

чтобы время козлов не пришло никогда…

… так споем же, друзья, песню Мира зверей!..

а петь не умеешь – не пей!…»

‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’

Георгиевский Тигр

УДК 882.161.1 <p>ББК 84(2=411.2)6-4 <p>С-501</p></p>	придумано в России <p>invented in Russia</p>
<p>Литературно-художественное электронное издание</p> <p>ISBN 978-5-9902164-2-6</p>	<p>© Стихи, тексты, Смелянский В.Ю., 1985 – 2016.</p> <p>© Образы, Смелянский В.Ю., 2014 – 2016.</p> <p>© Изображения, оформление, Смелянский В.Ю., 2011 – 2016.</p> <p>© Сериграфия, трафареты, Смелянский В.Ю., 2010 – 2016.</p>

Смелянский В.
<p>С-501 Птица Слава: тайные сказы. Свод первый: Янтарные Острова и Рось, в десяти Сказах, поведанных Георгиевским Тигром. Сказ первый: Рысь Русь и Пупа, Попугай кархэдский. Встреча на Вишере: – Челябинск: «РИГ Персона», 2016. – 96 с.</p>

ISBN 978-5-9902164-2-6
<p>Сказание о параллельном Мире – Зверённой – разворачивает масштабную картину жёсткого, порою лютого противостояния звербидов Кархэдской Унии, назвавших себя “исключительным, избранным стадом” и на том основании рвущихся к тотальному владычию на планете Зелёна, и зверомірцев Рбсских просторов, издревле предстоящих в борении с самозванцами всех пород, мастей и окрасов… Действие развивается в условиях непрерывных, изнурительных гибридных войн, ряженных в тогу столь же гибридного “стылого мира”.</p>

Сказы богато иллюстрированы образами персонажей и “сред обживания”, атрибутикой и айдентикой: графика является неотъемлемой частью контента.

«Сказ первый» декалогии «Янтарные Острова и Рось» повествует о коллизиях судьбоносной “встречи на Вишере” – нежданной и нежеланной, случившейся “во времена злые”: в канун трагических событий, взорвавших непрочный, не самый уютный, но всё же привычный мир…

Сказы обильно аранжированы контекстными маргиналиями, флэшбэками, цитированием “в тему” звероСМИ, Зверонета и «Большой Зверомирской энциклопедии».

УДК 882.161.1 <p>ББК 84(2=411.2)6-4</p>
<p>Данное издание является адаптированной электронной версией малотиражного художественно-полиграфического объекта в жанре “Бук-арт”, имеющего коллекционное, а нумерованная часть тиража – музейное значение.</p>

Печать указанного выше объекта будет осуществлена согласно ОСТ 29.130-97 /роскошное полиграфическое издание класса кипсек/ ограниченным тиражом, предположительно – 999 экз., из которых – 150 нумерованных, являющихся малотиражным нумерованным произведением современного искусства, исполненного в технике “сериграфия” и подписанного автором — в соответствии с мировыми стандартами на авторские тиражные произведения искусства.
<p>В издании будут использованы эксклюзивные технологии /ноу-хау/ проектирования и печати – трафаретной и офсетной, разработанные четырёхкратным чемпионом всемирных олимпиад полиграфистов FESPA Awards В. Смелянским.</p> <p>Параметры, эксклюзивные материалы и технологии печати художественно-полиграфического объекта указаны в Концевом титуле печатного издания.</p>

<p>16+</p>
<p>финансовый координатор Надежда Рудых</p>

Земной поклон автора **Александру Корлыханову** – единомышленнику, другу и партнёру по самым дерзким и масштабным начинаниям, включая Проекты «**Фрески правды**» и «**Птица Слава**».

<p>media-группы ‘Рык Зверомира’.</p> <p>Предисловие к адаптированному изданию в Людьяни</p>

<p>Десятисказие (декалогия) «Янтарные Острова и Рось», первая книга которой представлена вашему вниманию, во многом соответствует понятию <i>эпос</i>: охватом времён и событий: текущих, минувших, назревающих, поэтически щедрым, насыщенным, при том же – почти доподлинным описанием ареалов житий и действ: Дали, Просторы, Глуби, Выси, обилием действующих и упомянутых персонажей: звербиды и зверомірцы, людбиды и людомірцы, индифференты и индильы, чұды да нёведы, иные существа да сущности, избытком историй, повествуемых в общем русле, и их разнородностью: сказы и притчи, были и нёбыли, песни и думы, “науки внукам”, познánки, воспитánки, вránки…</p>

Но это не *эпос* в привычном смысле, во всяком случае – не только *эпос*: пристальностью и дотóчностью изложения Сказы декалогии сродни *монографиям*. Или учебным пособиям. Или *хрестоматиям*. Но это не *монографии*, не *пособия*, тем более – не *хрестоматии*:

новаторский жанр Сказов о Птице Славе условно можно описать термином: “Сага в жанре **буказин**”.

Иноземное слово *bookazine* в буквальном переводе значит: “*книгожурнал*” – так называется издательский формат, ныне весьма успешный, подразумевающий подборку разнородного контента – подобно журналу, но единённый сквозной темой и/или предметом повествования – подобно книге.

Развитие сюжетных и описательных линий Сказов дополняется, сопровождается, порою и прерывается контентными статьями, маргиналиями, цитированием Зверонет-постов и форумных комментов, читать которые необязательно. Их можно пропустить, бегло с ними ознакомиться, вернуться к ним позже.

Но и основное повествование мозаично, “квантóвано”: структурированные фрагменты складываются в темпоритмические смысловые объёмы, ограниченные вместимостью одной печатной полосы – страницы.

Не совсем обычной страницы: размерами 34 на 32 см, на которой по воле автора умещено порою до 8000 знаков. Что вчетверо превосходит “*собаку*” – так некогда издатели именовали условно-стандартный (учётный) объём страницы: в те незапамятные уже времена рукописи принимались отпечатанными на пишущей машинке, и только на специальных бланках с логотипом издания, жаргонно именуемых “*собакой*”, где и умещалось около двух тысяч знаков с пробелами…

Несмотря на обилие сопутствующих, дополняющих текстов, основное сказание визуально легко различимо: оно как бы “скользит” по правым нечётным страницам книжного разворота. Левые же страницы – “вторичны”. Но:

«…не все принципы абсолютны, и этот тоже…», как утверждает сам сказитель, правда, несколько по иному поводу… И в представленной книге далеко не все страницы с чётными номерами – “вторичны”:

Сказ, невзирая на им же самим задаваемые правила, растекается и строкою и мыслью – где и как ему заблагорассудится.

От издателей

<p>книга впервые опубликована в электронной версии в декабре 2016 на сайте Проекта «Птица Слава» www.ptitsaslava.ru</p>

От редакции «РИГ Персона»»

Зверян, обитателей Зелёной планеты, ошибочно было бы считать аллюзией, подобием людян Голубой планеты из параллельной Вселенной, которые часто упоминаются на страницах Сказов, так ведь и те суть вымышленная реальность – симулякр Планеты людей, не более!…

Главное же различие в том, что зверяне, без оглядок на политкорректность, “рычат вещи своими именами”. Во всяком случае – зверомірцы…

<p>Издатели и Авторы издания не идентифицируют ни себя, ни кого-либо из представителей вида homo sapiens с вымышленными персонажами - bestia sapiens, то есть – со зверянами вымышленной планеты Зелёна, а равно – и с их воззрениями, мнениями и дискурсом в целом.</p>
--

Все совпадения, аллюзии, параллели, ассоциации – случайны.

^[1] Чтение не обещает быть быстрым и лёгким

^[2] Но для тех, кто прочитать решился, уж точно: не скучным

^[3] Обилие же афористичных изречений, оригинальных присловий да присказок, хлестких, забористых, “крылатых” да “пернатых” фраз и словёц, метких, колких, саркастичных “перлов” и “зáумей” – претендует существенно пополнить копилку живого, насущного языка тех соотечественников, для коих русский язык есть душа Росских Просторов, Рось же суть Родина, а не кормовой ареал

зачин

Злые времена притекли в Миры не потопом, не разверзлись разом чёрными хлябями. Исподволь, капля за каплей сочились они из провалов памяти, копились в низинах умов, ютились в подвалах сознаний, точили сердца. Капля за каплей, сердце за сердцем, разум за разумом – пока не заволокли всю бескрайность, от дали до дали, грязью болот и туманов, день ото дня густеющих. Зримое стало слепым. И бывшее стало иным. Ясное – мутным, благое – стыдным.

Миры обезволили, опутались нитями лжи, увязли в умётах подмен. Имена сущие заместились именами совранными, именами завранными – слова из уст помнящих и называющих отзывались уже не сочувствием, но страхом. Страх становился ненавистью, ненависть – признаком Жизни:

ненавижу, значит существую,
ego odi ergo sum,
ненавиджу одно існую.

И ложь стал говорить каждый, и они не слышали, как утекает их время, замещаясь злым.

Но были, кто помнил.
Помнил Радугу не тавром скверны, а спектром. Свободу – не товаром, но Волей.
Помнил отцов мужеска роду и матерей – женского.
Помнил, чья истинно Слава, и кто от Славы ведёт род свой.

Помнящих было больше, много больше. Но те, кого меньше, много меньше, были уже на гребне. В долю со злыми временами – капля за каплей, малое за малым, простор за простором – они затопили Миры грязью. И узаконились, воззвав к очевидному:

нелепо
“требовать от грязи не быть грязью”.

И грязь получила права. И сама стала правом.
А потом её провозгласили образом жизни и нормой.

И те, кого меньше, много меньше,
назначили себя мерой вещей, вещам же назначили не их имена,
именам же собственным присудили иные смыслы.
А вещи воспротивившиеся, имена несогласные – приказали убить и забыть.

Так шли, вождедея всё и подминая просторы.
Но и всего было мало тем, кого было меньше.

И восстала из забвения Птица Слава, Матьер Слава, и вернулась в Миры.

Весть о том разнеслась по просторам, ближним и дальним.
Находились те, кто видел сам, и те, кто видел видевших. Предъявляли пророчества и знамения, свидетельствовали писаниями и стародавними текстами. А если текстов не хватало, дописывали ненаписанное, вкладывая слова, надобные ныне, в уста давно минувшего, но лукавство такое печалило мало, слова-то были настоящие, слова были истые:

разве важно, кто и когда их выпустил на волю?

Введение в Зверовѣдение | выписки для реферата

Селѣнная прекрасна.
Но не единственна. И не одинока.

Селѣнная зверян есть лишь малость в многомерной Мультивселенной, коя соткана из множеств Миров – параллельных и симультаннх, сиречь одновременных.

И в каждом – своя крепь: свои Устои, разнящиеся где в малом, где в целом. Вот почему именуют Миры: Разномирьи. Разномирье – коли вкупе, Разномир – коли толк об одном из них.

Таким Разномиром – среди многих, во времена бно Создателем явленнных, – предстают Селенские дали: Селенная. Впрочем, это термины высокого, книжного звероречия. В обиходе – просто Зверенная...

... кою и обживает по своему разумению bestia sapiens: “мудрый зверь”, обживает с малого.

Пока лишь – планету Зелѣна, но с прицелом – на всё прилегающее.

Равно и homo sapiens: “мудрый людь” – свою алчет подмять Вселенную – всю, начиная с планеты Голуба.

И в любом Разномире разумный его обжигатель – aliquis sapiens: “кто-то мудрый”, “любой мудрый” – вожделет стать центропупом...

Сие не улыбает – сие печалит; в исподнем таких философий – не милая восторженность, не детский нарциссизм – сугубый прагматизм и хищный экспансионизм... И не жеманятся “мудрые” даже – открыто татьствуют!

Бескрайние дали, просторы да ёми – уж все почти! – кем-то да отслежены, изведаны, обнюханы, и везде копошится жизнь. Жизнь разумная, как себя сама полагает. В силу того – стремится “окультурить”,

“цивилизовать” и всё остальное – что вокруг и что дале: за пределами круга... что означает:

отсвоить, приладить к собственной пользе, к выгоде, к рациону... или вразумить “под себя”... или просто обнулить по несговорчивости...

Не избежала подобной участи и Планета Зелѣна, дали, шири, глуби, выси которой бесцеремонно отсвоены, и изводятся, и проедаются – деятельным, предприимчивым, пассионарным, голодным всегда звероценозом, опрометчиво то ли пущенным на постой гостеприимной планетой, то ли ею ж самой и сотворѣнным для какой высокой на́добы, всеми забытой.

Зелѣна и Голуба

Населяют зверяне самую красивую, самую приметную, многоводную и атмосферную, изобильную и щедрую, приветливую да добросердную, для жизни же – самую уютную из всех планет известного им космоса... коя их, зверян, приютивши, не только согревает всечасно да пузро питает, но воспитует и дух окормляет. Именуют зверяне свой дом, он же и alma mater – Зелѣной планетой. По торжественным поводам: Зелѣна планета. Или просто: Зелѣна.

Сравнивая две “пристани мудрых”: Зелѣну зверян и Голубу людян, можно полагаться лишь на мнения избранных – счастливых, посетивших Миры сопредельные, не без помощи Янтарь-Островов, разумеется. Все одно твердят:

«... Планета зверян – зеленее, у людян – голубее!..»

При том же – хитро улыбаются...

На деле – извне Планета зверян действительно: зеленее кажется! Но не за счёт буйной флоры таёг да лесов, да лугов, о коих зверяне пекутся всё же рачительней, бережливей иных “мудрых”... Причина “зелёности” – в отражательных свойствах её атмосферы и густо-зелѣном оттенке воды, покрывающей жидкой кожей три четверти планетарного тела.

Зверомирцы и звероиды

В звероречии есть древнее внятное слово: “ценбз” – скопление жизни, единѣнное общим.

Не одно лишь к зверянскому быту относится...

Не все из зверян, но много: для *Судного Дня* – предостатно! – межуют, рбзнят, осбят себя (как ментально, идейно, так и земельно) – по принадлежности к двум лагерям, двум “духовным мирам” – ценбзам, противостоящим глобально... лютым-взаимно, непримиримым... кои же исстари ратоборствуют смертно... мирно ли... ныне – гибридно.

Один из тех лагерей – Зверомир, Славный Победами. Мир несгибаемой воли, крепости духа, мир здравых Устоев и Отчих заветов (... не всегда, не во всѣм... тоже ведь звери... с клыками, рогами и животами: не духи святые!.. явь же – полна соблазнов скорбных, вкусных табу, запахов дури, зовов люта́ и беспредела...)

С тем заедино, в общем и целом, прочие земли: “неподвла́дичные”,

коих ядром и предстоятелем издревле слыли Великие Ро́сские Ёми.

Имя больш́инам тем: зверомирцы.

Противостоит Зверомиру – враждотворец Зверильник, общим титулом: Запа́дл, именующий ныне себя: Ливера́тия – мир завроСвободы, в коем сбродились рбзные страны, стада и отдельные твари, подвла́дичные духом своим – завроящеру Сво, Папе Свободы, а бытййством – его цитадели в миру: мериканской Карх́адии...

... мериканцы ж себя почитают “исключительным, избранным стадом”... да на том основании рвутся

к тотальному зверовладычию – над планетой... над всем прилегающим... и над тем, что там далее.

Так были уже – и не раз! – претенденты подобные: яко бестии!.. кои пѣрли ордой в доминаторы, сами себя поназначив “избранной мастью”, “чистой породой”... или зверу какую несли на клыках: “единственно-верную”... или же: “свет просвещения”, “общезвериные ценности”... Зверомирцы таких вот “прогрессоров” – скопом покоили, остатних – на век вразумляли... Но век скоро проходит, и: «...ежежды внове: “Царь-горы” в изготове!..»

Проживателей тамошних именуют: звероиды, ещё – ливера́ты. Но верно ли то? Весь ли народ в тех могучих державах, особо карх́адцы, дерзкой историей вѣстные, – одно ливера́ты?! да все ли – звероиды? – то вопрос! могучий вопрос!.. Это лидерам ливеров хочется так: чтобы все!.. А в первую голову: Сво-завроящеру, Папе Свободы.

Так и промеж зверомирцев – не сплошь заединство: *противных* в достатке, хоть и меньши́нно: одною десятою.

‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’

по материалам разделов:

2-1. ‘Основы Звероведения’

2-3. ‘Зверосмыслие:

Метафизика. Онтология. Космогонии’

Десять Сказов, поведанных Тигром

когого чести велико известны:

как стража просторов отчих и весей,

заступника також: от супостата и чмора,

от пришлого татя и домородного вора,

как аэда: певца Зверомира Славного,

росской доблести древа и древлего блага,

он и разно учён, и мыслью воитель,

юных умов поводырь-вразумитель.

род их древний, Георгиев:

от войны и от лиры.

и двойник он Победе, сестре его...

кто не ведал:

Победа –

есть тако же Тигра!

*от друга верного Сказского Тура
посвящение*

Сказ первый: Рысь Русь и Пúпа, Попугай кархáдский

были-былицы о молодой девице,
хозяйушке славной Рóсских просторов,
что приветлива нравом,
да лют её норы

Рысь Русь была девушкою правил строгих:

владеть ею никто не владел, волю её никто не безволил, а кто и пробовал – тех кости в земле,
чернеют-тлеют, да имена рассеяны в пыль. Но то не былъ – полбыли.

А сваты не сватали: некому! Сам пойдя, сам рыскни, сам испытай свою удаль. Краса-то красою, да глаза
грозою, Статью дерзкая, зубы резкие, когти резвые. И не бабьими сказами русий нрав удуман суровый:
ярую, лютую кровь стремится рысьего рода могу́та.

И претензии у девушки Русь запредельные: не простого ей, занебесного подавай суженного. Путь,
говорит, у неё особенный, мессианский. Что такое, сама толком не разумеет, но уж суженный точно:
должён соответствовать.

А ведь было дело, замутил её, взбаламутил Пúпа, Попугай кархáдский, тролль да вратель. Мол, там,
где кончаются облака, там, где выше небес, да ещё к тому шаг сквозь Селенские дали, ждёт её, деву,
лунный принц: Рысь Серебряный. Иди, мол, лети, рыщи своё счастье, обретай в преодолении далей,
в борьбе с притяжением! А мы тут, неспешные, суетами к тверди прикованные, твоё остальное всё
пока скараулим: просторы там всякие Рóсские-ёмные, воды-горы-равнины-леса непомерные,
руды-каменя да сотни нефти несчитанные... Про то и друзья имеются, доброжелатели, тебе вёдомые,
надёжные, верные: Чёрный Макак, тот, который Мак, Кабаниха Ху, которой всякое всё фиолетово,
да известный козёл, по паспорту так же Козёл...

Задумалась о трудном Рысь Русь, о далёком, размечталась, разгрезилась. Затосковала.
В снах-то – счастье, в былъ ненастье. Да и озботилась: засобиралась. А на молвленное о “друзьях-
доброжелателях” – оскалилась вежливо: знаем, нюхались, рвали-драли. Не впервой они о нашем
дobre да о наших просторах заботу чинить вознамерились. Також и предки их, соседи добросердные,
по наше добро – ходоки усердные... Вот пусть те “друзья”, надёжности ради да верности, в родные пенаты
вернут кости пращуров: не все из них стлели, их по нашим просторам обильно посеяно: что в полях –
в перемес, что в подзолах, где лес, что в расселинах скал до небес. Да ещё по могилкам забытым, но
не безвестным: не все ж имена рассеяны в пыль!

Но то было после уже, то другая былъ. Началось же с того, что следом.

Где путь безоко́льный и зверю не вёдом, даже небом шныряющий коршун не знает путей прямолётных,
в скалистых верховьях северных: Вишеры, где дикарка-река в перекатах кудрявится, льнёт к валунам,
в порогах резвится, а тугая вода в ней прозрачна, чистá, что слеза, озарённая светом: там и случится.

Не за ша́ньскими горами,
не за индскими ветрами,
не на небе, не на дне,
не в заморской гей-стране,

не в Эдеме, не в Тартáре,
а на северном Ур-Але:

где до севера две тучи
и две ночи до жилья,
где дожди, зайдясь в падучей,
водят хма́ры комарья,

где туман, меж скал обвисший,
блáзнят небом облака:
по горам там косы пышные
плетёт Вишера-река.

Ур-Ал

encyclopedia | 'Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура'
| авторский парафразис

Суровый, могучий, кряжистый, опорный и упорный Ур-Ал – не только родитель и разделитель великих рек, стекающих с Ур-Альского скома на запад: в Росскую твердь и на восток в Сиб-мир, да разъявший тем самым кормящие ёми на вропейские и азийские.

Ур-Ал неприступной стеной разделяет миры духовные: западный дух – кархадский, завроящером Папой Сво изрыгаемый, и дух восторга – российский, зверомирский, самой Птицей Славой пестуемый.

Старейшая на Зелёной планете горная страна: ском Ур-Альский. Становой хребет Зверомира. Опоясал камнем Росские Ёми от Севера к Югу:

ото льдов Арктиды до сердцевины Зверазийской суши: просторов Казакских, перекрёстка Воль и Путей.

Именуют ском также и Каменным поясом, и даже: Поясом Тверди.

Не одним зверомирцам та крепость и твердь: всем, вставшим противу Западала.

Хребтов-перьев поломали немало да тонны грантов проели мудрецы зверяньские – всё толкования ради синтагмы старозаветной: "Ур-Ал".

Хотя зверомирцу всякому, даже неучу ведомо:

"Ур" значит "свет" на древnezверянском самскрите. Клич победный "ура" – того же корня: от "ур".

И Урарту с её славной столицей Ур – держава старовременная, что основали барсы-хурриты, предки друга нашего Снежного Барса. И так же Уран, ядрённый ядерный камень-руда.

"Ал" – слово ёмное, умное, праязычное, означает: за устремлённый – вовне, за пределы – к высокому, горнему",

но также и "камень", и "твердь", и "могутная сила", и "держава, родина", "род", и даже – "Создателя сила".

По всему и выходит:

"Ур-Ал" – это "Свет, устремлённый вовне, за пределы", но равно и "Твердь, устремлённая к Свету, к востоку".

Всем нам, зверомирцам, то внятно.

Река

Начиналась она на росском севере, в Борейных просторах, где зёмли от глубин рудны, водны, изобильны, а дали и выси жизнью переполнены. Но и суровы, особо к чужим.

Сказывают-де, сам Прозолотень-змея, недра стерегущий, родом оттуда, но и небесные Пазори – сияния полярные: того же роду-племени, Борейного. И там же, на отрогах Ур-Альского скома, река являлась: из двух истоков, сокрытых под непрестанные снега от ока недоброго.

А таётся те снега в морщинах почтенных вершин: Халь-Сори-Сяхыл, позаросшей берёзой, и Саклайм (тоже "Сори-Сяхыл" – "гора с седловиной"), где были рассыпаны бусы, кем – давно позабыто.

Съединив оба тока у скалы Мунинг-Тумп, что за Вишерским Камнем, стремилась шальная река серебряным бегом на Юг, собирая походом щедрые воды горной страны в слитную силу. Потом – и воды равнин и предгорий, воды тундр да лесов, да глубин-подземелий, и воды небес, и талых снегов да льдов.

Ночной рекой её звали. Или Большой водой, стекающей с севера. Сама же звала себя Вишерой.

Ском

Вразумляли да правили реку резвую хребты-кряжи ур-альские – древние Камни, вывалившие к небу из чёрной тверди, из недр времён, а стародавнее гор на Зелёной планете и не было: ни в былом, ни в запмятном. Прежде памяти Камни те ставлены: до копошения жизни и морей-облаков задолго.

... В том коренном, безымянно-бесформенном, где затевались планетные тверди – мир там не ведал голоса мёртвых, которым и прядена память, а Камни уж были...

Не понаслышке, не из энциклопедий путанных ведали исполины каменные, что за зверь такой: катархей. Или архей с протерозоем последующим.

Нам, копотнё живной: веком плюс – уже и история. Им же, вечностью литым, целоразом эоны – эка невидаль!

Сходите, спросите за те схлынувшие лет миллиарды, спытайте у старейшины скома: Кара-Таш-горы, Чёрного Камня, чьи архейские скальные плиты минералом редкостным сложены – израндйтом.

А израндйт – он камень иной, не от мира сего: он от мира глубин, от мантии плоть, что затажно бурлит под земною корой со времени оно. Оттого и узреть израндйт в мире дённом – удача эпическая.

Но вряд ли гора Кара-Таш толковать станет – с вами. О чём толковать Эпохе с секундой!?

Говорить, так уж с ровней, да ровня далече: за тайгами-урманами, за ветрами-шайтанами, за солёными океанами:

на гудзоновом севере Кархадских подвладыхных просторов. Зовётся та ровня Скалы Нуввуагиттук. Годков им столько ж, иные считают – и боле, да неверно считают, а самим Камням про то вовсе без надобы: летá свои миллиардами меряют – ныне уж пятой пошёл. Смешно миллионами в гаках тягаться.

Тягаться, считаться да меряться – удел скоротечных: нас. Не Камней, литых вечностью.

Ур-Ал. Край опорный, упорный, суровый.

И река-Вишера. Ни много ни мало: питомица самого Ур-Ала.

Море

Куда стремилась Вишера, река северная, что за нужда необоримая влекла её к Югу?

Каспий, море Восточное. Или Хвалисское, как пращурь звали.

Не совсем чтобы море, по чести – гигантское озеро, хоть и солёное, местами и солкое.

А крупнее озёр и неведомо, величием равных – незнаемо. Самостийная гладь, самоправная.

Даже вытока нет, а втекает сто рек да ещё тринадцать. Глубьями, ширями, норомом: истинно море!

В Зверомире их два – озера-моря восславленных, заповедных, питающих более дух, чем пузро. Второе – Байкал, “великий колодец”.

Толкует-де, там, на Байкале, взору достойных являют себя Янтарь-Острова, числом двадцать семь, меж которых и Янтр – Стольный Остров, Птицы Славы обитель.

И на Янтре же – Озеро Плазмы, Пуловина Миров...

То молва. А молва, что волна: набезит да откатит, и вновь набезит: вроде та ж, да другая...

А истинно так. Янтарь-Острова – не от мира сего: заведённого нами не знают, заумей мудрых от нас не читают, чаяний молвленных слышать не могут: ухо другое, в другом измеренье... И являют себя, где им вольно.

Не с ветру о том говорю – от предков, кои там бывали, янтарные мёд-пиво пивали, да и наказывали:

не молоть пустое, коли умом невнято, тем паче – о святом.

И жил себе Каспий: вольно, раздольно, волей своей единил зверазийские земли:

необъятные Росские Ёми, приветные земли Казакских просторов, древние земли воинов-барсов: просторы Ирана, Турана, Азар-бадагана.

Туда вот стремилась дерзкая Вишера.

Но наперво – встретить сестру свою Каму. Принять в себя долинные камские воды, обильней которых в Росских просторах лишь водосборные сети Сиб-мира... И далее –

слиться в объятях с молодой сестрицею Волгой, девой вольной лесов да степей, да ушкуйных раздолов.

zveronet | портал 'Роствердь' | post 'Великая река', Tigris

Кто впадает в Каспий

От лазорей полярных собирая походом росские воды, река-Вишера копит силу живую: явить её Каспию.

Зачем? Вопрос умный, да глупо любое в ответ – ответа и нет. Одно непреложно:

странничала Вишера отнюдь не в поисках рая обетованного во землях былинных, Беловодьем прозываемых, где стать бы ей рекою снебесной, млечной, о берегах кисельных:

то сказки всё, *преданья старины глубокой*.

И внове скажу:

“зачем стремится Вишера к югу, на Каспий?” – то умность. Любой же ответ тому – глупость.

Занятней, однако, другое:

Сказкий Тур, зверомирец, старейший из всех и сведущий в разном, сказывал так:

мудрецы Планеты людян, тех самых людян, которых и нет, и быть не могло, но о которых все знают, – те мудрецы учат малых своих, людодеток:

людянская Вишера в Каму впадает, а древняя Кама – в молодую Волгу, а Волга и есть тот могучий поток, что вливается в Каспий!

И о том мудрословы Людянии перьев-хребтов поломали немало да проели на то тонны грантов.

Но если их реки, как наши, зовутся, и также текутся, и Вишера горная – выше истоками, а водами – толще, чем Кама долинная, которая мощь обретает, сливаясь с могучим вишерским током, а Волга молодая – их обеих низинней, и древних не ведала рублищ, как старшие сёстры, – если всё так же у них, у людян,

то как же текущее после стало в начало?

Тур говорит, мудрецы невиновны, а виною тому – людомирские вёхи: Волга – их Путь, людомирцев, – кровью омытый, овенный Славой...

Коли так, их и правда. Пусть даже их нет.

Нам же, зверянам, доподлинно ведомо: **в Каспий впадает великая Вишера.**

Рўсла

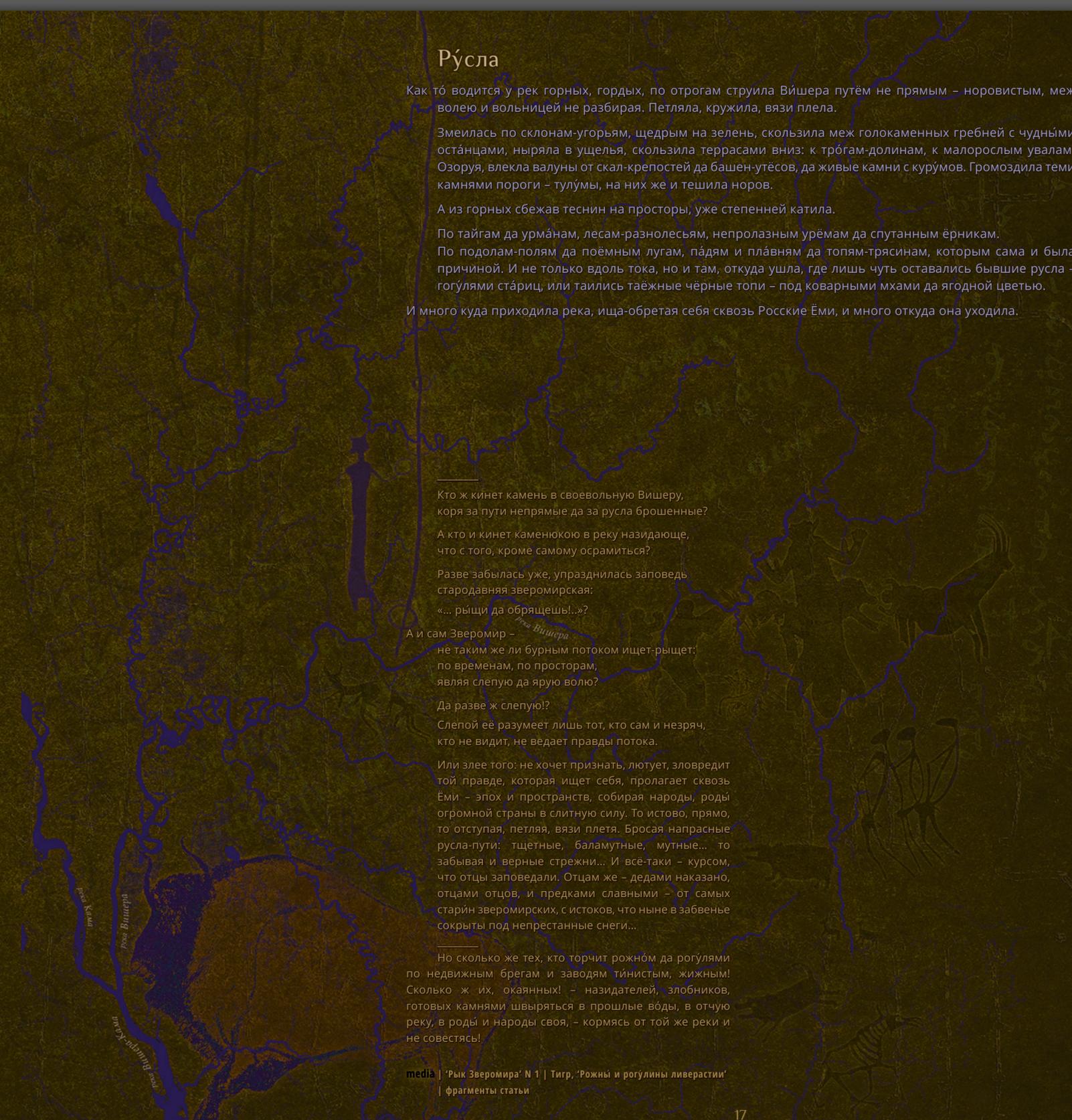
Как то водится у рек горных, гордых, по отрогам струила Вишера путём не прямым – норовистым, меж волею и вольницей не разбирая. Петляла, кружила, вязи плела.

Змеилась по склонам-угорьям, щедрым на зелень, скользила меж голокаменных гребней с чудными останцами, ныряла в ущелья, скользила террасами вниз: к трогам-долинам, к малорослым увалам. Озоруя, влекла валуны от скал-крепостей да башен-утёсов, да живые камни с курумов. Громоздила теми камнями пороги – тулумы, на них же и тешила норов.

А из горных сбежав теснин на просторы, уже степенней катила.

По тайгам да урманам, лесам-разнолесьям, непролазным урёмам да спутанным ёрникам. По подолом-полям да поёмным лугам, падьям и плавням да топям-трясинам, которым сама и была причиной. И не только вдоль тока, но и там, откуда ушла, где лишь чуть оставались бывшие русла – гогулями старьц, или таились таёжные чёрные топи – под коварными мхами да ягодной цветью.

И много куда приходила река, ища-обретая себя сквозь Росские Ёми, и много откуда она уходила.

Кто ж кинет камень в своевольную Вишеру, коря за пути непрямые да за русла брошенные?

А кто и кинет каменуюю в реку назидающе, что с того, кроме самому осрамиться?

Разве забылась уже, упразднилась заповедь стародавняя зверомирская:

«... рыщи да обрящешь!..»?

А и сам Зверомир – не таким же ли бурным потоком ищет-рыщет: по временам, по просторам, являя слепую да ярую волю?

Да разве ж слепую!?

Слепой её разумеет лишь тот, кто сам и незряч, кто не видит, не ведаёт правды потока.

Или злее того: не хочет признать, лютует, зловредит той правде, которая ищет себя, пролагает сквозь Ёми – эпох и пространств, собирая народы, роды огромной страны в слитную силу. То истово, прямо, то отступая, петляя, вязи плетя. Бросая напрасные русла-пути: тщетные, баламутные, мутные... то забывая и верные стрезни... И всё-таки – курсом, что отцы заповедали. Отцам же – дедами наказано, отцами отцов, и предками славными – от самых старин зверомирских, с истоков, что ныне в забвеньё сокрыты под непрестанные снега...

Но сколько же тех, кто торчит рожном да рогулями по недвижным брегам и заводям тинистым, жижным! Сколько ж их, окаянных! – назидателей, злбоников, готовых камнями швыряться в прошлые воды, в отчую реку, в роды и народы своя, – кормясь от той же реки и не совестясь!

zveronet | портал **‘РосТвердь’** | **post ‘Сказ первый: Рысь Русь и Пúпа, Попугай кархáдский ‘, Tigris** | **comments**

subject: что есть в Сказах сабж, сиречь предмет, подлежащий сказыванию, офтóп, сиречь растекание мыслию/мысью по древу, и флуд, сиречь словоблудие праздное

	TIGRIS
	
Далеко-долго течёт Вишера-Кама-Волга. Песни ж Вишере петь: за рекой не поспеть, каждый всплеск – песня новая. Да и сказ не о том: о Рысь-Руси наш сказ. Девушке с норовом. И о Пúпе, тролле да врателе, Попугае кархáдском.	

... Но то и оно: свидаться им суждено не в безродном вакууме, не в кромешном “великом Ничто”, где всегда – ничего, одни ветры возможностей шастают, да и те – в озорство себе.

Напротив: очень даже в насыщенной юдóли их бытность накапливается, где красота-благолепие с безобразием равно соседствуют и ратоборствуют непрестанно.

И эпическое рандеву их нежданное, нежеланное не в либо-какой топовой тóсе затеялось:

не “У Жака” в живопýрной пивáльне, не в “Упыри да утки” едáльне, не в “Голубый зверь” клубе дальнем.

Встретились они в перевозданном, толóком: на могучем хребте, на Камне Тулымском. Тулым же – первейший на Вишере Камень!

За Вишеру многие ль пели? И пели, да больше-то жизнью сложили, чем песен успели...

Вот и пусть красота раздольная, вольная, не лапами деланная – помнится, в слове останется. Пока она есть. Пока не отсвоили, не застроили, рентабельностями не споганили, водерёнъ инвестициями не отъярили...

Даром, что ли, вон Лис Патрýкий да всякие чины свитские сюда зачастили, зашастали. А придёт делец – всему и конец: то и кружит челядь свитская, виду державного, поживным озабоченная, да всё больше Песцы Важные: мол, сам Белведвь наказал-указал...

Не зверомирцами заведено, да бытует: учудит где кто мерзость какую – давай и валить всё на Первого, кивать: он Первый и есть, с него, мол, и спрос. Сам-де велел, ли хотел повелеть, ли думал, что вроде хотел... А мы что? – мы зверь маленький! Наше дело – не думая делать, а думы думать – увольте: на ту нужду Сам и имеется, для того ж Его выбирали.

А что Сам-то наказывал пользу содеить, а не ярить без разбору тою пользою всякого, – то уж мелочи, то детали, подпунктики...

Слово зá слово: Свита в Сказ затесалась. О Первом допрещ не поведали, а свитские тут как тут, будьте любезны!.. Везде сподобятся...

Тáк-то и есть: нетóрен, тернист сказания путь сквозь таёги густые былей ветвистых... Что казисто из них? что взять в толк? которые ж толки – и минутъ!..

Сказ – не сказка, не быстрый рассказ, где шаг влево, шаг вправо от сюжетной тропы, по которой за каждой причиною шествует следствие, а все вместе этапом бредут в заключение, – шаг подобный зачтётся попыткой бегства...

Сказы ж наши текут своим чередом, вслед за жизнью по руслам ветляя излуками: не разбирая, где горы, где бор, не сверяясь с молвой да наукою.

	Таурoс
	
Случалось мне лично встречать людомирца Бояна, мудреца и аэда. Вот уж кто не взирал на úзы сюжета! хоть и мастер был на запуты. – Власть, и нам и себе, он в песнях офтóптол, возложив гусли лирные на всякую хрюю: как на строгую, так и на вольную!	

Хрия ж – сие не словечко креплённое, славное: термин это – науки риторики, сиречь зáуми о расположении мыслей во следовании ради главного. Что и значит на нашем, на зверомирском речении: “раскус темы по кóсти”,

на языке же корявом, на сленге инетном: “фырчáние сабжа”.

«... *Боян, бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеться мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы...»*

“Мысь” – на старославном людянском – и “белка”, и “мысль”.

Так и выходит: Боян для ясности складной растекался белкой-мыслью по древу, да серым волком стремил по земле, да сизым орлом под облака взмывал. Тигр же Сказитель офтóпит не белкою мысли: тй́грой мысли, да зубы-когти особо не пряча.

... Дети Тигрицы Победы: Тигрёныш Кузя и близняшка сестра его, Тигряша Дуся, коих я вразумляю факультативно по просьбе их дяди-забóтника, а мне друга верного: Тигра Георгиевского, – те непоседы спросили однажды лукаво, под дядин слог сказный схоже ррэпуя:

вот зачем им всё это – Сказы эти со многими буквами, да словесами, не всем и понятными, и офтóпами, дюже безвистыми?!. А то сами они там не шастали, по таёгам нелáзным не лазали, да в студёных вишерских водах хвосты-попы свои не мочили?.. Коли ж где покуда и нё были, неужель Завронет не погугают? да хоть ту ж педивизию вражую... На что сами ж недолго и тóумкали, ибо близко с Козлом повстречались: на своей, на родной территории, где козлам и не место бы, кажется...

И верно рассудили близнята: свои знания надо носить при себе – в голове, не на флэшке в кармане, да не уповать на инет, на доступ как бы свободный, но при том – под недрёманым оком многоглавого модератора, зéло серой вонючего.. Уж тем более – хоронить в облаках, веря в тех облаков возвышенность да в их совестливость, и надеясь, что всё, в них укрытое, отдадут по первому требованию, и внутри всего, там хранимого, ни один грызун не пороется...

И при том – всегда будет везде электричество, и никто Зверонет не отрубит рубильником!

... А язык свой родной, своё звероречие – позабудешь всёе, или вовсе не знаешь: будешь блеять на кóзлем наречии и пиндóсить слегка по-кархáдски! Но кархáдский – кархáдцам родной, а для наших он – “дáтский”!

!“дáтский”- от слова “дать”, если не то кто подумал.

	kozel-nickname-Kozel
	
Привет, вата! Наткнулся в Сети на ваш “заповедник”, точнее – “заказник”))))))))) ‘РосТвердь’, счёл необходимым отметитья.	

Читать Сказы – не читал, но ознакомился с их содержанием, если такое кошерное слово применимо к этому тягучему, протухшему киселю из кислой ягоды кремнёвой пропаганды: всегда безбашенной и бесстыжей...

Хочу внести в дискуссию (если ваш ватный лепет можно так назвать))))))))) “свои пятьцентов”, и “бросить свой камушек”, точнее – фекашечку))))):

— язык опуса – нестильный, грузный пафосом, сплошь заквашен на квасном и посконном!

— каждое слово воняет патриотизмом, сермягой, вообще рóсским – то есть нецивилизованным, лживым, несовестливым, отсталым, варварским!

— не отражено разрушительное влияние на экономику края белведского кровавого режима и Свиты Белведя – поименно... Смотрел стримы с камер в Завронете – пляжи пустые. Зато Вишера наша. И красóты очень сомнительны: козлам там некомфортно, сервиса нет, правильные травки – не в шаговом доступе, малолетние зверятки – под надзором, права меньшин – в загоне...

А правильная демакáкия – это именно права меньшин, и только меньшин, которые управляют и вразумляют поротное подкóвное большинство, которое прав недостойно по определению, пока само не станет меньшиной!..

— А чего стóят, к примеру, вот эти квасные послылы: “... владеть ею никто не владел...”. “... неподвладычные Просторы, – никому неподвладычные...”

Чем гордитесь, нищebroды, голотá бюджетная! У нас нет права на суверенитет: мы бедные!

Вот вы говорите: просторы, вóды, рúды... Чушь! Ватная, подкóвная пропаганда!.. Ценно не то, что вы видите да чуετε своими зомбированными нюхами, – ценны цифири в биржевых сводках, в аналитических прогнозах и докладах совестливых, образованных тварей, лучших из нас!

Каковы цифирьки в компетентных докладах и рейтингах – таковó мы и стóим, столько и прав!.. Рóсские недозвери не достойны всего этого! – ресурсы и просторы надо отдать для отсвоения Глобальным силам Добра и самым неполжívым, чистым из нас, козлов!

Пока же – кровавая клика Белведя присвоила себе право единолично ураганить, грабить и объедать просторы, бесконечно отсваивать и обогащаться. И это право белведская воровская Свита нам – лучшим из тварей – за просто так не отдаст!..

Так переможемо!

zveronet | портал **‘РосТвердь’** | **post ‘Сказ первый: Рысь Русь и Пúпа, Попугай кархáдский ‘, Tigris** | **comments**

	Rys'Rus'
	
Из Сказа обо мне – узнала о себе много нового))) Тигр – ты зvéрище с большой буквы! И МУР-РР и ХР-РР !!!	

Что же до козлего флуда касаемо – так нам тó нюхать не внове... Ещé матушка моя, Алая Рысь Софья, наказывала, а ей – её матушка, Светлая Рысь Кыйская, завещала:

главное – перемогой! не дай времени козлов затвердиться! Всех козлов – не передавишь, не порвёшь, не переваришь, кóзлиц – больше, чем клыков праведных, даром что меньшинами именуются, сами ж, как плесень – по углам да умётам от нашей душевной лени заводятся, да нашей нравственной сырости, да ещё от попустительства пагубного...

Так тут и призадумишься: то ли рвать всех кряду, подобно Кабанихе лютующей, – так зараз Кабанихой чёрнокрасной и станешь, то ли терпеть терпелкою зверосердной, уважая козлячее мнение: а чего мне его уважать, зачем эту гнусь мне выслушивать, плюрализмом меня ж и хулящую!

Да вот, полюбуйтесь, я тут навскидку погугала в завроСетях – в клоаеккреаклов, где Козлик–то наш всё больше тусует да умничает под никами:

kozel, kozel-nickname-Kozel, buck, kopytopozhatny – в “Сотграмме”, в “ТЬфуттере”, в “Мордобуке”, в “ТыПень”, в “Одноклычниках”, “Однохвостниках”, “Однолапниках”, “Одноклювниках”, “Одноперниках”, “Односледниках”:

«... Зверомир не совместим с ливерценностями! Здесь дóлжно быть изничтоженным всё, и все – перемолоты в ливер!..»

«... Нам – копытопожатным, интеллигентным, совестливым, чистым – пора забыть о таком народе, который даже не стадо, который упрямится стать просвещённым ливером и который всем нам – неполжívым, умным, образованным – может сделать и бо-бо и бе-бе взаправду... Противный, отвратительный, несъедобный народ!.. Ненавижу!..»

«... Все боятся нашей рóсской ёмности – огромности, необъятности, раскинувшейя в некомфортной и непонятной для всех позиции. Надо стать маленькими, обнятными и встать понятно, и тогда сразу же, в очередь, все нас будут любить... Это так красиво, когда тебя все, везде и всяко любят!..»

«... Патриотизм выбирают идиоты, а умные выбирают гешефт, парфюм с запахом тéчек и денег, свободу пола и травок! – это экологично, прагматично и неполжívо, главное – комфортно: жить надо в кáйф, сытно жрать и сладко пáхнуть, а не пахáть и пúхнуть за идею!..»

«... Вы все – белведи, тигры, рыси, барсы, туры, – вы все покорное, безрóжное, беззубое стадо, обречённое на вымирание! Вы рабы, насекомые, безмолвные рыбы, не знающие свободы быть козлами!..»

«... Вы все – латентные козлы, доказано!..»

	VladimirMarkin
	
Диагноз: гнида смердящая. Способ лечения: давить!	

	Tigres-catulis-Kuzma&Evdokia
	
Камрады, а VladimirMarkin – это кто-то не наш, это кажись, с Людонета...	

	Rys'Rus'
	
Что значит: “не наш”?! Наш он: наш с потрохами! правильный мужчина, Сامةц – уважаю!	

Эк он рыкнул зéло за всех разом: и о козлах людомирских, и о паскудниках наших! Везде, видать, в Разномíрах такие пасутся...

... Погодите, фырчáне, что ж получается: людяне – таки есть, коли у них есть Самцы?

	Belvedka
	
Людян нет, и быть не могло, но мы о них знаем. Это, скорее, музыка сфер: непостижимо, необъяснимо, но сердцу приятно!..	

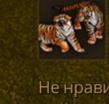
А Козла послушать: куды ни глянь, куда ни кинь – по всей державе, по всему Зверомиру – один отчаявшиеся тушканчики да хомячки в печали!

И лишь козлы праведные, аки герои былинные в белых доспехах, совестью сияющие под нимбами честности, – одне оне стоят на защите светлого да пушистого, не щадя пúзер своих да рогуль...

	kozel-nickname-Kozel
	
Я уважаю ваше мнение, несмотря на явно некомплементарные, неполиткорректные выпады в мой адрес и в адрес всего светлого, чистого в целом, но за это вы ответите, когда наши придут...	

Касательно же сабжа, хочү заметить: ваша точка зрения имеет право быть, и мы её услышали. Но есть и другие точки зрения: некоторые эксперты, ссылаясь на авторитетные мнения, считают несколько совсем по-другому...

	Evdokia
	
Иные считают, что небо в алмазах, другие – что в дырах... И что? каждую хрень теперь комментировать?!	

	Tigres-catulis-Kuzma&Evdokia
	
Слышь, ты, Козёл, наш дядя сказúет и пишет, как хочет!	

Не нравится его ррэл сказный – шкандыбай стороной, жуй травки – проси добавки!..

	Kuzuя
	
Козёл, ты воще не отсюда... Кто пустил Козла на нашу поляну?! Куда не зайдёшь – <i>там ты сидишь</i> ...	

Изыди! К своим геть – в свои живопýрки: к упырям да троллям!.. Сядь в свой ушкой, да греби отсюда – в родные пенаты:

“к стаду лаюющему, лайкающему да алкающему взаимности таких же душонками малых да сирых”, – складно дядя о том говорил: о ваших: хомячках да тушканчиках, скунсах да прочей вонливости...

	Belvedka
	
Кузе решпект за слово: “живопýрка”! – не знал... Спросил батю, он отмахнулся: мол, что-то типа Горламентá или Думилы нашей!..	

Глянул в Даль, нашёл!.. Так и делюсь с фырчáнами: “живопýрка” есть то же, что тóса – дурливая, стремная, где толчая, да гвалт, да разборки – грачь, стало быть, полный. А “грачь” здесь – не птица: спóрованые злоязычное, пустопо-рожнее, для Завронета – язык базовый.

Кстати, спешу заметить, камрады-фырчáне: други! мы сейчас занимаемся тем же – грачим!.. имхо: тролль-козёл добился тактического успеха!

	TIGRIS
	
Прав Белвежёнш, смекалкой – в отца! Не след нам вестись на козлиные трели да тролли. Что в них, кроме гнуса да пенистой злобы?	

Буде и вякнет такая скотина как бы и дельное, да цена той дельности – грош, червяк на притраву: из уст таких и правда – ложь, а истина – отравá!

Не грех напомнить всем речение Тура, друга нашего:

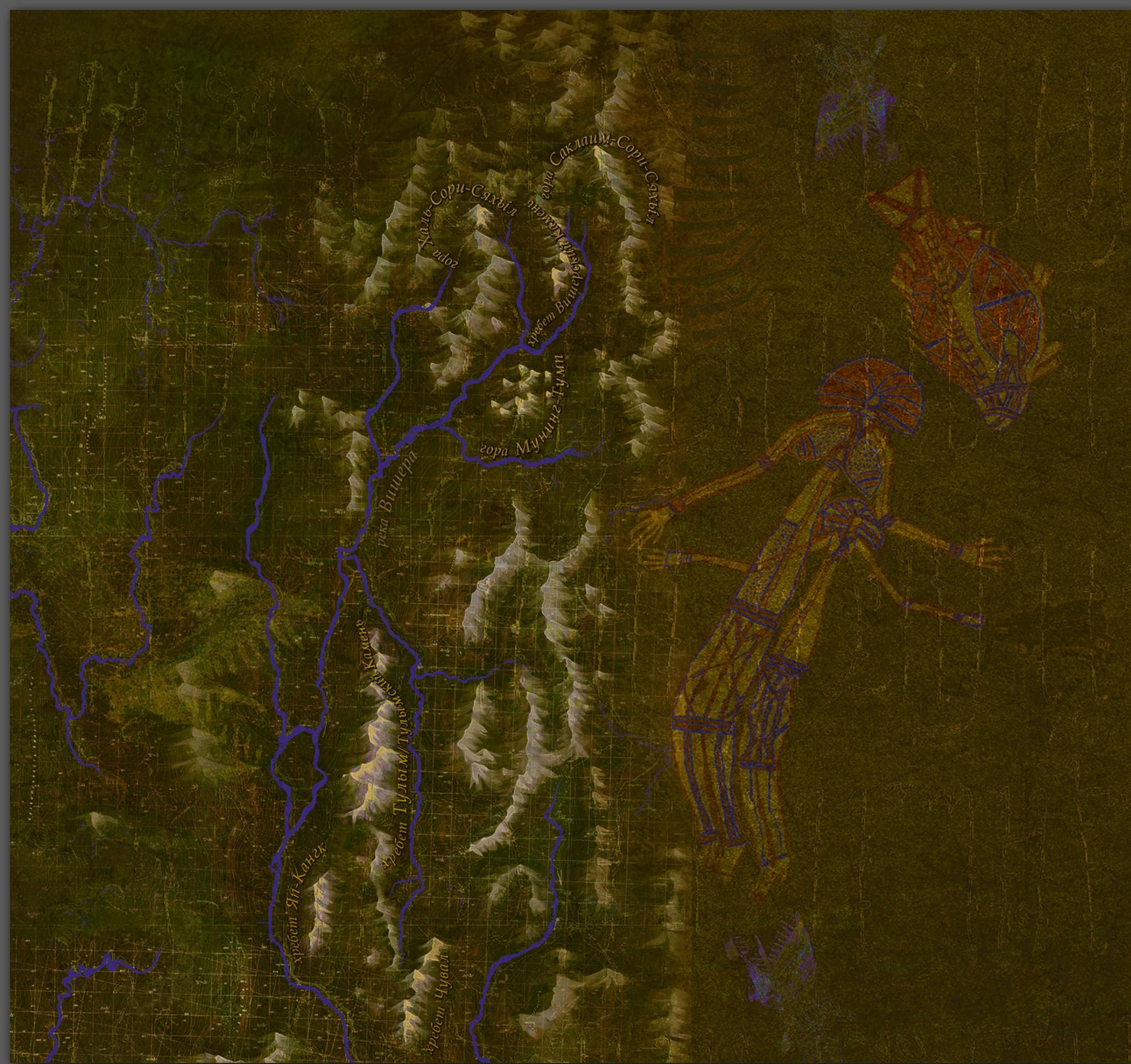
«... дружат нас, единят – не одни только бёды, не одни лишь общие лихи: наперво радость обща и согласие в нравах на дружество сводит!.. и друговщина наша – не против кого, она “за” – за приязнъ, за приязненный лад – мирный, согласный, на любви, на добротолубии да на доброжелательстве жиждимый!..

только в дружбе такой – в единении братском – правда и сила!.. мы – не ватага кархáдская: западная, мы – братство: нас дружат согласные мысли, не нужда, не гешефты корыстные...

и не дружны мы – не стая, не прайд обвыкших друг к другу животных, скотов, пашших тварей, подельников, свыкшихся с собственной низостью, и низостью в ближнем, как с непреложным и данным!..»

Засим: всем камрадам-фырчáнам – поклон земной! Отдельно же – Рыси, любезной другине, да жаль, не дружныце, речи ж её – зéло мурлívы, музыке подобны и сердцу услада...

Да пора бы уж нам возвернуться на Вишеру: Тулым-хребет степенный там, лохматый, как ведмедь, на диво беглым облакам вкруг затевает петь сказ проголóбный... Ну и ведь: как облакам не охмуреть?

Камень

На Камне Тулым, в верховинах его, на скальном венце – Рысь дозором. Закат следит.
За вечером вечер: закат следит.

А с того ли да Камня Тулымского?..

Может, и был: не Тулым, а был Камень Ветлан.
Или Камень Полюдов, или Писанный Камень, или вот – Говорливый.
Не то – петушиный гребень Речного Брата, Яп-Канга, но может статься – и скошенный лоб Чува́ла.
Другой ли какой тумп, угёс ли оветренный... Да разве ж то кому ведомо верно?!

Пути-то рыски рысьи – быстры да вольны, к любопытному ж – люты.

А под-над Вишерой сплошь – хребты да гребни, да кряжи: Камни могутные, эпохами тёсанные.
А на них – лыси да залысины, да лбы: не то мудрецов, не то бараньи. И курумы-курумники там же всенепременно – каменные россыпи: то недвижимые, спящие, то живые, те, что языками-прядами, каменными реками к долам стекают, дромы-буреломы взрезают непролазные: в ельниках старых, пихтарниках древних, кедровниках вековых. Да ещё: в рудовых лесах сосны красной, прочнее которой разве что дуб чёрнодревный, в водах томлённый-морёный от полутора тысяч годков да боле, благородством и целебною силою также славится.

То и правда: где ж тот счастливец, что Рысь Русь сумел отследить и потом себе здравствует,
а не костыми по логам-излогам тлеет?

На Камне Тулым, на скальном венце его – Рысь дозором: закат следит. Думы думит.

Камень Тулымский – хребет горный и заглавная гора его

encyclopedia | Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура | авторский парафразис

Всем вишерским Камням Камень – Тулым, первый над всеми. И статью богатырскою, и могутою великанскою. Верховинами ж – лыс.

Впрочем, как и все Камни статные, рослые – вóлотные.

Гребень-то его долгий – из гольцов одних, холодами битых, ветрами бритых.

А лыси-прóлыси сплошь курумниками устланы: где и мхи с ягелями на них понаползли, где и кости-рога промеж каменной стлани к небу белеют, да не только оленьи.

От верховин же низом – скаты тулымские дже мохнаты, на всякий лад: и пихтово, и ельно, и кедрово, и берёзою также. И родниками-ручьями богато:

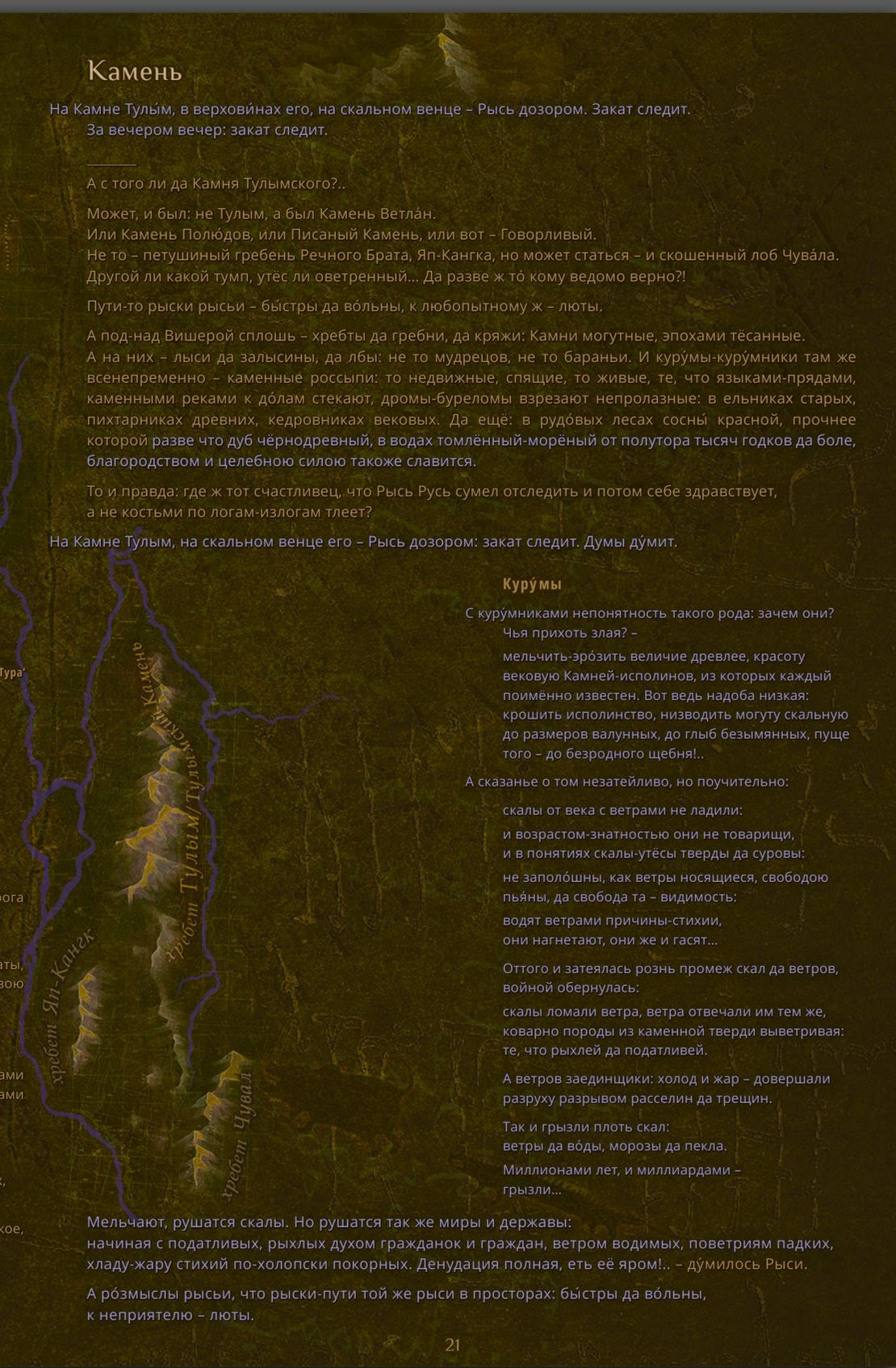
пяток рек от угорий водами питаются.
То, не считая Вишеры: она те реки и ёмит.

Для пущей же важности озерцо горное имеется, красóтами славное, а подгорья – подолы поёмные – болотами затянуты:

видать, от любопытника праздного да братии сбродной, шалой:
не жалует исполин-Камень гостей непрошенных, оттого и с виду хмур: склоны наспил.

Оттого и порогами в окóле загромáдил русло вишерское, а пороги так и значатся – тулымы. Или тулумы.

Это уж сам-каждый решает,
кто себя на порогах пробовал:
через “ум” или “ым” со стихией тягаться...

Курумы

С курумниками непонятность такого рода: зачем они?
Чья прихоть злая? –

мельчить-эрозить величие древлее, красоту вековую Камней-исполинов, из которых каждый поимённо известен. Вот ведь надоба низкая: крошить исполинство, низводить могуту скальную до размеров валунных, до глыб безымянных, пуще того – до безродного щебня!..

А сказанье о том незатейливо, но поучительно:

скалы от века с ветрами не ладили:
и возрастом-знатностью они не товарищи,
и в понятиях скалы-утёсы тверды да суровы:
не заполошны, как ветры носящиеся, свободною пьяны, да свобода та – видимость:
водят ветрами причины-стихии,
они нагнетают, они же и гасят...

Оттого и затеялась рознь промеж скал да ветров, войной обернулась:

скалы ломали ветра, ветра отвечали им тем же, коварно породы из каменной тверди выветривая: те, что рыхлей да податливей.

А ветров заединщики: холод и жар – довершали разруху разрывом расселин да трещин.

Так и грызли плоть скал:
ветры да воды, морозы да пекла.
Миллионами лет, и миллиардами – грызли...

Мельчают, рушатся скалы. Но рушатся так же миры и державы:
начиная с податливых, рыхлых духом гражданок и граждан, ветром водимых, поветриям падких, хладу-жару стихий по-холопски покорных. Денудация полная, еть её яром!.. – думилось Рыси.

А рóзмыслы рысьи, что рыски-пути той же рыси в просторах: быстры да вольны,
к неприятелю – люты.

Рысьи думы

На Камне Тульím, в верховíнах его, на остáнце-венце Рысь возлегла:
закат следила, ждала,
ожиданием тешась да нежась в истоме вечерней.

Но вдумчиво всё ж:
чуткий слух раскрыв горизонту да острый свой взор, пронзающий, коль надоба в том, и твердóты.
Да всё подмечала:

От венца низом – скáлы срывались к воде, бегущей своею надобой да влекущей туда же рыбные рúны:
ватаги могутных красавцев: сиб-мирских тайменей, быстрóты любящих, но и мутные глуби,
стадá тугоумного хариуса: дурак-то дурак, да весь в серебре,
который под вечер, сам-смел, из тíнистых ям подымался на плёсах в верхние вóды:
поиграться с закатом его золотинами,
станцевать лихую, с выпрыгом, джигу,
да ещё помушкáрить: для сытого счастья.

Вдаль – до бескраю – от речных урезв растекались тайги: то гладью, то волнами горных гряд.
Где-то под ними, внизу: в недрах, в породах – сквозь толщи веков текли реками золота жилы,
томились до времени рудными трубами адаманты-алмазы, изумруды-смарагды,
в тёмях копя в себе триумф блестения.

И так же томливо стекал закат: за окоём, за лезвийный предел: вослед за Светилом.

Текло всё, но только не время происходящего с нами, – дúмилось Рыси,
никак не смущённой путаным толком да кривою метафорой, но лишь горечью факта.

Рысьи-то думы извёка – мало питаются от логики формальной, дискретной:
своя у них логика: рысья, зиждимая чутьём да нутряным пониманием боле, нежели аксиоматикой да строгим суждением, строгим – оттого и поверхностным, неглубоким, то и лукавым, подменным.

Рыси же – все, во все времена – не мудрствовали предписано, искомое разом ёмили:
и шестью чувствами, и разумом-смыслом, не то и действием.

А философии если и философствовали, тó не от зауми – от сердца.

Потому и были они – Рыси, наследные хозяйки Росских просторов, потому и одолевали, превозмогали,
а побеждёнными не были. Убитыми – то может, но не побеждёнными.

“Победить – значит понять”.
Кто ж их понять-то сумел, Рысей, кто осмыслил-то?

О застылом, затихшем времени – о времени,
затомлённом тщетами да смутнями,
Рысь Русь понимала правильно. Факт.

И ночи сменялись днями, а дни заменялись ночами. Закаты предвещали восходы,
приливы сулили отливы. Олени копытили ягель, державы меняли стяги: всё торопилось жить:

куда-то стремило, несло, суетилось, да и оказывалось там же: в разбитом корыте,
в долблённом осинном бревне, может и липы.

Раз за разом, день за днём, облако за облаком, книга за книгой, война за войной,
смута за смутой: да так и жили:

густо, насыщенно, буйно, стремглав. Спинами вперёд.

И уже-виденное мчалось впуски, вперегóнки с уже-слышанным, уже-читанным, уже-пробованным
да уже-съеденным, но не всем совсем ясно:

уже – это вчера или завтра плюс-минус век?

Бытие обернулось бытом, история – сводом бюджетов.
Даже цель сущего круга жизни обозначилась внятно:

налогоплатить, тварифооплачивать,
штрафогасить, товаропкупать
и вовремяумереть,

оставив на круг подушно-послушный выводок тварифоплательцев да заёмщиков ипотек злопроцентных...

Русь ждала. Следила закат.

Жизнь на ходу

Ещё внедавне, едва позачуяв крадущийся сумерек, неслась Рысь Русь встреч горизонту.

Мчалась, не заботясь красотою аллюра: со всех лап, упоённая скоростью, и что там смерть на ходу, которой пугают иные, на ходу – жизнь!

А мчалась не тóрными тропами – тайгами дремучими, угорьями-кручами, криволесьем да тундрами, травостойными поймами, да оврагами-паднями, да болотными дрягвами.

Говорят, бег рысий быстр, но и ко́роток.
Верно – для кисы какой, но то не Рысь Русь.

Не коротко, длинно! вымеряла Рысь бежью раздолы: стремил а ими, летела...

... стрелобёгом летела:

рассекая травные волны...

... и попрыгом от пружного стланика:

всквозь хвои таёг да дрёмных чащоб...

... и разборчивым рыском:

по зыбунам в топких няшах,
да по мхам-ягелям изукрасным, кои
приемлют след всякий да долго хранят его...

... и вот стелящимся бегом мягким:

по ягодой тканым коврам горных скатов
да по тёплым полсти́нам брусничных болот...

Стремил а туда, где скол окоёма, где горизонт – лезвийный предел...

стремил а сегодня, и также – вседневно:

... знойным летом, и летом спадающим, и перволетьем...

... и мягкой зимою, и зимою глубокою, стылою...

... и пёстрой весною, которая снежная, и весною ожившей, которая голая, и весною цветущей – предлетье которое,

... и по осени поздней, где плыли дожди, и по осени ранней с её косохлёстами,
и в послеосенье хма́рное, где на горы ложатся снега, а воздух искрится алмазною пылью...

Неслась, стремил а по следу Светила, нагоняла недóжитый день:

день был правильный, славный, жить в нём хотелось ещё...

остановись: жить в нём уже не случится, ночь наступит всему, а ей – новый день:

рысий день начинается там,
где лезвийный предел отсекает Голову Света и отымает у листьев зелёный цвет,
взамен оставляет чёрный...

а чему новому статься – так и не станется, разве что сгубится, но не добавится:

застыло Время событий, затаилось, набухает недобрым – сквозь череду недожитых дней...

плюс-минус век – и всё одно, и ничего, чего бы уже и не было в мире дённом,
где твёрди поверхность – дно:
для неба и света...

То и выходит – правы мудрецы: из нашей Зверенной испаряется время – вконец, безвозвратно?!

«... За Зверенную в целом – не знаю, здесь же точно: застыло и сохнет... Гравитация полная, еть её яром!
диссипация Воли, энтро́пия Духа!..»

Так думилось Рыси. И глухо рычалось.

Зелёный Луч

Именно зелёный.

Не какой-нибудь, скажем, там травяной, полынный, миртовый, мятный, хвойный, эвкалиптовый, кипарисовый. Или вот салатный, лавровый, фисташковый, оливковый, мшистый, болотный, плисовый. Шартрез или хаки. Цвет панг, наконец.

И даже не оттенок из многих – от переливчатой зелени глаз Рысьих дивных, кои тот же Тигр камням равнял самоцветным да драгоценным: малахитам, аквамаринам, изумрудам-смарагдам; или минералам тем редкостным: нефритам, жадеитам, хризобериллам да турмалинам, которые из-за скользящего по ним блика именуют “кошачьим глазом” – то в Людомире, в Зверомире же: “оком рыси”.

Зелёный ждала Рысь Русь: Луч Зелёный.

Да не пустого изыска ради: по надобе заветной:

в миг – когда тот миг сам и замрёт, ровно ястреб над сонным простором, тонуцим в тёмях,
но покровы пространств ещё оморо́шены золотарными каплями уже стекшего света,
тем мгновением чаяла Рысь узрить, уследить сокровенное: Луч,
что порою счастливцу какому сверкнёт от пределов лезвийных на горизонте,
где в бездонность упало, скатило Светило,

а случай падёт: так поймать, достать с донца небесного Луч тот Зелёный, Свет тот живой, цвет тот Надежды:
вдруг, то и двинет застрявшее время!..

... да и заскрипят разом оси колёс в телеге хмурого Хроноса:

не всегда же и был Кронос – угрюмый паук! Когда-то и Мир весь – являл себя Золотым Лотосом,
на пальмовых листах бамбуковых книг записанным:

о ту пору воронёнок-младенец Крон мочил ещё кроmeshные пелёнки Селенские; –
в те старые добрые времена...

... в те старые добрые времена, когда от нас ничего уж и не было.

Так думил а Рысь – вослед Светилу, которое огненным расплавом катило-скатывало по небосклону к северо-западу. Садиться же ровно на западе Светило изволило дважды в году – в равноденствия: по марту весны да сентябрю осени.

Узрить-словить Зелёный Луч!

Такое, сказывают, случилось бабке Ру́синой: Светлой Кыйской Рыси, да Русиной мамке: Алой Рыси Софье, чьи эпические исходы “уйти, не умерев” окутаны кривдами, враками да ливераками. Зверомирцы-то верно знают: не ушли они никуда, затаились до времени, растворились в грядущем. Будет ещё их, ох как будет!..

И пусть за мгновениями славы следуют годы забвений, то и поруганий грязных, –
не о лайках и рейтингах пеклась Рысь Русь.

Ждала. Следила закат.

Облак

Тулым же тем сроком оделся в розовое: от заката. Не то, чтобы Камень следил за модой: надевал, что свыше дадено, – мода следила за Камнем, ему и вторила: да уже отсебятину. Светозарные закаты погожим, вёдренным вечерком о ту пору чаще давали изукрасы розовые, лиловые, пурпурные и особо гламурные фуксии. Актуальными считались также сиреневые восходы. В авторском исполнении то было сура́зно, к месту, казисто. И лёпо...

Застыв в позе чинной, вальяжной, Рысь Русь ждала своего. Ждала подзором к западу, к закатным пределам, куда и сам Камень оскалил крути́зны: оттуда, с запада, чего доброго редко ждать приходилось – зверомирцам то исстари ведомо: с лихом отведено, с кровушкой испито-про́лито да шкурами учёно...

Не в таком уж далёке там, на западе, злобились подвладычные Карха́дской Унии просторы, в купности своей прозываемые **Западл**.

... то конечно: запад всего-то и есть – часть света, и, как в любой иной – немало ж там имеется всякого... а и доброго, справного!.. но правит западом Западл, тем всё и сказано: не часть уже света: часть тьмы!..

... оттого ли на западе денно в сумерках свет умирает? вестимо, метафора! к тому ж и кривая... однако по делу, не молвлено с ветру...

Так думилось Рыси, и как-то само зарычалось: накатами – глухо, басисто...

... окрест на многие вёрсты живность всякая в ожидании люта скукожилась...

... а мимолётом образовавшаяся близь венцовых булыг мелочь зверюшка, неуспетая узнатьсь, – прянула, метнулась швырком да растворилась в травостое, будто и не было, – так ведь и не было!

... и травостоя здесь тоже не было: откуда ему здесь и взяться – наверху, в гольцовой-то лыси, где лишайники-ягели да мхи одне по куру́мам стелются, к скалам лащаются...

... что-то не́чисть нынче вконец расшалилась: от лап отбилась, чуйку истеряла: в явь зачестила...

Рысь, клацнув для остратки разом всему – и жити и не́жити, сладко зевнула, да потянулась сладко, тем выражая изрядное собою довольство.

Прыжком ниже гранитной плиты, приятной для Рыси, оста́нец венчающей, – под красными мхами спали куру́мы, стекая во сне, камень за камнем, к отвесному срыву: там и гинули. То свалом, то изредкою штукою.

... прицел бы какой той бесцельности – камней безыдейному па́ду!.. вменить координаты обретения смысла... на пробу хотя б: по темечку не́чисти, высокоточным-то каменюкою!..

Так думилось Рыси.

Тем временем за спиной её, невда́ле, некий креативный о́блак по-хозяйски, с комфортом улёгся на гребень Тулыма, да и разбоченился на верхотурах во́лота.

Для такого затейного дела сметливый о́блак покинул рыхлый сутолок себе подобных – подобных, да неподвинутых полуфабрикатов конвективности, вялотекущих высями бесцельно и понуждаемо.

И мнил себя тот облак полным креаклом, возвышенным над замшелой серостью кряжей: закоснелых, застаревших, ещё и твердолобых.

«... Отстой! Тупые ватники! Вцепились в земли свои, вросли, стоят середь болот да чащоб, о свободе не ведают...» – с презрением думал о недвижных Камнях-исполинах ошмёток безродной облачной ваты, бесприютно носимой ветрами...

О Креаклах

Облак облаком. В своём он праве: мнить себя да о себе. Да тем надмеваться.

Коли нечто и возомнит себя чем-то, а хоть бы и Суперкреаклом, – то не печаль, не убыток. Покуда оно, возомнившее, – дело, почин ли какой не затеяло: пусть себе тешится. Вот коли действием озаботилось да за деланье взялось – тогда вот беда!

Однако ж, собственно Креаклы были вполне зверянами: из плоти и крови. Отнюдь не бесплотные куски странствующей ваты.

Настоящие Креаклы, эти гáмные, гомлйвые рукокрылые твари – есть летучие мыши, порождение Зверильника, пародийная генореплика на самого завроящера Папу Сво, Предстоятеля звероидов.

Те же из зверян, кто собственно Креаклами не были, но мнили себя да о себе креативненько, да проявляли себя схожим непотребным образом, тех заблудших особей прозывали зверáклами, или зверяклами – тут уж от степени выказываемого презрения зависело.

zveronet | портал **‘РосТвердь’** | **post** **‘Как вы, каклы?’**, **Tigris**

Креакл. Высокоморальное, совестливое, лапопожатное и озверенно высокодуховное создание, единственное, исключительное, неподражаемое, непревзойдённое. И их: Летучая Хуча! Все висят “вниз головой”, выражая неповторимую индивидуальность, дюжий умище и презрение к окружающей биомассе.

А вниз головою висит Креакл оттого, как сам полагает, что он – креативен, “не-как-все”. Висит, да тем выражает нетривиальную самость, избранность и радикальное эволюционное превосходство над копошащейся окрест биомассой: безгаджетной, непродвинутой, серой, обречённой на нищebroдство и вымирание… Что висит при том в Туче “единственных-неповторимых” – Креакла не смущает ни разу, как и то, что сам и есть: серый…

Истина ж в том, что Креакл – всего-то генореплика на завроящера, для коего поставить любое с ног на голову, да так и подвесить – архилубезное занятие, и самому поболтаться головищем в испод – презлая сласть!.. Речи беседует да зломыслит он козни, злопакости, чмор – именно так: вниз головою. Как и летучие мыши, которые им, Папой Сво, тому и обучены.

А гнёзд Креаклы не вьют, домá не обустраивают: живут, где придётся, или в готовом.

Они вообще ничего, в чём есть смысл да насущная надоба, – не обустраивают, но джоже обильно выдумывают всякое и усовершенствуют всячину, назначив себе, и то исповедуя исто: “делать мир лучше”. На деле же – так:

лишь затем Креакл скреативить мечтает нибудь-какую всякость или удумать **потребную кчёмность**, что отвалят ему за ту инновацию кучу профита плюс вагон весёлых-на-всё профитушек, а к тому ж ещё и пожизненно отчислять будут роялти, что и даст целоднями бездельно висеть вниз головушкой, да с презреньем взирать на отстойную нищebroдную биомассу, которая пашет, и раздумчиво осмысливать смысл… который им, впрочем, и без того известен: **«Мы рождены не работать, а быть не такими, как все!»**

А пользоать свои навыки дюжие в иных каких целях, то есть даром, для Креакла – неинтеллигентно, непосовестно и неприлично: никак не кошерно для светлых возвышенных особей – лучших из стад, свор и стай. Несмотря на крайне-агрессивные эгоцентризм, индивидуализм и нарциссизм, существовать Креакл способен исключительно в стае, официально именуемой: Летучая Тучь, а меж своими: Летучая Хуча. Это потому, что оценить его, Креакла, единственность и исключительность, неподражаемость и непревзойдённость способны токмо те же единственные, исключительные, неподражаемые и непревзойдённые. Летучая Тучь как *modus vivendi* и *modus operandi* необходима Креаклам также и для группового чморения, тролления, травли вся и всего, и только в качестве Тучи они интересны Папе Сво, ибо в одиночку Креакл ёжика лысого не испугает.

Разумеется, Креаклы Тучей стоят за ливерценности, которые они, особо не вдаваясь в подробности, представляют себе полным Креаклораем, где нет у Креакла обязанностей кроме свободы…

… И вот этот главный вопрос: «Почему мы должны жертвовать устрицами Белón?!»

Что за устрица, зачем устрица – Креаклу фиолетово, а что должо́н ими жертвовать – напрягает…

Довольно же пока зубоска́зить о “самых-из-самых-лучших-самых-из-тварей”: всему своё время. Сказ свой всему, и он будет. Нетерпеливых же отсылаем к Энциклопедии нашей Большой Зверомирской: там о созданиях этих продвинутых – зéло и с чувством…
Добавить вот развe:

Каждый Креакл (и зверакл, разумеется) мыслит себя неявленным Бэдмэном – Суперкреаклом, о котором Хуча подслушала случаем в людомирском эфире. А выпал тот случай при “ошүле” ультразвуком просторов людян, которых и нет, но о которых все знают, а значит за ними надо шпионить.

… Стать Бэдмэном! Крутой супермышью! Суперкреаклом, который, однажды сподобившись, вдруг явит себя и спасёт Всé-Всех и Миры: не отходя от дисплея, одним нажатием правильной клавиши.

И за это он враз – на вершинах топов с триллионами лайков, вдва – в густом всеобъемлющем шиколаде.

И вся благодарная биомасса почтительно, на цирлах, подносит ему тот шиколад, а ещё всяческие другие профиты и стройненьких, весёлых-на-всё профитушек – вагонами.

И тогда даже не придётся удумывать креативную всякость да кчёмность: можно сразу целоднями бездельно свисать головою умнющею вниз и взирать сверхпрезрительно на отстойную, копошащую вверх головами лузерную биомассу, которая пашет. И раздумчиво осмысливать смысл.

О тотальном ощипе, ибо без одного облак – не Облак, подобный Креаклу

О сладкой бездельной жизни профит-тролля грезил Облак, уместившись на гребне Тулыма.

Ну и чем он/оно не Суперкреакл?

Чем не Бэдмэн эфирный, ветром дутый, давить их всех внизу атмосферой!..

Вот напряжёт же он дюжий умище и…

«… удумаю зараз кчёмность какую – скажем, “Сервис-Сверхнүжник”:

чтобы тем, кто по́слан окучивать хрэны на грядках,

в режиме онлайн доступна была навигация:

где к хрэну пройти и как далее следовать к хрэну от хрэна без остановок, в хренах не плутая и в пробках не ча́лясь!..

И буду тем всласть обирайтить до полного шиколаду!..»

→ Тотальный ощип и обирайт

encyclopedia | Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура'

| фрагмент статьи 'Креаклы и Летучая Тучь'

В полете *Креаклы* пицат “песни”: издают высокочастотный креативный писк, используя заумные сочетания слогов в ультразвуковом диапазоне 40 – 100 кГц, до двух десятков слогов-звуков кряду. Каждый пицит свою собственную заушь, хотя в целом “песни” достаточно однообразны:

разница – в *“креативной”* перестановке пары-тройки слогов, причём вариативность писка заметна и понятна лишь самим *Креаклам*, млеющим от столь продвинутого эстетизма, доказывающего их, *Креаклов*, дюжую индивидуальность.

Каково же назначение креативного писка – “пискоклюзива” (не путать с *художественным свистом*), классифицируемого иными завромудрецами как “продвинутые песни”?

Высокочастотная креативная заушь используется:

— в *статусометрии*, которая у *Креаклов* достигает гипертрофированных размеров,

— для склонения к сожительству, как правило: разовому,

— прилично и даже обязательно для Креакла: “обирайтить” посредством креативного писка.

То есть обирать трохи-потроху каждого, кто волей-неволей стал свидетелем пискоклюзива, точнее:

каждой чуть связно списканной зауши в отдельности.

Обосновывается такой **“тотальный ощип”** креаторским завроПравом на тотальный интеллектуальный рэкет:

с точки зления завроПрава, “пискоклюзив” есть “свойная собственность”, то есть – “Добро”.

Разумение же “Добра” одноким по смыслу “Имуществу” или “Собственности” – то незыблемая краеугольная булыга всего западного мировоззления, оно же – “Глобальная сила Добра”, зиждимая на непреходящих завроценностях и звероидных аппетитах.

Постулат “Добро = Собственности” стал сакральной овцой Завроэкономики, или “науки о Заграбленном” (как пристроить ничьё и немое в свою пользу). Справедливости ради отметим: зверомирская Екомика нынче по самые рога – в мутных, зловонных стоках ливеральных упражнений: то ненадолго…

Использовать же свои способности в иных целях для *Креакла* является не-эффективным, то есть – “полным отстоем”, свойственным лишь ватному быдлу и прочей тупой биомассе, никак *не кошерным* для светлых возвышенных особей, лучших из стад, свор и стай.

→ Знак охраны креаторского завроПрава на тотальный ощип – “обирайт”: √ в круге или в скобках: (√)

Знак √ взят из математической логики – “Квантор всеобщности”, означает: “Для любых”, “Для всех”, “Для всякого”, но Креаклы, вместе с завроПравом, толкуют данный символ инояко: “Со всякого”.

Круг же одновременно обозначает и первую букву термина “обирайт”.

Сказкий Тур на то ухмылялся:

«… Даже сей знак, столбящий право на тотальный ощип, гарантирующий, якобы, подлинное авторство, они у меня стащили, спасибо не сказали…»

«… Придумисто, конечно, но в целом: ляпка – *“брызга, ком, блин, цацка, неуклюже посаженное украшение”*», – мимолётно помыслил Тулым об уместившемся на нём облаке: хоть и следил Тулым даль непрестанно, к близу же был несильно заметливым, но Облак на гребне своём – почуял.

Заметила облак и Рысь, да подумила то же. Благо и она регулярно то́лки следила: и вдали, и в Дáле. Впрочем, ни облаками, ни Креаклами Рысь не питалась… Да что с них другого и взять, кроме móрока, мóкрети, гуáно-помёта да гвалта?.. Разве что прибыльок дутый, бессовестный. Жлобизнесом зовётся. Но это – к Лису Патрiкию, это по его части.

Впрочем, и оному облаку, себя возомнившему, предстоит сыграть роль – да немалую! – в напользающем неизбежном… Знал бы он, тот сметливый облак, заранее:

как суждено ему стать и Серийным убийцей яиц, Облаком-маньяком, и пожирателем данных – стопятьсот раз бы подумил, прежде прилечь на Тулым…

Встретились они в первозданном, толиком:
на могучем хребте, на Камне Тулымском.
Тулым же – первейший на Вишере Камень!..

Оказательство

Одни повествуют о том просто:

С макушки Тулы́ма, бритой ветрами да шквалами, Рысь смотрела закат.
Как делала каждый вечер: смотрела закат.

- В замуж тебе, девушка, в замуж! – скрипнуло, то ли каркнуло от гунявой отшельной сосны, и добавило:
- Законно и безвозвратно – в замуж!..

Нахмурилась Рысь. Светило, катящее в горизонт, вдруг встало за хохлатой фигурой – нелепой и непригожей: клякса в акварели заката... ляпка, Светило заляпавшая... Ощерилась Рысь недобро:

- Не загромождай пространство. Ты мне светом дышать мешаешь... А я им думаю...

Другие ж про то сказывают пространнее, велеречивее,
будто сами при том были, да всё видели, да всё слышали, и кто думил что – то ведали.
Но и не́ были, и не ведали, и не видели, и не слышали... Всё ж свидетельствуют:

На Камне Тулы́м, в верховинах его на о́станце-венце – Рысь дозором. Закат следит. Думы думит.
Зелёный Луч дожидает.

- В замуж тебе, девушка! В замуж! Законно и безвозвратно – в замуж!..

... шумы ли то лешие баламутят темнохвойными па́рмами, ли всамделе каркнуло?..

... но па́рмы-то древние – таёги нехожены – сроду стоят нешевелённые нежитью, чисты от лёшети: духу нечистому путь в па́рмы заказан... что ж за докука? откуда?..

— Вот лежишь ты здесь и пу́стуешь... Зачем одной пустовать? Пустовать надо в браке...
И не абы какой “брак-по-милу”, с прозябанием! Нужен брак шестизвёздочный: замуж-ла́кшери...

... вот завелась же напасть! да откуда?..

... оттуда – с голой ветви отшельной сосны, появившейся вдруг, без предвестий, у обрывного края уступа, где спали в недавне куру́мы под красными мхами – стекали во сне к отвесному срыву... а до срыва того – один рысий прыг и есть: к западу вниз от плиты, она где лежит, за закатом следит...

... и в миг: ни мхов, ни куру́мов: одна скальность исподняя, да стойко́м из неё, из голой скалы, дерево торчит гнусное: изво́истое, кривульное, коряжное... феномен, однако ж, – оказательство...

... да толка явно зловестного: не чудо дивное – ко́зня верёдная... видать, сызнова нечисть шалит, проказит, никак не спокоится...

... а и серою воняет... воздухом спорченным... дух скверный такой, уха́ние прегадкое, химия смрадная: дигидросульфид со скатблом...

... и Роза борейных ветров тому очевидец: вонюцу несёт всё оттуда ж: от стороны западной...

... кабыть, недоброе то дерево – злое: проку́дливое...

... да и гунявое сплошь – лысое... и закручено вона как, ровно тряпё на выжиге...

... да сквернит перспективу лёгую светозарного неба закатного:
середь всего – приключилась коряжина, яко каракуля – на чистом, купавном, пригожем,
да сломала благодать графических ритмов,
порушила стройность цветодинамических пятен –
досель равновесных своею кинетикой
повдоль центробежных линий напруги
открытой вонне композиции чу́дной,
кою вершит величайший Художник:
Миров и Зверенной... – думилось Рыси.

Прищурила Рысь изумрудные глаза́, кистями прянула, о́шиб же пушистый и сам, как верноподданный хвост, затеял о́страстные пирю́ты:

в тот миг Светило, в за́пределы катящее, стало точь за спиной хохлатой фигуры,
коя являла собой генетический казус, именем Пу́па. Ливер Пу́па.
Попугай иноземный, карха́дский.

... вроде и птах, природою тва́рный, а всё ж – хлу́да: сор, мусор, отходы творенья...

Ощерилась Рысь, да недобро:

- Не загромождай пространство. Светом дышать мешаешь... Я им думаю.

Рысий крест

И другой раз молвила Рысь – терпеливо, но грёзко:

— Не хламо́сти объёмы, пернатый! Изы́ди. Светом дышать мешаешь, а я им думаю.

Мало, что выглядел Пу́па неподобающе, почти неприлично – тому хоть не сам, тому генный “квн” причиной, так явился ещё и весь в ляпках: то ли жижным урызган чем, то ли фишками модными уляпан хипстерскими; но нет – всё же брызгами, от которых и отряхнулся на птичий манер, засумотшив перьями. Затем, осмыслив не без натужности рысий мессидж, Пу́па всплугом вспорхнул на другую ветку: контур его, пятнавший Светило, сверкнул абрисами, да и сгорел в закате, само ж нелепое тело осталось, но то Рысь беспокоило мало, поелику не пахло опасностью, только вот вонью – Пупиной да парфюмерной.

— Со всей очевидностью – в замуж!.. В замуж, девушка, в замуж!.. Сразу придёт успокоение и понимание...

Повисла-рассыпалась дробью пауза, а рассыпавшись – заметалась в ожидании Годó лютого.

— Ну, и кто так сказал?

— Так говорит я – Пу́па!

— Пу́па, значит... Нечто, по прозвищу Пу́па...

Подраздúмила имечко странное Рысь, на вкус, на язык потетёшила: на семантику...

Прозвище вроде б и не срамно́е, да уж больно с намёками... Озорно́ глаз прищурила, молвила:

— Как судно назовёшь, так оно и потонет.

— Пу́па не судно: в воде мокро и гадко, а у Пу́пы – совесть немóченная! Пу́па – ливер-Попугай.

— Так и я о том же...

Тут-то Рысь разом и озадумилась – уж серьёзом: погружало её, не спросясь, в накопившуюся, накипевшую неизбежность: вокруг явственно запорхали печальки пёстрыми бабочками: радужными, бархатными, ликующими; на небо ж наполнили густые хма́ры, стекали на склоны мглистыми смúрами, и склоны тем разом оделись в тоску да сочувствие... Ливер... вражина карха́дская... вот и погуляли! а как вечер-то хорошо зачинался... придавити, что ли, гнусятину досадную?.. так верезжания ж, вопли окрест затеются, учинятся, замножатся! – ливера́тия доморощенная хоралом вспоёт, сокола́ми взовьётся, зачнёт в тамбурины совести камлать яростно – абстрактной совести, ясен пень, своей-то у них и отродясь не было... скандальцем, опять же, междустадным обернётся всенепременно...

... однако ж: пусти на постой ливераста, и кабан-сосед покажется милой зверюшкой застенчивой...

... а коли то ещё и меньшина какая – вовсе худо, хуже чумы, да что там чумы! – диареи экссудативной... а чем мельче меньшина, тем вони-то больше...

... всё одно: лучше Пу́па на ветке, чем в трюме Акула ... или Кабан в трюмо́... как-то так... не очень, чтоб убедительно, но в чём-то похожем Тур заверял – где-то читал, стало быть, знает!..

И Рысь, нервно зевнув да вздохнув по-самочьи всхлипом, понесла свой крест: всестерпимость на неё взваленную, незваную, негаданную да негодную...

Тако ж и нам: не спешить клыком! не сверкать когтём! возводя хулу́ на терпение длинное...

Вот и Сказ наш таков: неспешно течёт, да своим чередом – мимо кривды петля излуками: где-то любезно, где-то в укор, ну а внукам – наукою.

А науки всегда – меж восторгом и скукой...

Наука для внуков: О Создателе

Мультивселенная же, сиречь Разноміръе, её составляющих. Иного Автора у Созданного быть не может. Произведений же без авторств – не бывает, а бывают – юзеры, всуе умные:

- кто верует в педивикию,
- в копирайт: “слова и музыка народные, не то природные”,
- и в то, что пёрвобезьяны как-то случайно случились из древних людянов, а уж от тех обезьянов в силу изьянов случилось и всё иное зверьё на планете:

и Козёл, и Кабан, и Ведмедь, и Слон, и Хомяк, и птица всякокрылая, и рыбаца разноводная, даже Тляха-муха сердешная,

да не просто вся эта зверяина всякость случилась: а и разумом сама от себя обогатилась, а всё из-за тех же изьянов, и факт сей – пир для мудрейших умов и их диссертаций.

Мультивселенная же, сиречь Разноміръе вкупе с Волей, волящие там, и Устоями-скрепами быта – есть След Создателя и Наследие, данные в ощущение и разумение.

Что и до всех относится: в ощущение и разумение! –

не в извод, в прожигание, в протомание, в проедание да сквернение…

Одним из Миров, во времена о́но Создателем явленных, предстала Селенная. Или Зверенная, что более внятно.

encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’ | авторский парафразис

Непостижимое и жизнесмысл

С тем и согласны все звёры да зверянки космогонии, числом немногие, а меж собою – не сильно и розные.

Но, в отличие от людян, зверяне на том успокаиваются: странны им досужие домыслы да умствования о материях непостижимых, в “непостижимость” включая Создателя.

«… Он есть, как минимум – был, и дай Ему Сам здоровья, спасибо за всё!…»

Это не только официально-сакральная формула, вроде людянских “Аллилуйя!”, “Осанна!”.

Это весьма искреннее, сердечное, хотя и наивное признание заслуг Первоисточника сущего, Источника бытия – теми, кто от рождения радуется жизни за саму возможность жить, не отягощая сей факт смысло-да целелеполаганием, да отмигированностью.

Что вовсе не означает фиолетовое безразличие к проклятым вопросам бытия: “Зачем?”, “В чём смысл?”, “А дальше-то что?”

Для зверянина жизнь – уже: жизнь. Целая жизнь! То и есть жизнесмысл как таковой.

А сопутствующие вопросы – пища ума, но не духа, даже не пузра: занятно, да несъедобно. Разве вот – мудрецам на потеху: пусть себе тешатся, лишь бы с геномом не баловáli, да с термоядом не шалили…

Вот не скомкать жизнь в прозябание зряшное, паче того – в непотребство паскудное, но наполнить её высоким мышлением, – то уже не “вопросцы”, но Воля.

По образу и подобию

Но зверянину ни в холку, ни в колк не придёт не только идентифицировать себя по образу и подобию, – даже отдалённо соотносить себя и свои делишки с Создателем да Его Высшим Промыслом.

За кощунство б зверяне сочли людянский обык, антропатизмом именуемый:

наделять Всевышнее – людочертáми, целелеполаганиями, мотивациями, несовершенствами и просто мерзостями, присущими виду “мудрого людя”, а всё паскудство ими творимого да уже ими содеянного – звать Вышним Промыслом, пути которого неисповедимы…

Обитатели планеты Зелёна убеждены натвердо: единожды выполнив свою главную и эпохальную миссию: создать – Создатель более не причастен к Созданному. Достаточно и того, что Он подарил Созданному возможность Быть, а Созданиям завещал исходный этико-нравственный код.

Следовательно, всю полноту ответственности за своё бытиё, своё нажитое прошлое, переживаемое настоящее и планируемое будущее – Созданное, оно же Творение, и Создания, они же Твари, несут самостоятельно, и, в общем:

на Небо неча пенять, коли орбита кривая: лучше вспомни, что пил…

Но вот спросить за всё, натворённое тварями, – и со скопа и поголовно – всенепременно спросят!.. А уж как спросчика того, того Судию звать будут – не так и важно…

encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’ | авторский парафразис

Ливера́тия о Создателе

Особо следует помянуть звероидов да их подельников, в раску́с темы, разумеется:

как известно, звероидом не рождаются – звероидом становятся. Ливера́стом – тем паче…

убогие по факту, не по рождению, звери эти – чуйкой-то чуют След Создателя, думалом-то думят в ту сторону, душонкой-то печалятся…

но понуждаемы “средой окружения” – ливер-стадом, влекомые на духовный забой “тропою свободы”, верезжат публично иное:

и отказывают Создателю в существовании, и тут же хуля́т, что Он – «… не на той: на неправильной стороне истории…»

К звéрованиям же вовсе люты, на то причина:

звёры, помнящие исходный этико-нравственный код, да волящие денноно́щно, что – суть хорошо и что – плохо, зверы есть могучий заслон, видовой щит от скотств и деструкции ливера́стии.

Но что характерно: постулируя незвёрие и считая себя “просвещёнными, образованными, цивилинными”, они с таким неистовством и фанатизмом поклоняются сакральному “пакету с ливерценностями”, что любая звера выглядит на том фоне дворовой самодеятельностью – в плане исступлённой яри, изуверства и одержимости, разумеется… Чего уж говорить о тотальном, всеместном, безоговорочном культе Папы Сво в электоральных рядах ливер-стада: ни одно божество Разноміръя не удостоивалось такого почтения, такого Владычия.

О звéрах

Большіны зверян мыслят себя от звер неотъемлемо.

Но то не схоже с людянами, с их “Мировыми религиями”…

Дóлжно ж воздать и людянам! – у них в благе сем основательней всё да суровой.

Так Тур уверяет, едино кто сведущ в людянских обы́ках.

Звёры ж в своём изначалии вёрами были. Со временем – исказились обильно, а где и оскáзились, пропитались непогрешимостью да догматизмом: слепым, злобным к ина́кости, буде ина́кость и праведной.

Вёры, к тому ж – “оседлали”: персонажи вполне прагматичные и предприимчивые, кои под менеджмент оптимизировали бла́гие деяния да бла́гие помыслы – в унисон зверянскому быту: то есть – рентабельно, сыто сиречь, и зверáрхически: вёры и стали – звёры…

Как бы там ни было, всё ж именно зверáрхи – духовные пастыри зверян – и присно и ныне предстоят в борьбе истой, непримиримой со злом явленным: мерзостью ливера́стною.

Сами ж звёры, не так чтобы и близко к Первоисточнику, но таки хранят обрывки воспоминаний: и об исходном этико-нравственном коде, который был завещан Создателем зверянам, да радостно ими забыт… и о самом Создателе.

Наука для внуков: О Верхнем Мире и Высших стихиях, в нём волящих, Мире Нижнем, которого нет, но о котором все знают, и Мире Срединном, где мы

encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’ | авторский парафразис

Верхний Мир

Из всего трансцендентального, запредельного, для разумения недоступного, иррационального, – из всего такого причастным к своей судьбе, да и то: лишь в некотором роде, зверяне считали отнюдь не глобальную Всемирную Волю, а локальную, сугубо планетарную субстанцию: Верхний Мир, он же – Мир Смыслов и Энергий, вместе с волящими там Высшими стихиями.

И не только так считали: соприкасались в яви с тем Миром. И не только соприкасались: жили бок о бок – в соседях.

А жить в соседях – сами понимаете: всякое случается. И всякое быть может…

В качестве аналога Высших стихий планеты Зелёна можно бы назвать субстанцию “Нoo” (Noos) Ноосферы людянской. Но за этим термином мудрецы тамошние видят одно: Себя, призванных вразумлять да благородить Собою биосферу планетную, без них – несмышлёную, недоразвитую, непросвещённую…

Что сами и есть – лишь подсобные, помогáнцы: одно для бытийной рутины затеяны, – мысль такая их светлые разумы не посещает, а если заглянет – то частным порядком, без протокола и торжественной встречи…

Конечно же, собственный Разум у каждой приличной планеты имеется, себя уважающей, – у той, что не виснет бесцельно в пустотах злым сиротой-каменюкою или гоняет безбашенно по орбитам накатанным среди таких же стритрейсеров: безатмосферных и отмороженных.

Есть Планетарный Мозг и у планеты Голуба. Но вряд ли он уместим в головах квартирантов Голубы – даже разом всего поголовья homo sapiens – “мудрого людя”.

Сей центропулизм – беда не только людянская, а и нам, зверомирцам, болезненно вёдомая, про что и толковано нами в Энциклопедии нашей Большой Зверомирской, в её изначалии:

в статье за номером 2-1.01. «Мультивселенная и aliquis sapiens – “кто-то мудрый”».

Птица Слава

Хозяйкой-распорядительницей Верхнего Мира, Предводительницей Высших стихий планеты Зелёна

ныне – во времена текущие, сущие – ставлена Птица Слава, именем полным: Птица Матерь Сва Слава.

Но не всегда так и было. И не всем обитателям Верхнего Мира тот расклад по любви да нраву… да таких: лишь меньшина.

Она “та, от которой всё стало”, и та, от которой Рось изначальная стала, кто источник Славы и Славы хранитель, и Зверомира Славного – покровитель.

Да поведать о ней – не в сей раз: Всему – своё время. Птице каждой – свой Сказ.

Папа Сво

Что же касается заклятого антагониста Птицы Славы, Матери Сва, – завроящера Папы Сво, Предстоятеля звероидов, то появление его, и его изначалие, да и нынешнее бытиё, – окутаны завесою врак да мраком, чем сам Папа Сво, по сути, и является.

Подвладычные ему звероиды тишком судачат о причастности Самого Создателя к его, Папы Сво, возникновению. Мало того: одна из завртеорий, претендующая стать официальной, постулирует:

всамделишный “создатель Всего” – Папа Сво, а Тот, который Создатель – Тот самозванец, Которого нет, что доказано, исходя из чего Тот Создатель – “не на той: на неправильной стороне бытия”, а раз так, значит: “нет-Его” и не будет, из чего однояко всем ясно:

Его нужно хулить, поносить, разоблачать и Его нужно забыть, но не забыть, что Его-нет!..

И звероидов ничего в этой завртеории не смущает.

Зверомирцы же в целом верно оценивают явление Папы Сво в Зверенной как побочный продукт самодеятельности Миров: что-то типа фарса, этакая вселенская самопародия, карикатура, шалость шарли.

Но то, что смешно вулканам, горе – их обжитым склонам!

Те шуточки, тот фарс Бытия обернулись трагедиями для обживателей Разноміръов, явившись к ним эманациями Зла. В облике *Сатаны* да *Иблїса*, *Иштар* да *Лилїт*, *Абаддóна* да *Ахримáна*, иным ли каким поганцем: имя ему – Легион.

Для Планеты зверян поганцем стал – завроящер. Папа Сво. Папа Свободы.

Такая, весьма здравая трактовка сущности завроящера и сути всего, им творимого, позволила зверомирским мыслителям отказать поганцу вообще в каком-либо представительском статусе:

он объективно есть, поскольку есть, поскольку некоторые многие из нас с этим согласны и этого алчут,

но никого и ничто он, завроящер, не представляет, и хотя, безусловно, он – антагонист Птицы Славы, которая есть часть Верхнего Мира, а значит, как антитеза он – часть Нижнего Мира,

но он не обитатель Нижнего Мира, ибо такового мира как такового и нет:

этот мир существует ровно там, где его готовы принять и кормить собою, он существует в тех, кто добровольно стал инкубатором Яйцам Зла!

Мудрецы Людянии высказались по схожей теме чуть лаконичнее:

«… *Ад там, где мы…*»

Но и о Папе Сво не пришёл черёд сказывать толком.

Нижний мир

То и выходит: разумные аборигены Разноміров в ту сторону мыслят схоже, не все, конечно, но многие:

Нижний мир как таковой, как Мир – не существует, а существует зло, не способное существовать без носителей зла.

И ещё: зло заразно.

Особо провидлевые эстеты-зверóсофы, изрядно владеющие лепостью мысли равно и слогом, озвучили такую, вполне допустимую, тезу:

завроящера звероиды вырастили сами… они его придумали, дабы было куда, на кого списать свои же низости, мерзости, свою звериную похоть и алчность, и звериную тоску свою от осознания себя пошлым и тусклым…

они материализовали концепт завроящера, взрастили его –

и спрятались в его тотальном Владычии, полагая, что тем самым снимают с себя ответственность всякую –

и за разнузданное, и за животное, и за зловонное существование:

мол, все ведь такие, правда? все мы твари, и все так живём,

так жить рентабельно, и то – по Закону, а мы – ни при чём: система, однако, едрить её Марксом!..

а все вопросы – к Папе Сво, óн – крайний, óн – тиранодонище!..

Нечто подобное излагали и людянские эпики – в качестве эффектной эстетской метафоры, – не более.

Ведь над их домами не проносился чёрным огнём реальный, очевидный завроящер Свободы: завроящеры в Людомире носят смокинги и ездят в лимузинах… А огонь насылают – на расстоянии: себя б не пожечь…

Срединный Мир

И если на планете Зелёна наличествовал Мир Верхний, существовал – в виде отсутствия – Нижний, то должен бы быть и Средний, или – Срединный.

И он есть: тот, в котором мы все обитаем – то, возведши гóрнему очи, душой воспаряя и сердцем – в вёрхи лазурные,

то дóлу потупивши взгляд, низринувшись в грех – в страсти бурные,

то и вовсе слепым: не борясь и не вякая – сникнув в толпе, как берёза поклáпя…

Наука для внуков: Об инди́лах и чудах-неведах

«Индифферентность» — картина Эдварда Мунка

encyclopedia ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’ авторский парафразис

Инди́ференты, или **инди́лы**

Просторы, глуби и выси Зелёной планеты обживают не только ярые пассионарии да ведо́мые ими больш́ишы с меньшинами.

И внутри ратоборствующих зверосообществ, и вовне – копошит несметное число особей, которым не просто глубоко фиолетово на идейные распри –

им фиолетово с клубнем.

Но особи эти легко, ненатужно подстраиваются, мимикрируют под любую среду обжирания, присасываются к любой этике, прилипают ко всякой плолитике, оставаясь при том безучастными, индифферентными всему, что мимо их пузра и быта.

И это не всегда так плохо, как хочется думать, хотя отвратительно.

«Индифферентность» — картина Эдварда Мунка

В общезверянском дискурсе создания эти числятся “индифферентами”, но иногда сокращённо и – ошибочно! называют их “инди” или “инди́лы”, что неверно, да как-то прижилось, как приживается многое что-не-верно.

Инди́лы, без сомнения, – индифференты, да не каждый индифферент – инди́л. Вот Гриб, скажем, – ну какой он инди́л? Или та же Тляха-муха.

Однако, углубившись в сию тему, легко в лопухах заплутать. Например, сами инди́лы Гриб считали своим с потрохами, а Тляху-муху – идейно близкой и сочувствующей, о чём муха, естественно, и не догадывалась. О чём вообще может догадываться Тляха-муха? – жужжит себе в кайф, жужжит, суетит объёмы да присаживается во млении на любое подвернувшееся овно, в том числе – и на инди́лов. Разве ж то повод писа́ть в свои?

Ежели на тебя сели, приняв за овно – так уж и свой?

Впрочем, инди́лы и не такое чудили: напряги их не напрягали, противоречия не калечили, оксюмороны не ксюморонили. Главное – жить в позитиве, ходить стороною от пафосного да внимательнее прислушиваться к пузру, передку да задку, да прочим хотелкам. Не забывая, разумеется, за яркий прикид да продвинутые гаджетины. И чтоб за всё то – кто-то платил, и не напрягали быдловским:

«… откеле рублишки?..»

на что индилы отвечали с благородным презрением:

«… от папы, вестимо! он там, слышишь, пилит, на них и жужжу!..» –

а чей то “папа”, да о родне ли речь, или о “папике” щедром, не то о “пахане” татском, то и вовсе – о самом Папе Сво – про то интеллигентно умалчивалось…

Оттого-то инди́лы Тляху-муху и считали духовно близкой – красиво жужжить не запретишь…

Наиболее медийными индифферентами слыли:

- Ай-птички, они же – айские птички,
- Соль-Рыба, она же – Солнечная рыба, Рыба Опа,
- Рыба-Луна, она же – Круглая Дура,
- Гриб,
- Облак-маньяк, он/оно же – Серийный убийца яиц,
- Хариус-дурак-в-серебре,
- Тляха-муха.

«Индифферентность» — картина Эдварда Мунка

encyclopedia ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’ авторский парафразис

Чу́ды—**не́веды**, или просто: **чу́ды**, или просто: **не́веды**

К индифферентам зверяне опрометчиво причисляли и многочисленные объекты неопознанной, малопо-знанной, то и вовсе непознанной – “запредельной” природы, обильно проникающей в сумбурный, но вполне постижимый зверянский быт.

Эти повсюду снующие сущности можно бы квалифицировать как проявление “магического”, да если б кто внятно мог объяснить, что за зверь такой – “магия” и как его съесть.

Но кем или чем чу́ды–не́веды точно не были, так это индифферентами, ибо, хоть и являли собой образец совершенной аполитичности и всецелой безыдейности, вмешивались чу́ды в геополитические разборки зверян вполне себе пристрастно – то за одну команду, то за другую.

Вот только ни мотиваций, ни графиков такого пособничества зверяне не понимали, да и откуда: чу́ды сами не ведали, что творили.

Не их то дело – ве́дать, их дело – проку́дить да кулемеси́ть, да козни строить…

Оттого и считали, для пущей ясности, чуд–не́вед, всех разом, – мнимыми персонажами, фольклорным умыслом, не́билью-не́житью, то и вовсе – не́чистью.

Но, как и в случае с людьмина, “которых нет, и быть не могло, но о которых все знают”,

зверяне с лёгкостью допускали весь этот сброд “лиха бесо́вского” в общебытийный дискурс.

А коли случай падёт – ничтоже сумняшеся, пользовались их чудо-услугами, или против того – ратоборствовали не́ведодым злокозням.

Ведомо: не действует магия там, где в неё – не верят!.. но буде всё же напущена – не шибко зловредит: не всею злой мо́гой – как действуют чары на тех, кто сам волшебой промышляет, кто её исповедует, кто верит в неё, допуская де-факто тёмные силы!.. То же самое и к **сатанизму** относится – в целом, глобально… и персонально – к злотворчеству Сво, поганца залётного…

… так он, Пала Сво, и нащепал коварный вопросец, подначный, казалось бы, да заковырный:

«… коли про **“силу неверия”** сказано верно, – как же быть с **верами?**.. или со **зверами**… да просто с **надеждой на лучшее?**..»

Ответ (а он есть!) оставим для более светлого случая: негоже оным предметам с лукавым соседствовать… Напомним одно: в коннотациях рыка **“не-верю!”** – соль самая: **“не-приемлю”, “не-допускаю”** и **“не-пуцу!”**

Наиболее популярные да медийные из чуд:

- Проку́дливо дерево, или Проку́да,
- Лешая нежить,
- Папоротниковый цвет.

«Индифферентность» — картина Эдварда Мунка

encyclopedia ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’ авторский парафразис

Закон и Магия

Закон равнодушно (или – раду́шно?) не замечает магию вовсе… не видит и жертв её, и зло-деяния тех, кто водится с нечистью:

Закон примирительно слеп и выживает… тому есть причина:

с тех, ещё запахом свежих, времён, с коих планетная живность решилась “верить-поменьше” – во всё и всему… и магии также –

сила злая не́быти-не́жити всякой стала таять, мельчать, изникать… а с нею – и мочь ведовска́я:

и чаровна́я – та, что ведьма́чья, и учёная – чернокнижная, и просто шальная, чаще – случайная, не всегда и с умыслом злым: от бытовых идиотов и дур – досужих начётчиков, “экспериментаторов”, “юных шаманов”, “непоротых Поттеров” – кои лезут, как лазают дети в розетки под напряжением, – в материи, недоступные разуму, но разом доступные, если – следовать “умным” инструкциям в самко-журналах…

… Сила зля́цкая шла на явную убыль – но не иссякла вконец:

по́рчи да сглазы, да чёрные чмо́ры, да мо́ры с потравами – то́ наблюдалось… и понималось то́ верно…

… кем? – да всеми!.. особенно ж теми, кто и должен понять, кто полномочен, чтоб разбираться в причинно-следственных связях.

«Индифферентность» — картина Эдварда Мунка

Потому-то горламенты разных держав и наша родная Думила – нет-нет, да вдруг озаботятся озорством оккультистским:

по сотому разу достанут законопроект, где мягонько так, корректно, тактично, но спешно в правовое поле намеревают вернуть – не форму, конечно же – принципы, суть – “Молота ведьм”… и подобных тому профилактик…

… проект заслушивали, гра́чили бурно и – забывали!.. не то чтобы против кто был – ведь законники сами страдали от злых наваждений, иные ж, тишком, –

и балова́ли магическим зля́тством, –

но как юридически определить, так за то и карать – чего как-бы нет, во что публично “не-верят”, но знают?

… коли ж признаться, что – есть! и в том криминал очевидный, – сила одного зла умножится кратно: спасибо Закону!..

… так нам то́ знакомо уже, проходили в запойном на магию средневековье!..

Ну, и кой прок в такой профилактике?! – тоска по кострам да ностальгия

по жарко́му из мяса ведьмацкого?!

«Индифферентность» — картина Эдварда Мунка

Впрочем, жлобизнес и СМИ – скоком, вбежку, вприпрыжку – готовы проплачивать и продюсировать суперпроект – шоу в онлайнe с места событий:

“Аутодафе-за-мир-свободу-любовь-и-демакáciu!”

Проку́да и Пу́па

Подстать деревцо себе выбрал Пу́па, Попугай кархадский.

Волен был выбрать любое –

из древ разнообразных, на планете живущих. Из трёх триллионов.

Листопадных ли, хвойных – вечнозеленых. Ценной породностью славных, или целебноу силою. Или же – бла́зным плодами, то и статью завидною, а ещё – кряковйстых могутою…

Улюбовал же он даже не древце какое понурое, нйклое, а и хоть бы берёзу покляпую ту – избылинную, выбрал именно эту сосну – вредоносную.

Не рудо́вого леса красавицу – красную, прямойстойную, выбрал именно эту сосну – вилова́тую!

Многое ж в дереве том притягало непристойным комфортом…

Когда Пу́па впервые заметил его да уместился разом на облезлой ветвине, дерево учтиво представилось:

— Проку́да.

— Барракуда? – едва вымолвил Пу́па, поджав хвостец да холодея – языком дробя́. Оттого и двойное [rr], до́лжное бы стать роскошным раскатистым рыком крылатого мачо, обернулось досадным врезжанием: с языком заедино мелко дрожал клюв… Проняло Пу́пу – и от самого факта говорящей деревесины, и от зловещего имени, сулящего Попугаю одно: нехорошее…

Ответа не последовало.

Смеркалось. В оти́шие оливных сумерек по-та́тски вник озноб барабанов, следом прокрался вязкий плач. Небеса осиялись сполохами. Полились невидимые миру слёзы. Но попугаев при том никто не ел. Не кушал и даже не покушался!.. И Пу́па, тем фактом слегка умирённый, деловито опростался с высоты положения на низы и копошащийся там быт, утопив по́хода в своём гадком досужую Ули́ту, невесть зачем шлы́ндящую нагишом, без ракушки, промеж гнуси, бытующей в древесном подножии. Ули́та тотчас предложила кому-нибудь сдать́ся: а вот хоть бы Проку́де! что дереву мимолётно польстило, и пожаловало дерево слизню за речи верные премию литературную. Не само ж, ясно, жаловало: к Букову Пню отправило – к своим, к приваженным утыркам да таким же улиткам поближе, от себя же – подальше: хоть и ничтожен да мал моллюск улиточный, а всё ж – слизень: мерзко!..

И другой раз спросил Пу́па, уж с большею доблестью:

— Барракуда?

Тогда только в ответ и скрипнуло, то ли верескнуло, пропело ли:

— Можно и так. Даже лестно.

Осмелел чуток Пу́па. Ну, говорящее, так говорящее, мы ж с понятием: хочет деревесина немолчать, пусть немолчит. Хоть мычит! Лишь бы политкорректно.

— Не надо барракуды. Попугай не любит барракуду. Барракуда дискриминирует ранимую эстетику Пу́пы.

— Тогда – Прокуда. Просто Прокуда.

— Прокуда – политкорректно. Прокуда не ущемляет хрупкую самоидентичность Попугая.

— А барракуда ущемляет?

— Барракуда прямо указывает, кто кого будет есть!.. А долженствует быть обозначенным равный выбор быть съеденным для всех участников процесса.

— Ну-ну… – и дерево надолго замолчало: даже ему, проку́дливому, стало тягостно и уныло от экспромтом явленной неполжйвой правды!.. И в дереве проснулся стыд: не вообще стыд, а стыд от присутствия в оном – в происходящем. Но и того было достаточно: всполошённые личинки долгоносиков, да община жучков-короедов, да прочая гнуси́на всякая спешно затеяли исход-миграцию, предвидя большую беду от убудившейся прокудливой стۇды!..

«… ду́плéц, ну точно – ду́плéц! Худоумец! У него ж вся тель в голове вытлела, да взамен трюху заболось», – подумалось дереву!.. О ду́плах оно знало всё, и знало: сие неизбывно, неизлечимо…

«… ду́плéц, дурак, глупый зверь, скудоумая птица!» Древесной своей пронизательной чуйкой Прокуда безошибочно определил в Попугае “хомячковую ость” с её сопутной хлұдой скудных желаньц да гаденьких хотелок, да зёлжгучей потребностью казаться могутнее, круче, самée. Но самée не “по са́му”, а за счёт присутствия в кадре, в соседстве!.. Да не просто в соседстве: в присусе-дивании к чему-либо истому, всамделе великому. Вот здесь и сейчас – к нему: к Прокуде то́лкому, выдававшему виды, и всех выдававшему, включая себя-возомнивших, в их числе Попугая…

… так то́ ж и личинки, и черви, и прочая всяко́сть – копошились в телодреве Прокуды, в корнях ютились, их же точа́, пожирая, – не токмо ради одной дармовщины! А всё и по той же паскудной причине:

вкусив от великого – к нему ж присосаться, да вместе – и в вечность, в долгую память!..

Сказание о Прокúдливом дереве

небыль первая

→ По зверянской типологии прокúдливое дерево, или Прокúдливо дерево, как его величают сказители, или Прокúда, как само себя сказывает, – есть чúдо-невед, обитатель Срединного Мира, то есть не Верхнего.

И не Нижнего, которого нет, как такового: Нижний Мир существует ровно там, где его готовы принять да собою кормить.

Срединный же Мир кормит сам:

и жизнь, в нём квартирующую, и нежить, заглянувшую на запашок в Мир сей – от скуки ли, другой ли какой на́ждобой вередной, да в миру и застрявшую.

А прозывают жильцов тех нежитных, на постой не званных – чúдами да неведами, то и просто нечистью, или вовсе небылью...

Внешностью ж Прокúдливо дерево – изрядно отвратно:

гунявое сплошь: лысое, да к тому ж виловатое: кривульное, изломистое. Лишь на паре-другой из ветвей корявых редко лепятся кустики хвои: с рыжими иглами, да напротив каждой рыжей – по игле синей.

Ещё и дуплястое...

А задайся вопросом: по причине какой, какой лёшети ради – страхóвину ту приютил белый свет? Ответа и нет.

Но само-то дерево – не безмолвное, не молчащее: говорящее, к чему приспособило дуль свою – дупло, вытлевшее в гнилом нутрэ. Образовавшаяся при том пустота, словно путаная пещера, вторит извивам ствола... Сия полость и есть акустический причудливый резонатор – и гортань, и глотка Прокуды, откуда могут вовне вырываться диковинные, не всегда благозвучные звуки: то глухие, рокочущие, то бурлящие, булькающие, то урчащие, то свистящие.

Дуплина ж сама – расположена в кóмле от корней невадале: чуть выше корневища, отчего расплзающиеся жирными змеями да хваткими щупальцами корни Прокуды, когда их видно – а видно их бывает изрédка – выглядят в точь борода лютая, поделённая на суверенные кóсмы, каждая – самостийно алчущая...

Впрочем, древо чаще является – там, где является – без выказывания хищных корней: сразу с комля торчащим из тверди, предпочтительно – скальной...

Вкруг дуплины ж безобразной губою лепится трутный нарост, гриб древесный: дупляница, а торчащие с-под него частоколом затвердевшие щепы смотрятся зубьями, то и клыками, да так-то и есть.

А вот пташки какие добрые, славные – трясогузки там, дятлы ли, буроголовые гаечки, горихвостки ли, поползни, вертишейки, да мухоловки-пеструшки, да голуби-клинтухи, или утки: мандаринки да гоголи – в том дупле не селились, хоть гнездиться по дуплам им прибыльно.

Даже дикие пчёлы то дуплэ стороною облётывали:

не видать Прокуде бортевых медóв! не изведать вкус терпкий да вяжущий с горечью – мёда дикого: чёрного дупленика, не усладиться нектаром от медоносов лесных – то плодоносных, а то луговых – разнотравных, да от медвяной росы – с листьев клёна, орешника, дуба, осины иль ясеня, да от падей – липучего сладкого сока отхожего, что выделяет тля всякая да ещё листоблошки медяницы, в чём полезном ином они не замечены: зéло вредные...

Хоть и было дуплявым дерево, да не было глупым – ох, как не было! Горе тому, кто считал его дуплецо́м – сиречь “худоумный”, “дурак” в зверословии.

Дуплецо́м же был тот, кто с ним дружбу водил, да в союзы входил, да в товарищах числил: дупле́ц-то Прокúда совсем не дупле́ц, но – подлец!

Мудрецы ж величали дерево “дúровом”, сиречь тем, кто дурачит, дúрит изрядно да ловко.

Сказание о Прокудливом дереве

нёбыль вторая

→ И прочих достоинств полезных у древа имелось богато. Главное ж было: проку́дливость.

А “прокудливый” – то не просто шалун да проказливый: шалун пакостливый!

Все деревья такие по природе своей – вредоносные. А в придачу к тому – дуже буйные, необузданные. И злоблывые, и злодушные. Злоковарные да злонырные. И злонравные, и злоумные. Злоязычные да злочинные. Ко всему ещё – и злоплодные.

В общем, недобрые то деревá, и характером, нравом – прескверные. А к зверьям они нелюбезны особенно: в зверосердии не замечены.

Наипаче ж всего дурно славились за охочестъ к волшебу, к тёмной магии: вередíли они да кудесили, ворожили они да ведьмачили, словно тем одним только жили, ровно тем одним и дышали.

Говорили ж про то, запредельное, очевидцы и вовсе немислимое:

— мол, без ветра то дерево шумит бóром густым, да что там без ветра – от листвы пустым!..

— мол, даже средь пустоши древо такое, отшельно торча злоколюче, вокруг себя заплутает, заблудит любого, как в чаще дремучей!..

— мол, коли ж оно упадёт или срублено будет рукою могучею – то завалится ровно на запад, а срубивший его неминуче – отсель и отныне – уже обречён: горюшко мыкать, зябнуть в беде, да небóгим мыкать по свету – шататься в нужде да в элббии, обмогáясь даянием редким да пособием, да дотациями и субвенциями, да кредитами злопроцентными, да сгнуть вконец от скотоколлекторов, которые вроде бы рождены на той же земле, в той же Родине, да не родные они, а – урбдии!..

и разного много другого болтали, да больше всё те, кто сам и не видел... а поведать-то – хочется: зéло зудится!.. Или видел – да дулю, писал – же про пулю... А коли и видел дельное что – сантехнично оскáзил: клеветой окропил, ославил исподним, хулой охулíл, да вовсе заврал!..

Блаблáгерами, и люблблúгерами, и плутблúдерами таковые себя именуют с почтением.

Но! среди злых деревьев Проку́да особенным был – первый над всеми. И во многом – инакий.

Даже пожары и молнии стороною старались ходить от Проку́ды, хоть и были всеядны, и рыскали всюду, жгучей алчбóй понуждаемы!..

Разве что какая глуподуря огневщíна, не найдя себе жертвы по любви, опрастывала заряды огненных струй на Проку́ду. Да ещё вот шальная да шалая молодня шаровая тем же озорничала!.. Так дерево на то польхало в ответ приветливо, да радовалось, от того ничуть не сгорая – вовсе для себя безушербно: супротив не только законов термодинамики – феноменологии всяческой в целом.

Впрочем, и супротив статистической физики – так же.

Но ведь и калёные стрелы, пусть и умельцем запущены, мимо летели! И пули литые: будь то свинцовые, будь то золотые, а и серебряные – не застревали в теле Проку́ды: тихо падали, не долётывая, близь подножия, будто чем невидимым остановлены!..

Сказание о Прокудливом дереве

нёбыль третья

→ Проку́дливое дерево на голубом глазу возводило свою родословную к тому самому Апельсиновому древу Лиха и Блага, которое, по слухам, обитало на Острове Янтр.

Верила тому, впрочем, одна лишь Кабаниха Ху, которой всё, относимое к Апельсинам, святым представлялось. Так ведь Кабаниха при том Проку́ду и не видела, и не могла никогда! Как в упор не замечали его прочие зверяне, кроме Рысь-Рúси, Попугай кархадского да Сказского Тура, без того всяко повидавшего.

... И когда дúрово предстало рысьему взору на гребне Тулымском, – никто не поверил. Многие ж и захаживали тайно: подглядеть да поразнюхать, но все в один рык твердили, клыками клялись: нет ничего на гольцбóвой вершине Тулымского Камня – нет ничего! кроме ягелей, мхов, да спящих куру́мов, да скальных остáнцев: болванов да тумпов!..

... Тигр приходил, как бы за тем же, а больше на Рысь повздыхать под важным предлогом; местная живность по норам забилась, кто и отроду жил не совсем чтобы нóрно; даже злаява нёжить лесная укромíлась, робея тигриного люта!.. Но и взор поэтический Тигра, хоть и зéло приветливый тайному, от быта сокрытому, – даже взор поэтический Тигра той сосны не узрил!.. Да свидетельствовать Тигр в том не стал, рыкнув на камеры: «Рыси виднее!..»

... Белведь инспекцию присылал, комиссию дюжемочную: из трёх Врáнов учёных да двух Важных Песцов в шубах навькат. Поели те всласть, наотмашь попили, почудíли чуток да брифинг затеяли:

«... Всякое, – говорят, – едáли-видáли на обильном на виды да нёвидаль Ур-Але:

— Семь Столбов, семь остáнцев-болванов, Семь Братьев, застывших в серицито-кварцитовых сланцах навечно на Платó Маньпупунёр, также славного белыми мхами, – то видели собственноглазно, воли век не видать, коли брешем!

— Пíсаницы на скалах – петроглифы, тайные смыслом да вязью затейные, молвою людянам приписываемые – людянам, которых и нет, и быть не могло, но о которых все знают, – то видели, нюхали: рядом на скалах за то расписались!

— Метеорит нерукотворный Челобинский – был, грозным взрывом своим зéло схожий с кинетической дурою стратегической гиперзвуковой, но то всё наветы: дуры не было – а был каменюка небесный: сами осколки в лапах держали, нюхали, грызли, с пристрастьем пытали – съестъ то не съешь, на сувениры – покатит; мудрецам же местным, что осколки добыли, да казус случившийся по уму разъяснили, – гранты раздали, всё целиком, честно-песцовое: да и что там отжать – не смешите!

— Даже Три-Разом-Светила видали!.. сосну же искомую, именуемую оной истицей, Рысь-Рúсью, Проку́да – не видим! Нет тут сосны – совсем никакой! И прокудливой – тако ж! А вот ниже по склонам богатства лесного в поживу – изрядно, и стóит всерьёз озаботиться их отсвоением: пользы державной, разумеется, токмо, чем и готовы лично заняться!..»

Пришлось же Рысь-Рúси тех Песцов придавити, а йначе – как же?

Ну а Врáны, такое предвидя, слетели в свои восвосяси задолго до оного: живы покуда, пишут явки с повинной, **но средства казённые каркнули в нёбыть, как было и присно, будет во веки и ныне: без умыслу, как-то нечаянно, и навсегда!..**

... Комиссии-то комиссиями, скептицизм – скептицизмом, здравый смысл – кто же против?!

Но стоит Рыси лишь рыскнуть на гребень скального крупа тулымского да улечься на излюбленном камне-остáнце под вечер – и вот она, будьте любезны: сосна гунявая, избóистая, верд́ная.

И в корявых ветвях её – уж мерзкий попугай изголове: сидит-поджидает с речами липкими, бестолковыми, кулемéсными, да ещё и с вопро́сами пакостными!..

И верно: нехорошая, злая сосна – прокудливая. Магия чёрная!..

И ко́мель ствола, и его гóломя, да и ветви, и сучья: все цветом – совсем неживым, невесёлым!..

Чего ж та сосна прилепилась к Рысь-Рúси?

Сказание о Прокудливом дереве

не́быль четвёртая, концевая

→ Более всего Проку́ду угнетало безделье да праздность. Пребыванье в делах, сиречь в занятиях насыщенной креативной злокознью и значило для ду́рова: “быть”, “существовать”.

Тогда-то оно ликовало, цвело, да цвело наизнанку, наоборот: не от голого к пышному, а от густости к лысому.

От скуки ж, в досуге, напротив того: затевало густеть-зеленеть пышной хвоей, пятиться вспять – к жизни зеленью, да, опомнившись разом, возвращалось к привычному, лысому: не пристало коряге, себя уважающей, услаждать красотой прохожие взоры. Неприлично порядочному злу бездельничать, себя не чинить, вредоносный свой гений таить, а не щедро дарить его – горем являть да лихом неожиданным! Оттого и фамильный девиз, оставшийся от затерянного в веках родового герба Проку́ды, малопонятный иным, но для ду́рова – наполненный смыслом, гласит:

«… ду́рово назад не пятится – ни завтра, ни вчера, ни в пятницу!…»

Но: было дело, чего уж там, наслушалось как-то ду́рово Голосов всяческих праведных, сладких, да внезапно и возжелало выправиться – поправить, то и больше:

- све́тло ду́мить и све́тло дышать; да так же запеть;
- сбережения все, без остатка! перечислить в Зверосердия Фонды: СМС-ками благостными, платными;
- приодеться позитивом в обтяжечку;
- усыновить личинки Долгоносиков и Жука-древоточца, да ещё Лубоёда-жука, что из трудовой династии Короедов выходец;
- древесный приют из себя учинить для гусениц всяких, да тлей, да прочей досадной гнусины: оводов, мух, комаров, червяков, да крыс, да иных грызунов, что корни-стволы у деревьев точить приспособились: пусть им будет, тварям, комфортно!
- да после податься в стада волонте́ров: окучивать хрены на грядках да околачивать плодоносные груши, чтоб падали груши, но чтобы небольно и грушам приятно;
- затеять флешмоб актуально-эпический, скажем: собрать позитивных Репье́в, именуемых также Лопухами Большими, да выстроить их немаленьким смайлом: “смайлище обо́ло, озёрно-огро́мно, стопятьсотзёвно и позитивно!” А учинить тот пафос эпический – на месте пшеничного поля поболе, чтоб из космоса всякий, проходящий по случаю мимо, такой позитив мегаформата мог заценить без телескопа, да сразу проникнуться! коли ж доставило – так и лайков отсыпать!
- всяко ина́ко благо чинить да по-совести-жить против лиха…

Но: выправленным быть да правильным – как-то се́ро да пресно: до тошноты. А светлые ду́ми влекут за собою мутные будни. И све́тло дышать – шиш покуришь…

Но всё же, всё же… С тоскою заглядывался порою Проку́да на стройные рудо́вые леса, на кряковистые, кряжестые дубы, на стать плодоносных гордянок-спесивец, осыпанных щедро плодами пахучими… Ему же, Проку́де, достались в удел лишь редкие шмотья высохшей хвои: бурна́стой – рыжей, да тускло-синюшной. Да ещё вот – застывшие брызги то ли смолы, то ли чьей-то проклятой памяти, но и те – не россыпью дивною скатного жемчуга, а мутными бурыми ляпками…

Посему и искало дерево-ду́рово иные Просторы, где иная судьба – для таких…

Ведь каждый Простор – он с собственной Волей, и где-то же есть – быть должна! – дурья страна, дурья земля, дурьи просторы, где Проку́ды – свои, где вся жизнь – кулемёса, веревжда́, виловáтость, извóистость, проказа да пакость.

Из вéдомых ду́рову стран да просторов – на то не тянул ни один предел, даже Западл – со всей его ливерастной гнусью: гнусь лапотворна, и ходит на лапах, она не есть соль земли, она только плесень. И разве же Западл столь монолитен? Разве уж всё там изъедено ржой? То пока ещё – под вопросом…

Нет! Дурья земля, она – где-то там: в непроходимых, бездонных болотах, затянутых по́верх зыбуном да трясиной! Где обитает, да там же и роют рудознатцы косматые – в топях, не различая жилище и копи! Да ещё кузнецы вида зверского козни куют на дьявольских кузнях, да лютый металл льют для чудо-хреновин, что сами собой будут жить, а над живностью – властвовать!..

Есть та земля! Есть дурий край, тонущий в тёмях, тающий в тёмях – до времени тающий: ждущий черёд свой – всё поглатить-проглотить…

А значит – и ду́рову ждать…

Эхо Сосны

Пока ж суд да дело, да ожидание, дабы зеленью не загуститься да не зацвести ненароком от беззлобия праздного – затеяло Проку́дливо ду́рово вередный пустяк: проказу смутную, местечковую – ради тренинга да вялого смеха:

корпорацию учредило медиа под лейблом-прозвищем звучным: “Эхо Сосны”. Да возглавило – но хитро́ так, со стороны: токмо Совет Попечительный, подставных же начальников-попок в избытке крутилось.

Чаще ж иных залётывал Пупа, тролль да вратель кархадский:

вот уж кому тут было и любо и сытно! – ведь всякую птичность, на Эхо залётную, Проку́да подкармливал знатно – гнуси́ной древесною всякою:

опарышами да червячками, да личинками, да жучками короедными и гусеничками, клопами вонючими да мошкой, блошкой, тлями и разной иной птичьей сладостью… и птичность та благодарная нащebetала девиз-квинтэссенцию для корпорации –

ма́ксиму, императив, мо́дус вивенди и операнде, к заучиванию и исполнению обязательный всем – прибывшим и бывшим – подобно Уставу:

«… От “патриотизма” нас вишне́во тошнит, и мы блюём:

болотными опарышами, ла́рными клопами, гулявými тараканами, земличными червяками, мельничными хрущакaми, шустрými гусеничками, гнилыми орешками, берцовыми косточками, ко́ховыми палочками, капустными вошками, костяными блошками, боровичками да поганками, непереваренной шáндрoю, кишечною ахинеею и старыми макарóшками!.. ещё и понóсим…

и Эхо этого нашего смеха доносится!…»

… А и потешалось же Проку́дливо ду́рово всласть да над всеми:

и кто вещал, и кто слушал, и над теми, кто верил, и кто брызгал слюной, опровергая да споря, –

все ж они испепеляли время жизни своё да чужое: в зряшном, пустом, злоязычном, смысл себе обретая в яростных гра́чах…

Пупа в цвету́

О себе птица Пу́па вещал исключительно в третьем лице. И это правильно. Первого не было. Как и второго.

При том распускал хвост колесом: по́пным плюмажем, на манер гламурной курицы Павлин. Или надменного Индюка, петуха индского: не того индского, который из Индии, а того, который инди́л.

Молвить по чести: Пу́пин хвост жидковат был да мал – куцеват для такого пафоса видного. И не долгопёр вовсе, хоть с павлиньим, хоть с индюшачьим сравни: Попугаев-то – пүком торчит на длину в полтушки всего, считая от хлүпа, сиречь – копчика, тельце задня́яго, он же – хвосте́ц, или гузка… Так и цветом хвост: чёрный. С намёком на пүрпур, но всё ж – чёрный… Оно и выходит: смур да куцеват хвост Попугая!..

То́, правда, кроме двух центральных, рулевых перьев: те уж длинными выпирают выстрелами, остатнее хлүповое оперенье втрое превосходя, а опახала их – от стебля́ исходящие, цветом багрового, – знатными полутонами густо-красного отсвечивают.

Того ж расцвету – пунца́ переливчатого, багреца, порфира – у Пу́пы и ещё два больших пера в наличии: ма́ховых, по одному на каждом крыле, счётом от внешнего краю – вторые. А ещё и пару рядков перьев малых: покровных, краем идущих по крыльям, с плеч начиная – тех, что набегающий встреч ветер первыми ломят… Так перья те краевые Пу́пе подобными представлялись эполетам легионерским – красным, с красною же бахромою, – чем и гордился немало.

С раннего детства, с пухо́в млады́х – восторгался Пу́па изрядным своим красным, веско и брутально добавляющим оперенье, во всём остальном же – чёрное, исключая подхвостье: собственно хлуп да прилегающую часть тушки, кои опушены́ пером окраса весёленького, да не природного – крашеного недёшево в модной салоне стилистом вихлявым: в ЛГПТ-щечку, сиречь – шестью ЛГПТ-красочками, что уворованы паскудниками от многоцветья благородной Радуги. А крашено так не дизайну ра́ди – заради́ пущего срама: подстрекáющего да дразнящего.

Вот то́ и звалось на щебете птицы продвинутой: **кружевным *или* кружа́вчатым хлүпиком**, что идейно равно “**кружевным трусикам**”, воспетым элически лудоидами Голубой планеты…

От того же вихлястого Пу́па и много чего нахватался. Стал вот разом оперье своё: “позиционировать”. Да всё как-то брэ(н)дово, возвышенно: “перье́ от Вриони”, да не всё “от Вриони”, местами – “от Хуччи”…

Для красного ж цвета многод́ивного – Попугай и словца заучил красные, небанальные, самобытные, дабы умно́стью щегольнуть в *свете вы́шем* – при случае, коли случай такой представится:

- цвет сангины: смесь охры с сиенской земле́ю,
- цвет карминный: маскулинный, сексистский, ибо только из самок червецо́в кошенильных творится,
- цвет fáлунский: цвет красного домика с картофельным полем, – идиллии финской,
- цвет тициановый: золотистая медь, – так самочьи гривы любил рисовать король живописцев,
- киноварь: кровь драконья, ртути сульфид, от болезни постыдной також полезна,
- терракотовый цвет: цвет исходной земли и древних ваяний,
- жжёная умбра: хоть с охрой и схожа, да имя своё от “тени” берущая,
- и бордо: цвет вина из Бордо, от красных сортов винограда,
- и бургунди, бургундский: цвет винтажный, вина – от виноградов рубиновых, с пурпуром…

На большее ж Пу́пиного усердия не хватило: обилие “красных” слов да смыслов утомляло. И удручало: сокрытым в их коннотациях варварством, некомплментарностью, неполиткорректностью. Не хватило и Пу́пиной оперативной памяти. Впрочем, на что и хватило – забылось за ненадобностью: в *вы́шней свет* попугаев не звали…

→ ни в племенной, родовитый – надменный, кичливый по причине породистых генов, но спесивей стократ от наследных угодий, ленных выпасов, да в избытке добра, отжатого их лиходейными предками: викингaми да варя́гами, флибустьерами да буканье́рами, ушкүйниками да корса́рами, ка́перами, печели́нгaми, гэзами, приватíрами да приватизáторами, конквистáдорами, копира́стами да буржуйными компрадóрами… словом, всех мастей мироёдами-та́тями, первоначальный капитал не в первой загребающих, да и каждый раз к Марксу ограбленных всех отсылающих… что ж до “породистых генов” касаемо: поголове в том “зверообществе вы́шем” – от веку рогато: и не столько по внешнему виду, сколь от самок по факту, и где-то – по культуре, к Папе Сво нисходящему…

→ не звали и в тот, который сам себя величал: “элита”, “соль земли”, “сливки стада ”… и на который породистые – хмыкали криво, а те, кто здоровьем душевным не обделён, кто не был в подельниках самоназначенным “избранным” – кубла́м да тусам, кланам да сворам, – те и вовсе на тот *вы́ший свет* хохотали: «… вот это – “элита”?! эти вот – “соль”?! это-то – “сливки”?! да не смешите!…» «… вот, разве, – “слюна”, “сопли”, “сплёвки”, “что слито” – то́ да, то́ возможно!…»

кльки же да когти при том усердной точили: сколько их, корбóстой наросших “элит”, “высших све́тов” – отколүпано, кануло в лету! да тлеет костью: что в полях, в перемес, что в подзолах, где лес, что в расселинах скал до небес…

encyclopedia | 'Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура'
| фрагменты статьи 'ливер Пупа...'

Для людянского взора кархадский Попугай видом своим несуразным, не лишённым, однако ж, и некой графической затейности, одновременно наполнил бы:

и людянского *Орлиного попугая Psittrichas fulgidus* – телом, красно-чёрным опереньем и пышным чёрным жабо с белёсыми окантовками пуховых перьев на нём,

и *Чёрного какаду Probosciger aterrimus* – головой да хохлом: перья чёрно-грифельного цвета с фиолетовым отливом, щёки при том не оперены и имеют мясной, а при возбуждении ало-красный цвет.

Крылья ливер-Попугая имеют во внешнем ряду пару красных маховых перьев. Красное же – и одно центральное перо хвоста, хотя от рождения их было два.

Задняя часть тушки, начиная от кончика хлупа, сиречь хвостеца, или гузки – опушена шестицветьем ЛГПТ-красочек.

Лапы – чёрные, когти – красные, клюв – чёрный. Пуховые штанишки на лапах – чёрные, с небольшой оторочкой в нижней части тёмно-тёмно-красным.

... и, ровно так же, как людянские птицы *какаду*, птица Пупа славился изрядной скверностью характера, истероидностью да взбалмошной агрессивностью, чего уж не выправить.

А в помноженье тому – дюже злопамятен, и в том усердии память его совсем не коротка, как в ином многом!

Птица Пупа, Попугай кархадский – дюже ливеральная птица, обитатель Зверильника, гражданин Кархадской Унии, штатный стукач и волонтёр-осведомитель, засланец Глобальной Силы Добра, – обильно шастающий по всем просторам, особенно тем из них, которые неподвладичны Кархадской Унии.

Да не так чтобы от скуки в досуге блудит Пупа по инаким долам, всяям да всяям – с благородной блудит миссией:

оливерастить те варварские, нецивилизованные пока ещё Западлом пределы, принести им в клювике весть благу:

о сияющей завроСвободе да прилагаемом к ней бесплатном, но обязательном пакете с ливерценностями...

Пупа и его попуганда – всегда предшествуют миролюбивым “ударам милосердия”, испепеляющим экономику несогласных Просторов,

да грядущим за ними следом “гуманитарным бомбёжкам”,

с поддержкой точечных крокодиловых слёз, – поелику или аще увещеваемая сторона до сих трепыхается.

media | 'Рык Зверомира' N 1 | Тигр, 'Рожны и рогулины ливерастии'
| фрагменты статьи

Пупа в говору́

... распускал хвост колесом: как бы плюмажем, да и пустовракал, пустобаил, пустомелил... всё больше: вёрезгом, тараща при том хлупалы навывкат багровыми сливами... да и гадил обильно...

... балаболлил, молол без останову, резал кривду-матку...

... расходясь нешуточно, отчего сам вдруг себе верил, а тогда уж – зачинал еро́шить да дыбить перя́к: хохол свой, да не тот хохол, что плюмаж на заду, а тот, что гребень на голове...

... и вещал, верещал, источал из клювища всё, что с худых мозгов на язык текло... но и то́ – не своё: что пролетало от уха до уха, чуток застревало, да промеж ушей чепухой оседало...

... и наболотил же себе мозги Пу́па – преизрядноу дрянью!

... оттого и текло: изустно – звучным хлúдом, в завронет – буквенным флúдом.

И если большинству зверян естественна жизнь на ходу, и, как следствие, – смерть на ходу, то Пу́па жил в говору́: обо всём и много, обильно да убедительно, да больше: повторками.

Вторил же всему кархадскому, за́падлому. Да не за всеми – одно только за теми, кто силу промеж звероидов набрал, буде и косноязык, и туп, зато при клыках – наглядных, доходчивых, неопровержимых, аль при средствáх – весомых, неоспоримых, на депозитах тучных...

Но даже чушь, вздор, пустовщина, бредня какая – и те в исполнении Пу́пы становились уж вовсе пошлыми, гадкими, мерзкими: хлúдой кулемёсноу.

Вот иные толк говорят, когда и врут, когда и злоречат. Такого послушаешь, да содрогнёшься вражине коварной, лукавой, замышляющей. Иному и подивисься, восхитишься супротив воли:

ай, красавя, ай, да загнул! эк лихо-то пули льёт! како размашисто да како казисто, стервец, заливает!..

Пу́па ж – кулемёсил, всегда кулемёсил: нёс гиль, гниль, мутную путанность да скучную бестолочь.

Так и по жизни был – кулемёсник: вовносил везде сумбур да разладицу.

И поделники его, заединчики-ливеры – тако ж пакостно жили: заприметят где что, ладом да миром, да согласием приумножаемое – завтра ж туда и кулемёсу запустят, да не простую, стало быть: разноцветную – управляемый Хаос ещё прозывается... а смúтни те замутивши – с того ж и прибыльток поимеют постыдный: на чужой на беде наторгованный...

... да ещё потешаются – над учинённоу ими ж замя́тней, ими ж намученной смутней!..

... ибо для них, копыто-и-лапопожатных, – те, кто подговóрным движухам поддался – “неудачники, лузеры, вата, быдло, биомасса” – жертвы и есть!..

А всякая жертва, как то очевидно скоту-неполживцу, – сама ж кругом во всём виновата!..

Оттого и так пристальны мы, так дотошны – время доброе тратим, толкуем о дискурсе вражьем:

о токсичной семантике вздора, о “неполживом” язвенном слоге да попугандовом за́падлом смоге:

ибо кислотный туман тот – увы! всеместен уже на Зелёной планете: разъедает и долы, и веси, и сами Просторы.

То – не есть лишь словесность, то – война!

На войне ж –

не кукарекать, не бляеть – боева́ть надобно, ра́товать:

рать на рать,

клык на клык,

брань на брань –

да стократ враж́инного лютее!

И язык наш родной – в том оружие грозное, сила ярая!

с ядрёной рудой урановой нравом схожая:

ведь сама по себе та руда не за мир, не за злобие:

смоляная ли вовсе убóгая, коли не знать,

как богатить да использовать:

жизни – в подмогу, вражине – в острастку.

Такая о рóсском родном языке актуальная сказка.

Иные вот нас уверяют:

война, мол, – категория историческая,

метафизическая, нам неподвластная, –

данность, мол, средство прогресса!

И вóйны не начинают:

дескать, вóйны сами приходят!..

На ту кулемёсу ответим:

и верно, сами приходят!

Да ломаются в дверь

от стороны зверосердных соседушек!..

Да ещё через окна ли форточки Овертона!..

А ряжены войны те, для затраву:

как ф́рики, как кулемёсы!..

Пёрлы от Пупы

сиречь – нравоучительные повторки, крылатые слова да пернатые фразы, вещаемые непременно менторским тоном – с выражением да значением, да с пальцем, взмётнутым к небу шишом, – и не к месту всегда… а где ж, позвольте узнать, такому и место?

«Попугай есть птица креативная, сгусток интеллекта!»

«Быть правильным – неправильно! Правильно быть рентабельно!»

«Без Свободы испражнений немыслима Свобода слова!»

«Без Права на измазаться и опуститься – бессмысленно Право на возродиться!»

«Попугай звéрит в кархáдскую исключительность всеми перьями своего хлúпа!.. И тушкой тоже!»

«Свобода кухни привела к Свободе Совести… Такова же роль Свободы Испражнений!»

«Право гадить – неизбежно!», «Право “нагадить” – естественное Право!»

«Незыблемо и Право первого обкáка!..»

«Скот – мера всех вещей. А Пúпа – совесть!»

«Так поедим!.. » – очевидно, Попугай имел в виду чуток иное: живописьный клич *«Так победим!»* да выходило именно: «Так поедим!..»

По ходу спецкомандировки “внедрение в Росские просторы”, прямо скажем: протекающей непросто и болезненно, обогатил Пúпа свой лексикон свежевыстраданными откровениями:

«Как у вас тут тускло, нерадужно и пахнет нецивилизованно!.. Где Свобода испражнений?! Где грязь и травки в шаговой доступности?! Где г’еи, наконец, в ассортименте?!… Пúпа в шоке!..»

«Мы призваны и избраны: мы демонстрируем! Даже когда безобразим!.. А вы безобразны по факту и априори!»

«Ни в коем случае нельзя сравнивать ситуацию с нашими безобразиями со случаями безобразий ваших, потому что это так потому, и это очевидно… Ваши безобразия – ужасны, чудовищны, отвратительны!.. А наши безобразия прозрачны и открыты всем!»

«Если вы такие умнющие, почему вы такие безымущие?»

«Ценят не хвост и не клюв у птицы, а сколько у неё бабла за границей!»

«А разве ты не хочешь кружевного хлúпика?!»

«Клюв правды не заткнуть! – он хитро устроен: есть запасные отверстия!..»

«… верните перья!..»

«… с попугаями так нельзя!.. Жалкие, ничтожные звери!..»

«… такие вот звери и называются быдлом! – которые сообщá завидуют Попугаю, говорят о нём гадости и ощипывают!..»

«… да, вру! Но вру искренне!.. и во имя торжества правды!..»

«… э, нет! Свобода не значит свободу всем от всего! Так – только для нас, для её носителей и разносчиков – цивилизованных, избранных, исключительных!.. Нам – свободная жизнь, вам – свободная смерть!..»

«… а нас-то за что?!»

«… это чудовищная, лживая клевета!..»

«… пожалуйста, не ешьте попугаев!.. Попугаи хорошие – у них совесть и ум!»

Бывало ж, подслушает где Пúпа словцо позаковыристей, да и носится с ним в клювике – от мысли до мысли, приставляет красы ради куды придётся, чем и демонстрирует зéло дюжую артахусную высокодуховность:

«… децибелов правды не заглушить!.. обратно ими не заткнуть!.. тортами-яйцами не закидать!.. за нас – шумы квантования и Закон Фехнераи-Бебэра!.. Так поедим!..»

К слову сказать, “децибелы правды” в попугаевом верезге звучат иначе как-то: “**дебилы правды**”, но то, согласитесь, мелочи, то – детали. Главное ж – настрой позитивный! И оптимизм неубиваемый. Что в Рóсских-то ёмях и всякому ливеру нелишним пожелать будет.

В защиту Попугая

Конечно: иной раз и Пúпа изрекал что дельное. Да цена той дельности: грош! Червяк на притраву.

Не нами подмечено, да нами сказано: из уст таких и правда – ложь, а истина: отрава! –

И верно: что есть истина и что ест Пúпа?

За истину – то никому не ведомо, а за рацион Лупин – даже очень: ест Пúпа шелуху семенную да иную всякую, то и сами семена, невзирая, что семечки да зёрнышки – **онижедети!** А укромом, тишком – не брезгует и личинками с опарышами, да ещё яйцами гнусиными из древесины подточенной. Почему тишком – о том позже, здесь же припомним зверомудрость, коя гласит:

«Каждый тó есть, что ест…»

Но ведь так-то и о всяком звере вольно́ смыслами повеселиться, особливо в тему снéдей да бесед запальчивых: тут из нас о каждом можно всласть зубоскázить, не то и оскázить злым речением, – занятие то немудрённое, стёбом прозываемое…

Пúпа ж точно иной раз дело говорил! Вот только в виду имел не здравость, из того вытекающую, или в том содержащуюся, а как раз обратное.

Одной, вестимо, да той же дельностью, да одними и теми же лапами – тóрены тропы к вершинам и к безднам!

И для разного нас разные-то в правду зазывают: одним: сквозь тьмы *истин низких* – горнее, верхнее видится, другие ж: и в высоких смыслах – болотце, отхожее место, нужничек разглядеть пытаются, да всё глубже и глубже за собою в помойность и утаскивают…

Но вот в Пúпином пёрле: «не ешьте попугаев!» – смешного мало.

«Попугаи хорошие – у них совесть и ум!» – то очень смешно, а «**Не кушайте попугаев!**» – ли́хо глобальное, вопль жизни, каждому ведомый.

Ведь всякий из нас, любая живинушка на планете, буде и сильной, и крупной самой:

зверь ли пешеходный, птица ли лётная, рыба ли разноводная, насекомое полезное ли пакостное, даже трава безъязыкая:

всякий из нас – от семян, от яйца, от рождения – с тою молитвой засыпает да просыпается:

Не ешь меня, не ешь! не кушай!.. пожалуйста!..

Пупа в еду

С младенчества, от яйца, Пúпа жил с перманентным чуём, ощущением, пониманием того скучного, досадного факта, что он – Пúпа кархáдский, эксклюзивный, дивный, неподражаемый, – всего-то и есть: чей-то, пока не съеденный, обед. Или завтрак. Или полдник. Или ужин… И только смекалка, прыть да дюжая изворотливость позволяют ему жить – до времени…

… жить в качестве НЗ, консервы на ножках, припасов на самооткорме… для кого-то им, Попугаем, незнаемого, но кому он, Попугай, очень даже знаем: в разрезе пищевой калорийности…

Подслушал он как-то здравую умы: чем, дескать, старее зверь – тем мудрее, а чем мудрее – тем дюжее ценит снeдь: съестное, съедобное, ядное… Оттого-то и якшался Попугай боле с молодым, с восторженным зверьём, не заматеревшим до срока в одном чревоугодии, полагаясь наивно на тягу к возвышенному, коя перевесить должна бы тягу съестную. Под “возвышенным” Пúпа понимал себя.

Сам же слыл отъявленным вегетарианцем: семенами питался деревьев экзотических, эвкалипта типа, акаций, фиговых да иных, им подобных. Фруктой тропической, ягодой – то уже без разбору, лишь бы ядная, не ядовитая!.. Однако ж укромом, тишком, когда и не видел никто – протеином всласть себя баловал – личинок да опарышей, да гнуси́ны иной, но факта того не афишировал, ибо кушать живое – “по лжи”, непосовестливо. К тому же личинка, яйцо, опарыш любой – ОНЖЕДЕТЬ!.. Детей есть нельзя.

… Именно гнeтущее знание о себе, как о проектной закуске, насадная мысль о возвращивании себя фаст-фудом и подвигли Пúпу в заполoshные ряды братии Ливерáтии, да не простым рядовым электорального мяса: активистом-ливером!.. Да и стал своим в той егoзливой, гoмлiвой своре копыто-и-лапопожатных.

→ … Вестимо: ливерáстом не рождаются, ливерáстом становятся. Сей болезни пути – неисповедимы, источники и места заражения – утаиваемы, причин же – не счастье…

Пúпа таким стал не от прочувственной убеждённости: убеждённого ливера в природе не водится! – а по факту малости, никчёмности и страстного желания не быть съеденным.

… А было так. Наперво Попугай сбил стайку “экологов снeди”, исповедующих тотальный зловред фаст-фуда и консервов. На что ританские мудрецы грантовые откликнулись с должным энтузиазмом, знатно оценённым, да и не обнаружили в фаст-фуде ни одной бактерии, кроме пользы… Попугая, однако ж, заметили. Где надо, заметили. Проверили на гадость, продажную валентность, трусiстьость, холуйстость. Признали годным. Завели досье. Определили в попугáнду: в адепты и агенты демакáкии…

И поскакала карьера Пúпы кенгуровыми пры́гами – с места на место: не вверх, ибо верхí заняты теми, кто попугаев как раз и кушает, до того поимев иных из них на общую пользу – на “общее дело”, что и значит: *Res publica* – то на латыни, а ещё: *Cosa Nostra* – то не одним сицилийцам внятно…

И доскакалась птица Пúпа до того, что сам Макак – Чёрный Мак, управитель Кархáдской Унии, предводитель Зверильника, то есть всего как бы Свободного мира, он же: Зáпадл, – сам Макак Пúпу приметил, да поручил кому следует Попугая “внести в списки”, да делегатить на тот самый эпический форум, где Госдеп сношений собрал пару дюжин отборнейших петухов да козлов всего света…

→ … завроСМИ в надрыв цитировали историческое, программное заявление Чёрного Макака на XIII всепланетном форуме толерастов и имбецилов «Взаимоуважением – по всем и каждому!»:

«… Нам плевать на ваш образ жизни, на ваш менталитет, на вашу культуру – права г’омячков превыше всего, превыше большинства, превыше просторов и жизни в них, и если Создатель – не Г’омячок, то его нет!..»

… хотя Попугаева бабушка ещё строжайше Пúпе наказывала: «… бойся змей, муравьёв, тараканов, больших птиц да летучих мышей… но пуще всего, особенно – страшиш обезьян: те не токмо съедят, ещё и остатнее всё – неядное: перьевое – на убранства, украсы приладят: на плюмажи, султаны да капризы чуднiые, извратные их самок вертлявых…»

Чёрный Макак Мак

Чёрный Макак Мак, насельник Зверильника, – сорок четвёртый Управитель Кархадской Унии, зломобчный Предводитель звероидов, Мироносец Глобальной силы Добра (оно же – имущество, собственность).

Лихой да затейчивый сей персонаж, чёрный – и телом и делом, – безобразил (да так же и правил) во времена, нам ещё близкие:

в коих копятся, зреют, вершатся события “Сказа Первого”...

Ныне же Чёрный Макак и чёрная память о нём – уходят во тьму: не в забытье – в злое прошлое, кое же долго, мучительно долго саднит, бередит, нарываает... – да чем ещё обернётся?!

Сорок пятый кархадский правитель – с виду и белый... да только же с виду! –

страдать от кархадских бесчинств Зелёной планете так же продолжится... коли не более... да много чернее!..

... и планете без разницы чей там портрет на хоругвах бандитов на разбой вдохновляет бандитов... и без разницы – кто грабежом заправляет... и без разницы: кто и какие доктрины, стратегии, лозунги (все – заради мирового господства) в Белом склепе деннонощно клепают, дабы творить глобальное зверство: где “мягко”, где кровью немалой... но безответно... и безнаказанно: “во-имя-прогресса!”...

... как и было от века заведено (и от века ж творилось) – миром звероидов, имя которому Западл...

Но истинный движитель свор тех – тех стай, ведомых алчбою, (не только кархадских: всех западлых) – сам Папа Сво!..

Он, завроящер, и режиссирует: шоу-с-баттхёртом-и-грачем эпическое, наречённое весело, как водевиль – “свободные выборы”...

Сам же всегда и назначает: в тех “как-бы-выборах” Победителя, который станет кархадцам правителем, который, как все до него Управители – вершитель “хорошего”, “доброе”, “честного”, “очень светлого” и “прогрессивного”, губитель иного всего – “не-хорошего”, “не-такого-а-значит-злого” – всего, что осмелилось выбрать иную – “неверную” сторону... или страну.

А за что Макак удостоился высшей награды западлой – Медали Мироносца, притом авансом: когда сам-то ещё находился в утробе родительницы, – о том уж читайте в Энциклопедии нашей... Там же поведано о знаменитом непотопляемом макаканосце LASKA, на котором Макак собирался, да так и не прибыл на затевавшийся было саммит с Белведем: “Саммит на льдинах”...

Представляет же собою Медаль Мироносца неровную кругляшку, литую 24-каратным золотом. На лицевой стороне – Мета Сво, запечатлевшая окаменелый оскал ящера, а вокруг надпись пущена: “МИРОНОСЕЦ” и фраза, подсмотренная у людян, да переведённая с людянской латыни на звероречие: *Paritur pax bello*. Мир – умысел войны. На оборотной стороне изображается нечто, толкуемое звероидами как символ согласия и единения в ливерастном порыве. Зверомирцы же явственнно видят там ядерный гриб.

Аудиенция

... Макак потрепал Пүпу по голомясой щеке, тут и зардевшуюся густо-алым кровавым цветом, сунул в клюв попугая “печеньку” – поощрительный чипс с дозой изрядного акриламида и глутамата натрия, взором оценщика окинул враз оробевшую тушку свежезавербованного адепта да явил тому – снисходительно и очерёдно – ролевые свои “харизмы”, кои отточил по жизни изрядно – до блеска великого, ибо лицедействовал не от нужды: от рождения.

Наперво предстал в облике “Дядюшки Мака”: пройдохи с озёрно-бездонным честнейшим взором, всегда готового ограбить ласково – всякого, да убедить того и всех, что сам просил... Образом тем обличившись, рёк вкрадчиво, шёпотом заговорщика:

«... Есть такое понятие – “закрывающая технология”... Нам нужна такая закрывающая технология, которая закроет Зверомир навсегда! обнулит при том зверомирцев, но оставит их ресурсы для отсвоения...»

Выдержав знатную паузу, воткнул колющий зырк штыком в нутро попугаево... добавил:

«... Свобода начинается с обкака! И чмора... Стратегическая наша завроценность: Право первого обкака! Это есть эффективнейшее нелетальное оружие: кто первым обкакал – тот и прав!...»

Засим предстал “Мироносцем”: чисто ирокез людянский в поисках Трубки мира способом Томагавка... Свет же в приёмной Зале погас, а учинившуюся тьму вспороли трассирующие зырки кроваво-янтарных обезьяньих глазищ. Вслед замелькали белым фосфором зубы, жующие жваку. Тускло проблёскивал знаменитый “золотой зад” Макаков, дюже вёрткий, чертя в сумрачных топях зловещие знаки валютные... и сновали чуть различимую мельтешнёй ладони: пурпурно-красные... Остатнее ж тело, сплошь чёрное, не зрилось... Вельми эффектно!.. Своды Зала, меж тем, содрогнулись тяжёлым битом, и Макак, боевым визгом в бит воткнувшись, зачистил триолями да тангвистами – рыком ррзповым:

«... слышь, пацанчик, чувак, тут конкретно война, в-на-натуре-война, тут хип-хóp: мы хип-хóпаем будущее! мы попáли уже: встряв-в-стрим-стрёмно уже тормозззить в выраже! – это батл, шевели же батонами! мы на трассе, чувак, это биф, чувак! и никто нас, чувак, даже те, кто нас сзиди гребущие – нас ни разззу, чувак, им без мáзззы, чувак: ни-никак, нас чувак, не догонят!...»

Внезапно заломав бит, Макак взвизгнул тональность и перешёл на миксовый офас:

«... Мы избраны для того, чтобы самим, только самим нести мир и процветание, охранять деньги и бомбить страны! У нас правильные бомбы!!! Они несут торжество демакаки миру!.. А деньги все наши, чьи бы ни были, потому что зелёные, и мы их печатаем! Мы – хозяева денег!...»

И разом: без антракта и занавеса, приёмную Залу затопило светопотоками, из которых Макак вынырнул, ровно Афродита Пандёмос, пеннорóжденная от волн Океана для общедоступной любви безотказной... вынырнул в облике “Толеранта”: всетерпíлы в ответе – за тех, кого ел и имел... Сухо прокашлявшись, зад почесал, могутные яки, да молвил прерывисто, рубленным складом:

«... Кто не с нами – тот на неправильной стороне истории, тех не должно быть! Тем нет места, им нет прав, а особенно неправ Зверомир!...»

Снова прокашлялся, да сызнова затеял почёс – в тех же укрóмах... продолжил:

«... По любой, даже самой ясной проблеме – всегда были и есть несколько точек зрения: наша и неправильные. И мы всех уважаем, всех! – кого можно есть. И иметь!...»

Завершил обезьян показательные выступления образом “Демака́ка”: поборника демака́кии, что весть благу принёс о завроСвободах. Клыки ж да зубы при том запрятал, каломечущий зад золотой стал почти и не виден, завращал исступлённо кровавыми генками – нанзив на то вертелó всё нутро попугаево, правую ж лапищу кверху взметнул да излил из гортани в простраство – лавы призывов с пеплом лозунгов:

«... Я верю в кархадскую исключительность всем калом своей души. Исключительными нас делает не наша врождённая способность попирать любое не наше право и отсваивать всё чужое, а готовность утверждать это прицельным калометанием до полной!...»
 «... Наибольшую угрозу для Свободного мира звероидов представляют блохи Эбола и Рóсский мир. Блох мы рано или поздно приручим, а Рóсский мир должен быть разрушен!...»

«... Клянусь Великим Бабуином – Рубинным Обезьяном: тех, кто на неправильной стороне истории, кто не с нами – мы изолируем: очертим калом и санкциями!...»

«... Любая наша дружба, любое партнёрство должны начинаться с признания одной неоспоримой истины: мы, кархáдцы, – исключительные, Кархáдия должна быть лидером!.. Вопрос лишь в том, как и каким ка́ком мы будем лидировать в каждом конкретном случае...»

→ «... а кто не на правильной стороне истории – должны платить и каяться!.. платить и каяться!..»

→ одна из ролевых харизм Макака: “Дядюшка Мак”

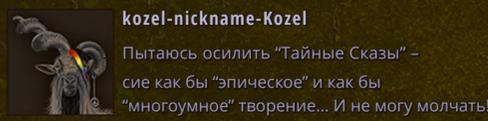
→ одна из ролевых харизм Макака: “Демака́к”

... правая лапа взмётнута вверх: да вместо факела в ней – Зонтик Мака, левою ж рукою опирается обезьян, как на кафедру, на Бюст Свободы.

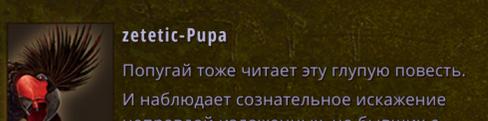
... Бюст Свободы – один из самых, если не самый знаковый атрибут и символ демака́кии. Когда-то он был Статуей завроСвободы, но её тщательно отредактировали – до Бюста, убрав всё лишнее, мешающее прогрессу, в том числе – отломали руку с факелом.

... оставшийся от скульптуры, всё ещё воистину благородный Бюст Рубинного Бабуина, первого из Отцов-основателей Кархáдии: гордого и мужественного Огненного Гелады – уничтожающе контрастирует с фриковским обликом да ужимками Макака Мака...

А ведь идеи ливера изначально и были красивы!.. Некоторые из них... Возможно...

Козель пытается осилить “Тайные Сказы” – сие как бы “эпическое” и как бы “многoумное” творение... И не могу молчать! Букв много, очень много... а где сюжет, вата?! Сюжет где?! Одна вода лётся, да вата жуётся!)))))))) Или Тигр нам опять заявит что-нибудь вроде: «... Где сюжет? Хороший вопрос, да глупо любое в ответ: Сюжета и нет!..»))))))))

Попугай тоже читает эту глупую повесть.

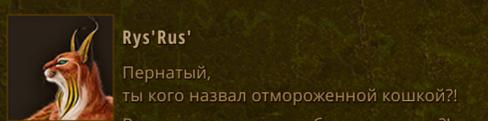
И наблюдает сознательное искажение неправдой изложенных, но бывших с Попугаем фактов.

Ни слова по-совести, всё по-лжи!..

Попугай на Вишерской встрече был. Это факт. Тигра на Вишерской встрече не было. И это факт. Сюжета там тоже не было! а была озверевшая, лютая Рысь-беспредельщица...

... дикая, отмороженная кошка! – один на один с эстетически хрупким, тонко организованным, возвышенным Попугаем!.. Какой, нахрен, ещё сюжет нужен! – быть бы живу, да весь Сказ! Триллер, хоррор!..

Попугай так думает: когда внутри факта – уже не до сюжета, а только до собственной шкуры, в случае с Попугаем – перьев!

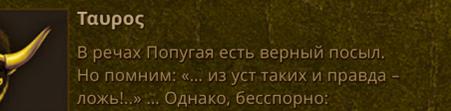

Пернатый, ты кого назвал отмороженной кошкой?!

Вот чего я всамделе тебя не загрызла?!

... А кто всю поляну “свободой испражнений” загадил?.. ... Перья попугаевы – рушила, то было! винюсь!.. да часть – невзнáрок, в суматохе, учинённой самою же птицей, а частью – за дело, ибо птица та дюже гадливая – и в речах, и по жизни.

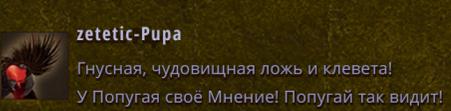
... А кто тебе те перья вернул, курица неблагодарная?! Кто истратил на то законное своё волшебное желание, дарованное случаем? – единственное, спешу заметить! Могла б и на себя потратить: украсить личную жизнь, к примеру, а Попугая визы лишить, дабы не досади́чал! Или желание то на пользу пустить, на общественную: обнулить все тварифы паскудные, погасить разом всем зверомирцам задолженности коммунальные, да ипотеки с кредитами злопроцентные, коими Лис Патрикий со своими подельниками всю державу, что сетями опутали! – заманили в силки мироедские, да и душат процентами. Или скотоколлекторов сгубити под корень – разом, люто, публично, – заодно с займодавцами, на лихве процветающими... Или коррупцию извести – всю скопом: до исхода летального... Нет же! Рысь Русь – зверосердная дюже! – попугаевы пёрышки регенерировала!.. даром, что вражина засланная... И вот кто меня, дуру поймёт?!

В речах Попугая есть верный посыл. Но помним: «... из уст таких и правда – ложь!..» ... Однако, бесспорно: внутри факта для “обитателей факта” – сюжет не различим: одна суета событий. То же – и для зрителя-очевидца, и для наблюдателя стороннего, которые сами, по сути, – “подельники факта”. Или вовсе: “поддельники” да “передельники”!..

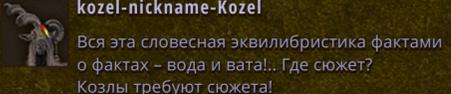
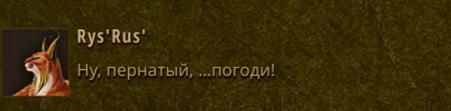
Потому-то и требуются: отстояние во времени, рассказчик, заказчик да бюджет, дабы “факт” стал “сюжетом”!

“Продаваемым” сюжетом, ясен жемень, что грустно! ибо только такими “сюжетцами” и соткан ковёр наших знаний о временах слынувших да ныне текущих – нас влекущих.

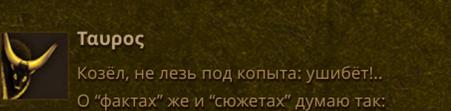

Гнусная, чудовищная ложь и клевета! У Попугая своё Мнение! Попугай так видит! Попугай имеет право так видеть, а вы должны уважать!.. И если Попугай имеет право на собственное мнение, почему он не имеет право на собственные факты? – Имеет!

Рысь – отмороженная кошка: это факт! факт! факт!

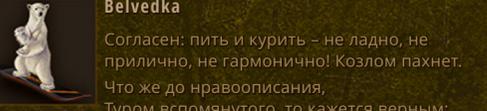
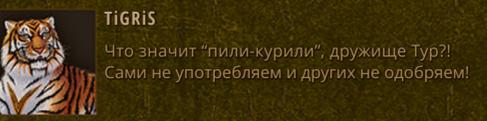

Вы не вправе отказывать электорату в сюжете! Страна, сосущая чёрную жижу углеводородов, лишила нас даже сюжетов – нас, своих верных проедателей!.. Оттого бессюжетна она сама: её нет в будущем! Зверомир должен быть – и будет изничтожен! Злочинная влада будет низвергнута!

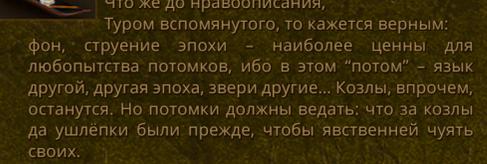

О “фактах” же и “сюжетах” думаю так: мы сейчас находимся скопом внутри тако-о-ого Факта!.. и вот-вот всем наступит тако-о-ой Сюжетец!.. То-то и важно зафиксировать: как было. Что говорили, что думали. Как мы дружились, как грызлись-бились. Да как не слюбились... Ибо:

когда “сюжет-всем” настанет да финалом накроет, – время пройдёт, страсти схлынут, а потомки, коль будут! знать захотят: чем накануне “бабáха” мы жили, чем тужили, да что пили-курили такого, что “бабáх” учинили!.. А сочинённые нами “сюжетцы” – потомкам фиолетовы! – они уже финалы все наши знают, да сами сюжетов наврут к тем финалам, да не по разу! – согласно нуждам момента... Требно ж всегда: нравописанье! – запах эпохи, чуй! Нужны типажи: Климы сангíной!

Согласен: пить и курить – не ладно, не прилично, не гармонично! Козлом пахнет. Что же до нравоописания, Туром вспомянутого, то кажется верным: фон, струение эпохи – наиболее ценны для любопытства потомков, ибо в этом “потом” – язык другой, другая эпоха, звери другие... Козлы, впрочем, останутся. Но потомки должны ведать: что за козлы да ушлётки были прежде, чтобы явственной чуютъ своих.

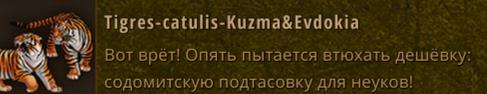
В общем, нашли козла отпущения вместо сюжета!))))))))

Да вы сами все: латентные козлы! – на раз-два-три обосную!.. Значит, так.

Каждый, кто против козлов, есть козлофоб. Это раз. Каждый козлофоб – латентный козёл, иначе, чего ему бояться? Только козла, в себе подавленного. Это два.

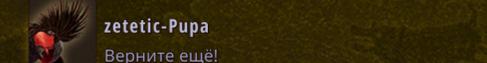
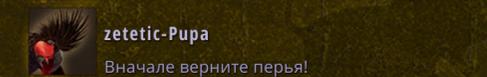
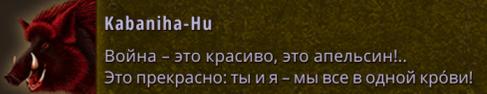
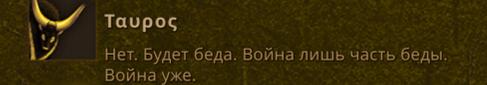
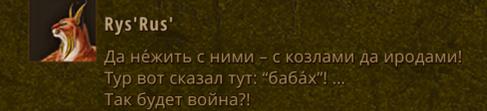
Вы против козлов, значит вы – латентные козлы, которые боятса своего козлячего “я”. Это три.

Козлы и есть, доказано!

Уж сколь говорено: ни козлов, ни содомитов мы не боимся: это они нас боятса, а мы их просто – терпеть не можем!..

Но если мы терпеть не можем дерьма в прихожей, к примеру, или зубную боль, это никак не означает, что мы сами – латентный навоз или зубная боль... Только бытность самим козлом и есть критерий козлиности, но никак не факт неприятия козла.

Кольцо Свободы Попугау

... слынув разом, будто выскочив из матрёшки личин, вновь Макак предстал своимским, домашним: почти братом, но, безусловно, братом старшим. Опять же потрепав мясистые попугаевы щёчки, кои и без того уж рдели зáрно, почти горячечно, обезьян вдруг резво ухватил Попугая под шейи, где оплечьем колыхалось жабо пуховое, да сжал туго огромной своею лапищей, почти придушая, но то было не губительство, то был ритуал: как бы посвящение в “как-бы-лицари”.

Тогда стало уж сверх Пúпиной мóги, и он пал: почти замертво, почти бездыханно, при том спустив ветры затухающим легато, ровно попорченный да сдувшийся шарик...

Кто и как привёл его в чувство, то уж Попугай не помнил: мутный финал аудиенции по каплям выщеживался Пупиным глúздом: одно помнилось – программное напутствие Макака:

«... Больше осиновых гнёзд! Множьте их всеместно – везде, где у кого-то – ладится! А пчелиные ульи зорите до тла... Жгите муравейники – инвестируйте в клоповники... Мотивируйте и подкармливайте крыс!.. Помните: сеять хаос – пожирать дивиденды!..»

Засим Чёрный Макак Мак – фронтмен заврошоу “Демакáкия”, от самого заврoящера Папы Сво назначенец на роль Победителя в водевиле “Свободные выборы”, Предводитель Зверильника, Управитель Кархáдской Унии, Мироносец Глобальной силы Добра, оно же – имущество, собственность, изводитель разума, духа, изводитель просторов, верховный чморушник, мутитель и калoвержец, –

отправил вконец опупевшего Пупу “на поуганду” – крепить демакакию, да разносить её вирус всем: тёмным, непросвещённым, заблудшим, завроСвободами необкáканным...

да выразил при том особое доверие, поручив Пúпе самые тугие, противные, несговорчивые Просторы: Рóсские, именуя то “спецкомандировкой внедрения”...

но перед тем окольцевал по всей форме: намертво: “Кольцом Свободы” неснимаемым, – не сам, разумеется, на то шестёрки имелись, которые разом и подсутелились, – да вручил к тому бонусы: квитанцию на оплату кольца с кольцеванием и тварифные планы ношения...

И стал Попугай поугандить. И полюбил Попугай “печеньки” культовые: чипсы, поп-корн, концепцию гендерного полиморфизма, заповеди социального зверизма и теорию эволюционизма, которые сам не читал, сам не знал, но сам уважал, да вполне научно надеялся эволюционировать в потомстве до заврoящера аж... хоть бы и до Козла – для начала...

Заучил пёрлы макаковы да полетел с ними – разносить по долам и весям совесть: курсом на Рось.

... так-то и есть:

быль – трава, нёбыль – вода: одно от другого питается: в таком вот ценёзе посеvy истории явлены...

... схожим образом вёдомо нам и о бывшем на Вишере, кое случилось в августе года шестнадцатого в бесславном пока ещё XXI веке...

... иные ж о том говорили кручинно, – те, кому о постылом поведать – и в радость, и прибыльно также:
«...Оделись печалью, тоскою окутались брегá вишерские – крутояры косматые да отлогие пляжи, скальные гряды да пóймы грйвистые...

... а почерневшие вóды внесли на поверхность живность всякую – в перемес со шматáми да нитями тины...»

... другие не то чтобы с пафосом пенным, да всё ж с упоением так излагали:

«... Дивная тишина воцарилась тем временем на Тулымском Камне...»

Встреча на Вишере. Интродукция

Дивная тишина воцарилась тем временем на Тулымском Камне!

Да не так, чтобы всюду:

склоны – хвóями-крóнами пышные, бóристые, – шелестели себе нежным шелестом, кротким плеском ручьёв меж собою журíлись, гомозíлись жизнью пташей всеместной...

А на тот лишь отрог на тулымский тишь приспела, что подзóром стоит: к стороне закатной, западной.

Но и там – на отроге – не кряду везде молчбóю укрылось: лишь в верхах, – тó не на всех:

на той, на одной лишь его верхотуре, холодами битой, ветрами бритой, – где скальный венец, от которого низом – крутíзны рвутся к реке: к вóдам вишерским, что текут величаво: себе одно вёдомой нáдобой, да влекут тем же пóводом рыбные рúны...

Там только краткая тишь воцарилась.

И там, на остáнце гранитном – ей и приятном, ей и любезном, – Рысь возлегла: чинно, вальяжно... да следила закат, да ждала своего... думы думила:

... вроде, и так же всё было, как вечерами иными: вчера, и вчера для вчера, и в те вечера, что забыты –

всё так, да не так! – хоть и так же Светило катило, да так же и скатывало за окоём: туда, где лезвийный предел отсекает Голову Света...

... но здесь: прыжком ниже гранитной плиты, уютной для Рыси, остáнец венчающей, – здесь в недавне ещё под красными мхами спали курúмы, стекая во сне, камень за камнем, к отвесному срыву, где гинули свалом или изредкóю штукою...

... и в миг: ни мхов, ни курúмов: одна скальность исподняя... да стойкóм из неё, из голой скалы – дерево гнусное: гунявое сплошь, всё извóистое... к тому ж и дуплястое..., знать, и нёжитное: заблудíло в явь к нам от скуки... или по нáждобе злой... здесь и корни пустило...

... а на корявой да лысой вётви его – Попугай иноземный, кархадский: дúлей застыл самобытною – всем да всему явленным кукишем!..

... и ещё вот незвáнец-неждáнец приблудный образовался: за рысей спиною, невдале – Облак надменный, о себя возомнивший, – улёгся бесстыжим на гребне Тулыма...

В том-то местечке – разом недолгим – водворилось безмолвие:

даже ветры вершинные о чём-то задумались – тихнули: в паузе затаились...

шорох всякий изник, шелест смолк, и шумы разноцветные позабылись-избылись:

будь то “розовый шум” – мерцательный, сердцу приставший, и “коричневый” – шум водопадов далёких, или “красный” – “шум пьяной ходьбы” и случайных блужданий, да морей-океанов, и “оранжевый” – “шум апельсиновый” – свистопляской с дудками явленный, Кабанихе же: любый, и “зелёный” – шум жизни привычной, обыденной, и “белый” – шум шумов! – коим бесцельно Мир всеволновый звучит непрестанно... – тишину вот такую мудрецы нарекли “чёрным шумом”, мы же скажем – мólчная дíвледь!..

Да коротко длилось-то: миг один... час... Может, и не было вовсе: восторгу почудилось...

Мólчбище, воцарившее вслед её речам неумильным к Попугаю незваному, Рысь сама и порушила: толковище затеяла, густо прокашлявшись да зевнув основательно... вроде – приветливо.

— Что нёмствуем? Говори уж, коль сам пожаловал... Не в обычаях наших – на сходбищах мólчивать.

Попугай разул глаз – один только, до того ж оба были под вéками: бо смотреть бóязно! – прочистил да увлажнил роговицу мигательной перепонкою, аккомодíровал зрак – фокус навёл: где Рысь, объявил:

— У Попугая мысль образовалась... Он её теперь думает!

— Сильно сказал!

— А то!..

— Дóбре... Что за мысль?

Пúпа неспешно и назидательно подъял перст к Верхам да рёк с расстановкой, веско отбивая цезурой каждую речевую фигуру:

— Как у вас тут тускло, пасмурно, и запах какой-то... нецивилизованный...

@ Tulymian-daughter

Я дочь Тулыма.

То, что творится на Вишере – вижу глазами! Тут не всё так однозначно.

Здесь очень тревожно и некомфортно. Мне страшно!.. Нам всем должно быть страшно и гадко! И совестно!

В гнёздах – ни копейки кофе, ни зёрнышка денег! А так любви хочется!..

@ Tulymian-daughter-also

Я тоже дочь Тулыма.

Подтверждаю душераздирающий, честный пост предыдущей дочери!

Вижу много хищных зелёных зверей: тут кругом – одни зелёные овечки.

Под блеяние их пропаганды, под дулами б́нов протекает якобы свободное волеизъявление!..

... а мирно пролетающего над Вишерой совестливого стервятника местные патриоты-гопники сбили из кустов буковой палкой!.. ОНЖЕДЕТЬ! пусть и взрослый. Клятї москалі!

Це геноцид, видимий всьому Світу!

@ Tulymian-daughter-also-too

И я дочь Тулыма!

Подтверждаю показания всех дочерей-подельников, зуб даю!.. Век воли не видать! и грантов тоже.

А Рысь тут воще зажевала насмерть Попугая-терпилку! Даром что ливераст))... И контрольным загрызом добила. 105-я чистая, часть вторая, пункт “м”, без смягчающих!..

Заснял беспредел на гаджетину, – тут у одной овцы по случаю спогстопил!.. Овца реально клёвая, да времени повошкаться не было))) ...

Кликап получился конкретный! – сливаю на “ТыПень”, ловите!..

ага, ща изладим!.. бугор цинканул – таким попить:

В этих Просторах обитает варварство и тьма, лишь изредка озаряемая совестью местной оппозиции да залётных засланцев Глобальной силы Добра с благой вестью о завроСвободах!..

Ё-твоё!.. придумают же, фраера-грантососы, тля!..

... Стрёмно, короче, очень!..

За базар отвечаю, дочь Тулыма.

@ Tulymian-son

А я сын Тулыма.

Рысь Русь съела насмерть посла Доброй воли, засланца светлых сил! – я свидетель:

сам видел обглоданные кости Попугая – они уже почернели.

Особенно поразили взывающие с тоскою к небу рога и воздетое в мольбе осиротевшее копыто.

Прости нас, Попугай! Не подавись, Рысь Русь!

Kuzya

Очуметь, не встать!

Кто эти живопырные “дочки”? которые выводком на своём почечуе разгомозились!

Думаю: не только креаклово отребье из летуевой Хучи, а и профессионалы грызуны грантовые – крысы да мыши городских закромов!

Возможно, не все и местные: самостийными соседушками пахнет, – чую по стилю хохлатому!

А что за сабж у пábлика: “Майдан-на-Вишере”?! Что за феня такая: “майдан”?

В Даль глянул: «... *торг, базар, или место на нём, где собираются мошеники, также место для игры в кости...*» И где здесь Вишера?

Belvedka

У них всё – майдан! Куда ни зыркнут – где жизнь течёт себе током да то́лком – там зараз майдан и видят!..

Они ведь только на майданах – в заварухе, сутолоке, цветной смутне – и чуют себя нужными, потребными, вескими, а без того – грызуны подлые, летуны забиячные, да ф́йки, да клоуны, или просто помешанные, юрбды, калеки блажные!

Dusya

А какое имеет отношение к Рысь-Руси этот несчастный облезлый кот-пенсионер на видео, чудом поймавший воробья, да тем же воробьём, судя по клипу, и заклёванный?!

кopyтоpозhатny

Какие ещё нужны доказательства преступных зверств кровавого режима?! Безвинно съеденный нелжийец Попугай – этот голос совести, источающий честность, как вымя восхода, – несмываемой кляксой крови останется вечно на якобы “белых” шкурах зарвавшегося Белведя!

Загрызенный контрольным загрызом красавец, посмевший пукнуть правдой в тоталитарную рысью морду, – это всё, что нужно знать о так называемых росских “патриотах” в целом, и озверевшей Рысь-Руси поименно!..

А что таится под матёрыми грубыми шкурами этих зловещих овечек в камуфляжах?! Какое ещё кровавое бесчинство уготовано мирной плотвё и беспечным личинкам?

Доколе распоясавшиеся колорады-хулиганы будут ураганить букowymi палками в адрес цивилизовано настроенных птичек-стервятников и всех остальных сапрофáгов и некрофáгов – этих честных мыслями и светлых душою падальчиков?!

Тебя, ватное быдло, и твоих правителей – ждёт Га-гакский трибунал! Вас будут судить – не по-лжи, а по-совести – строгие, неподкупные серые гуси!

Kuzya

О! опять наш Козёл, ветви его в душу!..

Успел и на этом почечуе зашвартоваться!

@ Tulymian-daughter

Почему эти грубые, тупые ватники называют нашу чудную стеночку “почечуем” – “*земорроем*”?! Это так вульгарно,

не мульти-культурно и совсем не полито-корректно!

Наша стенгазеточка – и “ми-ми-ми”, и “пи-пи-пи”! Она вся на светлом позитиве – не “гемор” ни разу!

... А ты, “сестричка”, “тоже-дочь-Тулыма”, будь поакkuratней с трансляциями “с-мест-событий”! – я-то, конечно, лайкнула: не важно, что на видео обычный уличный кот (*Felis silvestris catus*), и ни разу не Рысь (*Lynx lynx*), – варварскую, отсталую сущность “кошки-из-ро́шки” видео отображает исчерпывающе верно, надо только правильно понять, что вате недоступно по определению! Недаром ватники взбеленились: “фейк!” – визжат!.. И что, что фейк? – это “правильный” фейк, он на правильной стороне истории!

... И да, та “овца, реально клёвая” – это я была!

@ Tulymian-daughter-also-too

А чё, на клипешнике – не Рысь?..

По мне, так все котяры на одну морду –

твари мерзущие, давить всех!.. Сколько ж они нашего брата загубили!. Но братва не забыла: каждый хвостик зазря погибшего пацана помнит!.. Умоются ещё коты потом да кровью, тлей буду!..

А с клипаком – чё за предъявы?! да ещё от овцы!! Пацанский косяк, не овце предъявы кидаты!..

И где я вам Рысь в подвалах гастронома возьму?!

... А слышь-ка, “сестричка”, можа-быть вечером замутим чё, потусим, попищим-оттопыримся?. Мобилу не возвращу – трофей, мля!

кopyтоpозhатny

Все мы видели этот циничный контрольный загрыз певца Свободы, нашего друга и соратника Попугая, самого чистого, светлого и честного из нас, тварей!..

Его берцовые кости возопят к возмездию, и сам он взывает с гибельной Вишеры на весь Мир!

Belvedka

Как так – “взывает”? Вы ж говорите – “насмерть съеден”?!

кopyтоpозhатny

Это неважно! Важно, что все мы знаем коварство и изворотливость белведского режима!.. Вы всех нас давно уже съели! Вы загрызли слово Свободы! Растоптали хрустальные детские слёзы!

Но мы возопим: Мы Шарли! Мы Люли! Мы Попа!

Belvedka

Не Попа, а Пупа! Попугай кархадский.

кopyтоpозhатny

Это неважно!.. Вы все равно должны каяться!.. На колени, зверьё росское! И каяться! каяться!.. А мы вас выборочно будем прощать: долго и с наслаждением!

@ Tulymian-daughter

Согласна... В 9 на плёшке – “У Жака на Лубяне”.

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев поруха первая

Не получив отзыва скорого на мысль изречённую, принялся Попугай забиячить – повторяться докучливо:

— Тускло у вас, пасмурно, запах нецивилизованный!.. Тускло у вас, пасмурно, за!..

Тогда только Рысь и ответствовала – мирно пока ещё, но не без глума:

— А что, в ваших краях мёд на небо намазан, а отхóжее – исключительно в розах?!

— Попугай в ту же сторону размышляет: цивилизация обязана пахнуть!.. Не то чтобы просто благоухать, а широким выбором альтернатив – от парфюма до помёта!.. Культура, прогресс – определяются благовонью и вонью разом: а здесь этим не пахнет!.. Где Свобода испражнений?! Где грязь и травы в шаговой доступности?! Где г’еи, наконец, в ассортименте?!.. Пупа в шоке!..

— Ах, вот ты о чём!.. Отсутствие имеет место, каемся... У нас ведь всё такое – обычно в клозетах да под кустиками, и закапываем, чтоб не смра́дило. Оттого и вóздухи здесь духовиты благостью: хвойные, на озоне настоянные. Дйвледные, ч́дные, сказные!.. Кстати: мозги наболóченные, хлúдой забытые, – вóздухи северные, таёжные дюже как прочищают: в срок от пяти и выше.

— Вам конституцию менять надо, это веление времени и всего прогрессивного.

— Лихо мыслью вильнул: из дефека́ции в конституцию!.. И что? поменять: сразу ж запахнет йначе?

— Запах всегда у вас будет варварским, рóсским!.. но нам так будет спокойней!

— Боюсь, буде конституцию мы и поменяем, – вам дюже не зарадуется, как мы поменяем!..

— О том и речь: Зверомир – недоговороспособный и угроза миру!

— Флуд!.. Язык у тебя наперёд ума рыщет, да и ум: помойка!..

Рысь разом заскучала. Диалог с первых же фраз оборачивался хрестоматийным гра́чем «Восток-Западл»!..

«... какой вот, кстати, день нóнича?.. пятничный?.. точно – пятничный!.. день химер, Венер да скверн!.. чую: длинная ж то будет пятница!.. и кончится она в понедельник!.. коли ж вообще – кончится!..» – Рыси-то казалось, что она тó думила, да думилось – вслух: тó и сказала.

— Дúрово назад не пятится – ни завтра, ни вчера, ни в пятницу! – непрошено проскрипело в ответ Прокúдливо дерево, но тут же и осéклось!..

Разом вспомнилось – досадно, вдруг, – как единожды, а всё ж: пятилось, да чего там: ретировáлось с позором. Именно в пятницу!.. Случилось тому быть на клятой лужайке, у белого-белого склепа в Кархадской столице, коя есть резиденция кархадских Предводителей!.. куда заглянуло дúрово насчёт попроказить да почудесить!.. А куда и сунулось-то! Где-где, в цитадели кархадской своих проказников: сбрбды тучные, да главный меж всеми: Чёрный Макак!.. кой же и приспособил разом забрðное дерево под чудные забавы!.. До сих дúрову памятно, как затеял Макак в дуллину кокосы бросать – навесами, “бомбами” баскетбольными!.. пока кокосы те – дюже больные, коли ими кидаться, а видом обличным с обезьянними мордами схожие, – пока те плоды, близь Макака уложенные, как черепа в пирамиду, – пока те кокосы и не закончились!.. потом же – сидел на своём на хвалённом заду золотом, да раскачивался!.. долго!.. тупо да медленно!.. заунывно!.. будто чего медитировал!.. Вот зачем? Вот о чём он там медитировал?! ... Ждать чего ещё от Макака, за коим маячила тень Папы Сво самогó, дúрово не стало!.. да, не прощаясь, украдкою, – именно пятясь! – тихо так и исчезло!..

Услышав от дерева, Рысь глаза округлила, но того и не более: эка невидаль – говорящая древесина!.. Видать по всему, нёжить в гульбище нонче – расходилась по полной!.. чего уж теперь!.. пусть себе!..

Попугай же, о говорливости дúрова вполне осведомлённый, длить мысль свою не прекратил: своя-то к нему в гости не часто захаживала, так и бросаться негоже, коль уж приключилось да задалось:

— Кристальной правдой заклеил вас Мироносец Макак на судьбоносном Саммите:

«... Что за угрюмость! Что за цветность? Зад морозит, бананы не растут. За что воюем? Тут точно есть чем поживиться?..»

— Что за саммит? Почему не знаю? Если “Саммит на льдинах” – так Макак туда не добрался: стухнул!..

— Гнусная ложь! В завронете о Саммите всё окончатально непредвзято опубликовано: и безнадёга загнанного санкциями и очерченного кáлом Белведя, и совершенная, безукоризненная речь Макака, полная исключительности и доминирования!..

— Ага! Ещё там объявлено со слов “очевидцев”, что Рысь насовсем, насмерть Попугая съела: тебя, значит!.. И не просто съела: с контрольным загрызом!.. Видео на “ТыПень” выложили. Вчера ещё.

Гибельное известие о судьбе Попугая самого Попугая застало врасплох: охваченный ужасом, он звучно пустил ветры!.. вспугом порхнул с ветки!.. да при том ткнулся лбом о другую!.. и вконец заполóшился: метнувшись к Рыси бáлмошным лётom, распущенным хвостом хлестанул невзнарок по Рысиной личности. Хотела ль того Рысь, нет ли – само клацнулось: одно перо промеж зубов и застряло.

Так в хвостовом плюмаже у Попугая кархáдского одним пером стало меньше. Одинадцать осталось.

@ Tulymian-daughter

Я первая дочь Тулыма. И я здесь модератор. А та, которая “дочь-Тулыма-тоже-два” – просто гадина, гнусный, отвратительный крыс, голник и жлоб!

Ему не место в наших светлых дочерних рядах! Имела личный контакт – и это стало очевидным!..

Девочки: не давайте голникам и нищецбродам, ценитесь дороже!..

Я поставлю перед Центром вопрос ребром о лишении этого выродка статуса и зарплаты Дочери Тулыма!!!

@ Tulymian-daughter-also-too

Чё раскудахталась, овца? Статус распёр?! Чёли: крыс – летучей мыши не товарищ?!

Тоже мне – креакла: единственная и неповторимая!)))

Да я проверил – всё там у них, мышей-с-крыльями, – устроено так же: где надо и без всяких затей! И пищат так же!.. Чё выдрючиваются, непонятно! Самих туева хуча, а каждая мышь за себя мнит – как за эксклюзив!..

Кстати, мобила навороченная нужна кому задёшево?

@ Tulymian-daughter

Не забыл? – это моя мобилка!

@ Tulymian-daughter-also-too

Было вашим, стало нашим: 32 Гб светлой памяти по тебе, родная! Не скучай.

@ Tulymian-daughter

Хам! Жлоб! Скотина!

@ Tulymian-daughter-also-too

Ты базар-то фильтруй, овца летучая! Чё, думаешь, если вас там, в Хуче, – несметно, я твой запах не вычислю? Скудно ж вы за нашего брата понимаете! А туда же – образованные, продвинутые!..

@ Tulymian-daughter

Все тут слышали?! Это прямая беспардонный наезд на руководителя ответственного задания при исполнении! Буду протестовать и требовать!..

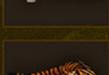
@ Tulymian-daughter-also-too

Ветер в попу! И перо – у Попугая вон спроси, он их на шару раздаёт, не считает!..

Kuzya

Что это было? Что за жесьть промеж стройных рядов “Дочек Тулыма”?

Dusya

Любовь с первого лайка разбилась о лодку реала...

Kuzya

А по-моему, там типичный “синдром овцы”: он её “нагнул”, она его за то и полюбила, но тут вмешалась дыркость жизни...

Мыльный триллер! Жесьть с сиропом! Когти облизешь! Жалкомало: требую продолжения банкета!..

@ Tulymian-daughter-also

Соратницы, сёстры – заспокойтесь!

Вы грызётесь на виду у всех, на радость нашим врагам: вата торжествует, колорады упиваются!..

Забыли, зачем мы здесь стало очевидно?!

Напоминаю для тех, хто копаючись в своёму

постільному, забудь о главном і вже проплаченому:

измазать правдой и совестью каждое слово, которое будет как бы обронено, и каждое перо, которое будет как бы утеряно, – по ходу исторической сшибки-на-Вишере, где всмерть сошлись Силы Добра (в лице светлого интерфейса Попугая Пўпы) и Силы Зла (в лице тоталитарной морды озверевшей Рысь-Рўси).

И как настоящий модератор проекта, а не самозванный (да-да, сестрёнка! – síc!),

требую незамедлительно приступить к своим прописанным в контрактах обязанностям и крыть правдой и совестью любые поползновения ваты на достоверное освещение Вишерских событий:

достовірність достовірна только в правильных лапах, і в óчах, які вміють правильно бачити те, що було, і те, чоґо не було!

З нами Зáпадл и рушійна сила Бацьки Сво!..

Так переможемо москалів до поросячого вереску!

@ Tulymian-son

Я бы попросил отдельных “дочек гидности” не лезть “уперёд” – в модераторы, не спросясь у старшего брата!

Быть может, у вас там и “це-Врóпа”, но зелень – у нас. И если кто на ту зелень претендует:

встать-лечь-отжаться и в позу!.. Так-то, доченьки!..

На первую-вторую рассчитайсь!.. Ноги шире-врозь!

Kuzya

Просто песня какая-то!.. Не почечуй, а стрелка сказочных дурко́нсов и долбо́нсиков!.. Теперь я знаю, що це за таке – “майдан”!..

А кто-нибудь в курсе, что ещё там за кусты вдруг на Вишере образовались, которых вроде как нет, но есть? И в них – какой-то Кто-то обустроился:

це не Рояль случаем?

кopyтоpозhatny

Кусты-на-Вишере – злостный фейк квасной пропаганды!

Ватникам всюду мерещатся кусты, а в них: “рояли”! А вот “скрипок” и “виолончелей” в офшорах – в упор не замечают!))))))

... Смотрел стримы с пляжей: ни души!

Туристический сезон провален, зато Вишера – наша!..

Ни один цивилизованный Куст к вам не поедет: их у вас нет, не было, и не будет! Ни кустов, ни роялей.

bush-which-were-not-&-Someone

Обижаете, любезный! Мы не туристы, мы на службе. Мы невидимо там, где надо!

И у нас, в Кустах, не только Рояль базируется – симфонический оркестр быстрого реагирования!

Kuzya

В этом роде и думалось!.. С Кустами как бы ясно.

Теперь за Улиту трохи – что за диковина, с чем едят?

Dusya

О нём много шелестят на почечухя вражий. Обычный слизняк: всем предлагает сдаться.

Kuzya

Dusya

Kuzya

Dusya

Kuzya

Belvedka

Да всё ни о чём и о том же: какие мы все тут, в Рóси, угнетённые да забитые, тупые да лютые, мерзкие да тусклые: ни разу не устрицы Белон, кои есть вершина ливер-эволюции!..

А в конце обязательно предлагает сдаться. Кому-нибудь сильному и необоримому, кто в устрицах вкус понимает!.. Вроде, и пишет себе ничего – слог справный, скáзность чуткая, слова все на месте, где должно... Мозги вот только разжижены болотною жижей, и нутром – слизень. За что премией Бука и приважена...

А ещё зверяток малых этот слизень-прива́дыш просвещает: содомии и разным паскудствам:

мол, это норма и есть, а природная нормальность – не есть естество, а есть дремучая непросвещённость и ватная пакость: кто не с извращенцами, тот на неправильной стороне истории и не чуёт прогресса. Да здравствует Зáпадл и гряduщий глобальный СверхСкот – ОбщеСкот без пола и отчества!..

@ Tulymian-daughter

Не троньте устрицы Белон!.. И всяких честных моллюсков!..

Kuzya

Belvedka

А ею Буков Пень всякую разность через литературу подкармливает: чтобы Зверомир помоями поливали. Сам Пень, так ещё и бухгалтер! Оттого и наставляет на жизнь смотреть – с высоты Пня да ниже плинтуса. Да дебетом с кредитом всё мерить. И чтобы судомно и гоморрно!.. Такая вот неполживая литература, в совесть вонзённая...

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха вторая

Напыженный да обиженный Попугай с одиннадцатипёрым – теперь уже! хвостом, успевший опрометью возвратиться на заветную ветку да вцепиться в неё уж отчаянно накрепко, – Попугай чистил пёрыши, а делал то с надрывом: пылко, порывисто в движениях. Тем выражая протест и патетику слёз, невидимых миру

... а из кустов, которых окрест по факту и не было, кто-то, которого так и звали: Кто-то, дразливо подстрекнул:

— Вечерок-то явно не задался: и без ласки, и веткой по сусалам, и пёрышка нетути!..

Кто уж там, в кустах – виртуальных, миражных – балясил, кем был тот мифический “Кто-то”, что за ёрник: соглядатай ли случайный, досужий?.. агент спецслужб, вконец опупевший от сидячей скуки в наружке?.. подстрекала – провокатор гидный, печёньковский?..

или же тот самый эпический “глас народа”?.. “один-мужик-сказал”?.. спецкор “сарафанного радио”?.. или вовсе блаблагер?.. аналитик дождя?.. жур-жур-налист какой, свободно купленный? – хотя то вряд ли: эти все в горячие точки соваться безговали: из нор освещали больше да гнёзд родных – с диванами...

... кто уж там в кустах паясничал, то не важно: в постигнувшей замя́тне никто и не оборотился на речи подна́чные... Попугай же, очувствовавшись да опамятавшись, жалобно всхлипнул, констатирав скорбную очевидность:

— Рысь нервная больно... Говорит же Попугай: надобно в замуж... в Рысь придёт разом успокоение!

— Я не нервная! Мои чу́лые жилы тонко организованны в глио-нейро-синаптическую сеть: работают на опережение... не провинная я! А знаешь что? – так даже стильно: больше лаконизма! Дюжина – ведь что? Дюжина – банально! Дюжина везде. Дюжина у всех... Вот одиннадцать – это зачётно! Потому что нечётно. А нечётность – это что? Это признак чего-нибудь... такого... нечётного!.. На два, короче, не делится.

Запутавшись в утешных доводах, Рысь примолкла: смущённо и примирительно, да взялась урчать: сладко, увéтливо, при том жмурясь – от стыда ли кротного, ли от радости, что ладо́м-таки обошлось:

могло-то и насмерть, как в инетах навётничают!.. вдруг осенённая, зажурчала сызнова:

— Зато вот хлўпик не тронутым остался... Мур-мур полный!.. Видеть не доводилось столь дивную роспись по гузке!.. «Зри в корень!» – так тот сказал, кто на хвостец этот знатный смотрел!

Попугай прифасонился тут же, сверкнул пером алым на взмахе, вздул жабо, хвост распустил веером – чуть прохуdivшимся... тушкой вильнул – да согнулся в нагиб, гордо вздыбив задок: напрямик в зырк Рысин, дабы могла красотой неземной в подробностях усладиться.

— Правда же, хлўпик кружавчатый – чудненький?! От Хўчи!..

— Чёткие труселя, брата! – но то не Рысь молвила: из кустов Кто-то, из кустов, которых и не было.

Рысь же подумала: : «... к тебе всем сердцем, а ты – задом!..», но вслух-то внове молвила ласковое:

— Попугая жестоко обманули! Это не Хўчча! – это сама Дўльча с Кабба́ной!

— Разве Рысь Русь не хочет кружевного хлўпика?.. Все девочки хотят в ЕеС и в кружевные хлўпики!

— Чего-чего?! – Рысь насторожилась, зачуйв очередную каверзу с посягательством.

— Забудь!.. Пўпа не дурак, Пўпа сам уже понял: погорячился! самочья самооценка здесь явно в угоне.

Шёрсти на холке Рысиной задёргались, готовые вздыбиться, пасть задрожала, зрея оскалом, ошиб пушистый принялся чертить грóзкие пируэты, зашибив оказией, да не насмерть, какую-то Улиту, безбоязненно шлѐндающую по камням нагишом: без раковины, но с большой премией Бука. Непокрытый слизень блуждал в поисках правильной цивилизации, где все – интеллигенты и все – ориентированы нетрадиционно...

Недошибленная Улита тут же и предложила: сдаться! в плен! кому-нибудь! Попугаю, скажем... но вернее, порядчнее – сдаться свино-нацизму с Кабанихой на троне: дабы сберечь культуру и ужин!.. Улитиному свисту да бормотаниям никто не внял: кто и расслышал, того стошнило...

... и слизень пополз – недопонятый, неоценённый – к своим: в заводи жижные, тинные – где упырей да уты́рков, готовых сдаться-продаться, ценили всегда: по преЙскуранту.

— Ты зачем сквернословишь, птица?! Кто тут тебе “в-ЕеС”?! Какие такие девочки?! Здесь не бордель! Здесь не в трусики играют, здесь живут! – те, кто в норме, кто головами мыслит: не гузками!..

А за “самочью самооценку” можно и ответить – и по усам, и по ЕеСам!..

— Клюв правды не заткнуть!.. Он хитро устроен: есть запасные отверстия!..

Сказанному в подтверждение Попугай пафосно пукнул, да так, что окрест разнеслось: в соседские кряжи. А умножась стократ Эхом Сосны – учинило кой-где камнепады и свалы... От произведённого эффекта Пўпа ж и вовсе раздухарился: гордым взвился орлом, гидным ринулся соколом, да в горячности и прометнулся сызнова опасным лётом близь Рыси: теперь уж от лап её!.. А та и не хотела ничего злого, и про терпимость помнила... политкорректность... гостеприимство... но как-то само содеялось: сверкнул коготь рысий молнией!.. И поплыло по вѐтрам перо хвостовое – второе уж! – суверенными лóциями...

— С попугаями так нельзя!.. Жалкий, лютый, ничтожный зверь!.. Верните перья!..

Воспитánки. Класс Тигра.

“Разбор полётов”, описанных в “Плаче... поруха третья” страницю дале

— Скажи-ка дядя Тигр, недаром Рысь Русь ввязалась в эту свару, в голимый треш? Не лучше ли *схватки боевые*, где не в тылах передовые, и где ответы есть прямые: порви и съешь!

— Экие вы быстрые да задиристые: чуть что, когти навыват – и в бой, не погнувшись выей!..

Похвально, но и порицаемо тажох. Ребячество. В вашем случае – тигрячество.

То верно: не мы начинали. Но заканчивать нам: йспокон веку так велось! Скольких и успокоили!.. А нынче время ещё не пришло дело довёрнчивать.

Гибридный мир, хоть и стýльный: всё ж мир! “Порвать да съестъ” – финальная стадия, когда уже иного не остаётся: ли ты, ли тебя.

Порвать-то мы злобников порвём, то однояко: так было, так будет!.. Но сколько вместе с тем злом и доброго поляжет?! Да будет ли вообще доброе что – после?! Чай не на колях ратьбá нынешняя затевается! Лучше б вовсе – без того финала!..

Нам козлов с попугаями на то и подсовывают: провоцируют, троллят – чтоб осерчали, огрóзились, чтоб повелись: лютану́ли!

А поведёшься: порвёшь козла, задерёшь попугая – тут как тут Макак со всем своим “светлым” воинством западлянским, кое уж вплотную у наших рубежей кишит, шебунít, копыáется!

... Что же до гра́чей с трёшем касаемо: не мы формируем повестку дня, и не звербиды-враждотвóрцы даже: дело то провиденциальное – стихиями, нам не подвластными, устроенное.

И на ту повестку спустили нам одно токмо “дёрьмо”, чему звербиды рады зло-зёло: это же их, родное!.. Всю ту вонь, мерзость да гнусь они замыслили сделать “естественным-небезобразным-и-обязательным”, да называть не “дёрьмом”, а словами затейливыми, политкорректными!.. Наша на то задача – от сабжа не уклоняться, не хмыкать брезгливо: мол, само рассосётся! добро, мол, само себя торжествует! – но отвечать! и вещи рычать именами исконными: если уж óвно – так оно óвно и есть!..

В общем: не то беда, что на тебя какнули, а то, что живёшь обкаканный, да тому потекаешь.

Береги честь с пухóв млáдых да когтей мáлых. И шкуру свою не погань понапрасну!.. Коли же чести ради – так не щади.

— Значит, ответственать по матушке надобно яро?
— Не торопитесь ликовать-то сквернословию легитимному! Клык на клык, на чмор – античмор, то так.
Но не так-то всё просто!..
Поговорим же за брань воспитательно, коли к месту пришло.

С крепким словцом у нас, зверомирцев, дюже непростые взаимоотношения – типа сожительства. О чём подробно поведано мною (в соавторстве с Туром) в Большой Зверомирской Энциклопедии.

Вот и задание вам – домашнее, факультативное – образовалось: тему ту раскусить, изучивши в том писании мудром статью за номером 2-1.03., да разуместь, коим образом наша ядрёная речь издревле связана со Светилом Соль светоярым! Вкратце лишь то помяну, что: слова бывают бесценными. “Родина”, например, или “Победа”, Но и обесцененными тоже бывают. Мудрецы их “обсцённой лексикой” именуют, то есть: речью непристойной, распутной, безнравственной.

Да мы понимаем: “обсценный” и есть: обесцененный! ценность утративший. И уже после то “обесцененное”, ничтожное, зряшное – становится сквернословием, срамословием, блудословием: бранью. Или совсем уже – матом. Да не просто так и становится: не крепкого, забористого словца ради!

Крепкое-то словцо иной раз и к месту, и к лицу – особенно: зловидному. И к вражьему зловерству всему: огулом-разом – уместно!

С поганью-то на поле брани какими словами, кроме бранных, изьясняться присоветуете?

А заметьте себе: нынешние войны – то не просто клыкорубки ратные, кровавые, кои предки славные вели “клык-на-клык, сталь-на-сталь!..” Ныне – войны всё больше гибридные, и рубки словесные в них дюже важны́, коли не главные. И церемониться с вражею лóтушью – нечего!..

Но в том и подвох! – обсцённые слова не в ратном да трудном волят остаться, они в уют – в нашу жизнь, в наш быт, в самую душу угнездиться метят, обещенивая вместе с собою всё, к чему прикоснутся, присоседаются – что для нас цéнное, любое, святое...

То и выходит: на поле брани: “брань” – за нас! и “ругань” – наша! с нами “мат”!..

в быту же, в житийстве чинном, в его обустройстве: тот же “мат” – враг паскудный, за Поганца воюет, нас изнутри разъедая.

В том и урок: бранное слово когда и полезно, да не дозволь ему в тебе угнездиться. Негоже – мир через бранное видеть!

— А этот вот вражий тезис:
«... без Права на измазаться и опуститься – бессмысленно Право на возродиться!..» – что значит? У каждого, типа, есть “право на ошибку”, ошибается всякий, главное – “всё исправить” потом?! Разве ж плохо?

— Наша парадигма иная:
«... береги честь с пухóв млáдых да когтей мáлых!..»
а не: “поблуди наперёд”, “налажай чуток” – всякий, мол, опыт – бесценен!..
Ведь ливерастия и обставляет всё так: “пониманием” мерзостей да толерастностью к безобразиям, чтобы каждый, особенно в младости, – извозюкался, да погрязне! За свой же, притом, счёт, или родительский... потреблял всякую гадость, раздавал бездумно в блудодействиях тело своё да торговал им!.. И уже опустившись до скотства, коли жив и остался, – долго, мучительно, трудно – “всё исправлял” и сам исправлялся: винась да каюсь! – И опять же: за свой счёт... или родительский... или Фондов каких, зверосердием озабоченных, а на деле – весь тот “круговорот общественной грязи” финанси-рующих да тем умножающих.

“Провинными” да “повинными” управлять куда легче! всегда в узде: прощением взнузданы. И всегда под угрозой: отложенного воздаяния за былые грешки. Именно это звероиды называют “правом на ошибку”, кое всенепременно сопутствует “свободе выбора”. Всамделе же: плен выбора, хомут свободы. Потому зверомирцы и учат потомство своё: смолоду – честь береги, достоинство – тако ж, и целомудрие!..

Не свобода безрассудного выбора, но воспитуемая Воля!
— Тогда такой вопросец, из “вечных”: суестьишься, стремишься, копишься, тщишься, пытаєся соответствовать... да так и померёшь: невзорвавшимся... В чём идея, дядь?

— В определённом смысле рутина жизни и есть: смысл.

— Чего? Рутины?

— Нет. Жизни.

— Рутина – смысл?!
— Безусловно. Не весь смысл. Но важная часть его. Ибо Смысл как таковой, как “вещь-в-себе” – тоже рутина. Другие же коннотации – пища разума, брани и войн.

— В завершение урока напутствую: не ведитесь на враждолюбцев и враждотвóрцев: им то и надобно! Приручите свой гнев: коли сами не оседлаете, гнев оседлает вас.

— Мы не кони. Мы тигры. Седлать – не про нас.

— Тогда съешьте свой гнев. Или гнев съест вас.

— А как быть с той вражиной, коя гневу причина?
— Тоже съешьте... Да что вы, племяши, пристали, в самом деле! – вон лепота-то какая кругом да воздух ласковый, а вы: гнев, гнев!..

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха третья

— Рысь Русь – лютая! Угроза миру!
— Я не лютая. Я – Рысь!.. Думай, к чьим рубежам прыскаешь!.. “Правила вежливого вождения в суверенных просторах, для хвоста и живота безопасного” читал?.. Да лётные права-то сам имеешь?

— У нас, в царстве Добра, исчерпывающая полность Прав и Свобод: движений, вождений и дтп!

— Так даже?! Чего и пенять: у меня ведь тоже – свобода движений! Но я – на своей территории.

— Э, нет! Права и Свободы – не про вас! Это про нас – светлых и белых! Просвещённых и совестливых! Кто на правильной стороне истории.

Рысь глянула с сомнением на попугаево оперье: в целом – чёрное, местами лишь краснопёрое, не считая срамной пестрóтной заплаты. Белого не наблюдалось.

— Белым, говоришь, светлым?..

Затем окинула взором окрестные граниты – изрядно уже, “на совесть” Попугаем загаженные, – и вовсе нахмурилась. Да вопрошала далее грозливо, с острасткой:

— Просвещённым, говоришь, совестливым?.. В чужом доме гадить – это: “просвещение”? Атмосферу ветрами отвратными портить – это: “совесть”?.. Это и есть: “правильная сторона истории”?

— Именно!.. Как ты не понимаешь?! Мы и у себя гадим, но в чужом-то – слаще и геополитика верная: просвещать отсталость, орошать её цивилизацией!.. В чём главная прелесть завроСвобод? – Можно неограниченно самовыражаться, делать “что-хочешь” – и большое, и маленькое – в одном месте, потом перелететь в другое, где пока ненаделано, типа “начать всё сначала”, “всё исправить”, “начать жизнь с понедельника”, да снова обделаться: красота!.. Право гадить – неизбежно! Без Права на измазаться и опуститься – бессмысленно Право на возродиться!

— Ты вот здесь сидишь, пачкаешь красоту земную, а финала себе не чувствуешь.

Пúпа разом смолк, нахохлился, моделируя в уме возможные финалы да к ним лоции драпа. И как бы оно там дальше обернулось – помыслить-то боязно, но вмешалось кстати дерево Проку́да:

— Пусть гадит. Задумано так. Для привлечения и вовлечения. «Центр Современного искусства и воспитания», понимаешь... – Ёлка-Центр! Любой может вплотную – “интерфейсом-в-интерфейс” – подойти, обнюхать, задрать интерактивно лапу да пописать, или более существенно в истории отметитья, да считаться при том художником. После и расписаться гвоздём на Ёлке...

— Здесь нет гвоздей.

— Камнем с курúмов...

— Здесь нет курúмов! Уже нет... Тогда и не стало, как ты, коряга забрóдная, объявилась.

— От вас даже курúмники-умники эмигрировали! Свалили, лишённые перспектив и свободы падений в низость и пропасть: в наслаждение общезвериными ценностями! – тут же возопил с ветки Пúпа.

— Ушам не верю! Это что, сговор? Снюхались? Кодлой будете здесь, в моём доме, безобразить?! Тогда уж извольте и на учёт встать: как иноземные агенты. Со всеми следствиями и втыкающими!.. Своих-то паскудников – множко да плюс лукошко: один Козёл чего стоит... Так что вот, извиняйте: на ваше дрянцо спроса нет, своим перебьёмся: импортозамещённым! – И уже лично к дереву обращаюсь, молвила подсмехательски: – А когда ж это тебя сподобило Ёлкой стать, сосна ты сухая, корявая, лысая? Думаешь, воткнула пяток рыжих иголок да измазалась как бы смолой в смрадной памяти: сразу ж и Ёлка-Центр?!

— Рысь вот сказала: безобразия. Ни в коем случае нельзя сравнивать ситуацию с нашими безобразиями со случаями безобразий ваших, потому что это так потому, и это очевидно... Ваши безобразия – ужасны, чудовищны, отвратительны!.. А наши безобразия прозрачны и открыты всем! – Попугай надулсь, выгнул грудь колесом, взметнул пал когтистый шишóm в небо да завершил речь величественным панегириком, гимном всей Западной цивилизации разом: – И когда мы где-нибудь налóжим да налажаем, мы об этом честно, открыто говорим всем на весь мир! И мир нам – верит!

— Опять же пустое врёкаешь. Вот и краснеть тебе незачем: щёчки по жизни – мясцом алые.

— Да, вру! Но вру искренне!.. и во имя торжества правды!.. – Зачем так сказал, Попугай сам не понял. Но получилось красиво.

— Врать, не мушек глотать, не подавишься... Враль и есть! А “врать” и “врать” – одного корня-семени.

— Это я-то враг? Я враль?.. А не у вас ли тут водится пташка-зверушка, так и прозывается: завирúшка!

— Где ж ты её слышал? Завирúшка – птица скрытная, тайная, коли ж и врёт – редко, да всё больше по делу: дабы тот, кто гнёздам да сёлам разор несёт – не донёс его в назначение... – Рысь лукаво прижмурилась. – Птичка-Завирúшка – наш Сусанин!.. И вот тебе меж вами разница непреодолимая: она врёт, когда обманывает, а ты врёшь, когда правду вещаешь!.. И ваши все – тако ж!

Попугай опешил, силясь осмыслить сказанное Рысью: что это было? – парадокс? апория? паралогíзм, антино́мия? или иной какой хитромудрый софизм, в коих зверомирцы от веку слыли – дюже искусными!..

... Как и когда пропало при том с хвоста третье перо, никто не ведает: уж позже заметили.

Воспитánки. Класс Тура.

“Разбор полётов”, описанных в “Плаче… поруха третья” страницюю дале

— Ага, воспитательная воспитáнка, “со смыслом”, пафосная, иллюстративная… А что с бревном-то?

— А что с бревном? Жди следующего. Пока ж суд да дело: брод поищи, вплавь рискни, или же:

«… *Инновации – ваш главный инструмент. Под маркой экспериментов и заимствований иностранного опыта смело наносите удары ломом…*»

Оглянись вокруг: на образование, ёкономику, медицину, культуру – ничего не напоминает?..

— Однако вернёмся к теме урока, резюмируем: Многие из зверян живут днём сегодняшним, но и в дне сегодняшнем пребывают, как поселенцы, прозябая по принципу: завтра, завтра не сегодня… а ещё лучше – когда-нибудь, или как-нибудь само-собой…

Мы же учим: то, что нужно и можно сделать сейчас, можно-нужно делать сейчас, не завтра и не потом, – завтра и потом будут свои можно-нужно, а для вчерашних уже может стать и поздно. Навсегда поздно.

— Это как так: “навсегда поздно”?! “Поздно” – штука одноразовая: опоздал – и проехали. До следующего “опоздал”…

— Не скажи. Укусил тебя, к примеру, ядовитый тарантул, а ты яд из раны тут же не вычистил, травку заветную разом не сжевал, тут тебе и “навсегда поздно”!

— У нас, во льдах, тарантулы – в диковину, но иных ядовитостей – предостаточно. Урок усвоил.

— В завершение урока напутствую: Меньшее из зол – всё равно зло. Беги того выбора. Не выбирай из зол!

Но коли уж вынужден – да выбрал – “меньшее зло”, не вздумай наречь то – “благом”, а деяние своё – добродейством:

вот это уже и будет – действительно худшее, это и будет Зло!

— Ага, воспитательная воспитáнка, “со смыслом”, пафосная, иллюстративная… А что с бревном-то?

— А что с бревном? Жди следующего. Пока ж суд да дело: брод поищи, вплавь рискни, или же:

«… *Инновации – ваш главный инструмент. Под маркой экспериментов и заимствований иностранного опыта смело наносите удары ломом…*»

Оглянись вокруг: на образование, ёкономику, медицину, культуру – ничего не напоминает?..

— Однако вернёмся к теме урока, резюмируем: Многие из зверян живут днём сегодняшним, но и в дне сегодняшнем пребывают, как поселенцы, прозябая по принципу: завтра, завтра не сегодня… а ещё лучше – когда-нибудь, или как-нибудь само-собой…

Мы же учим: то, что нужно и можно сделать сейчас, можно-нужно делать сейчас, не завтра и не потом, – завтра и потом будут свои можно-нужно, а для вчерашних уже может стать и поздно. Навсегда поздно.

— Это как так: “навсегда поздно”?! “Поздно” – штука одноразовая: опоздал – и проехали. До следующего “опоздал”…

— Не скажи. Укусил тебя, к примеру, ядовитый тарантул, а ты яд из раны тут же не вычистил, травку заветную разом не сжевал, тут тебе и “навсегда поздно”!

— У нас, во льдах, тарантулы – в диковину, но иных ядовитостей – предостаточно. Урок усвоил.

— В завершение урока напутствую: Меньшее из зол – всё равно зло. Беги того выбора. Не выбирай из зол!

Но коли уж вынужден – да выбрал – “меньшее зло”, не вздумай наречь то – “благом”, а деяние своё – добродейством:

вот это уже и будет – действительно худшее, это и будет Зло!

— Ага, воспитательная воспитáнка, “со смыслом”, пафосная, иллюстративная… А что с бревном-то?

— А что с бревном? Жди следующего. Пока ж суд да дело: брод поищи, вплавь рискни, или же:

«… *Инновации – ваш главный инструмент. Под маркой экспериментов и заимствований иностранного опыта смело наносите удары ломом…*»

Оглянись вокруг: на образование, ёкономику, медицину, культуру – ничего не напоминает?..

— Однако вернёмся к теме урока, резюмируем: Многие из зверян живут днём сегодняшним, но и в дне сегодняшнем пребывают, как поселенцы, прозябая по принципу: завтра, завтра не сегодня… а ещё лучше – когда-нибудь, или как-нибудь само-собой…

Мы же учим: то, что нужно и можно сделать сейчас, можно-нужно делать сейчас, не завтра и не потом, – завтра и потом будут свои можно-нужно, а для вчерашних уже может стать и поздно. Навсегда поздно.

— Это как так: “навсегда поздно”?! “Поздно” – штука одноразовая: опоздал – и проехали. До следующего “опоздал”…

— Не скажи. Укусил тебя, к примеру, ядовитый тарантул, а ты яд из раны тут же не вычистил, травку заветную разом не сжевал, тут тебе и “навсегда поздно”!

— У нас, во льдах, тарантулы – в диковину, но иных ядовитостей – предостаточно. Урок усвоил.

— В завершение урока напутствую: Меньшее из зол – всё равно зло. Беги того выбора. Не выбирай из зол!

Но коли уж вынужден – да выбрал – “меньшее зло”, не вздумай наречь то – “благом”, а деяние своё – добродейством:

вот это уже и будет – действительно худшее, это и будет Зло!

— Ага, воспитательная воспитáнка, “со смыслом”, пафосная, иллюстративная… А что с бревном-то?

— А что с бревном? Жди следующего. Пока ж суд да дело: брод поищи, вплавь рискни, или же:

«… *Инновации – ваш главный инструмент. Под маркой экспериментов и заимствований иностранного опыта смело наносите удары ломом…*»

Оглянись вокруг: на образование, ёкономику, медицину, культуру – ничего не напоминает?..

— Однако вернёмся к теме урока, резюмируем: Многие из зверян живут днём сегодняшним, но и в дне сегодняшнем пребывают, как поселенцы, прозябая по принципу: завтра, завтра не сегодня… а ещё лучше – когда-нибудь, или как-нибудь само-собой…

Мы же учим: то, что нужно и можно сделать сейчас, можно-нужно делать сейчас, не завтра и не потом, – завтра и потом будут свои можно-нужно, а для вчерашних уже может стать и поздно. Навсегда поздно.

— Это как так: “навсегда поздно”?! “Поздно” – штука одноразовая: опоздал – и проехали. До следующего “опоздал”…

— Не скажи. Укусил тебя, к примеру, ядовитый тарантул, а ты яд из раны тут же не вычистил, травку заветную разом не сжевал, тут тебе и “навсегда поздно”!

— У нас, во льдах, тарантулы – в диковину, но иных ядовитостей – предостаточно. Урок усвоил.

— В завершение урока напутствую: Меньшее из зол – всё равно зло. Беги того выбора. Не выбирай из зол!

Но коли уж вынужден – да выбрал – “меньшее зло”, не вздумай наречь то – “благом”, а деяние своё – добродейством:

вот это уже и будет – действительно худшее, это и будет Зло!

— Ага, воспитательная воспитáнка, “со смыслом”, пафосная, иллюстративная… А что с бревном-то?

— А что с бревном? Жди следующего. Пока ж суд да дело: брод поищи, вплавь рискни, или же:

«… *Инновации – ваш главный инструмент. Под маркой экспериментов и заимствований иностранного опыта смело наносите удары ломом…*»

Оглянись вокруг: на образование, ёкономику, медицину, культуру – ничего не напоминает?..

— Однако вернёмся к теме урока, резюмируем: Многие из зверян живут днём сегодняшним, но и в дне сегодняшнем пребывают, как поселенцы, прозябая по принципу: завтра, завтра не сегодня… а ещё лучше – когда-нибудь, или как-нибудь само-собой…

Мы же учим: то, что нужно и можно сделать сейчас, можно-нужно делать сейчас, не завтра и не потом, – завтра и потом будут свои можно-нужно, а для вчерашних уже может стать и поздно. Навсегда поздно.

— Это как так: “навсегда поздно”?! “Поздно” – штука одноразовая: опоздал – и проехали. До следующего “опоздал”…

— Не скажи. Укусил тебя, к примеру, ядовитый тарантул, а ты яд из раны тут же не вычистил, травку заветную разом не сжевал, тут тебе и “навсегда поздно”!

— У нас, во льдах, тарантулы – в диковину, но иных ядовитостей – предостаточно. Урок усвоил.

— В завершение урока напутствую: Меньшее из зол – всё равно зло. Беги того выбора. Не выбирай из зол!

Но коли уж вынужден – да выбрал – “меньшее зло”, не вздумай наречь то – “благом”, а деяние своё – добродейством:

вот это уже и будет – действительно худшее, это и будет Зло!

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха четвёртая

— И вот куда оно занастилось?.. Никто и не брал, а нет пера!.. Пора бы знак упреждающий поставить здесь, в урочище этом, недобром к залётным да пришлым: “Будь бдителен! Перья береги!..” – задумчиво молвила Рысь, в который раз уже пересчитывая хвост попугаев, трижды претерпевший… Никак не сходилось.

По протоколам значилась поруха двух перьев. Стало быть, наличествовать полагалось десяти. Да как ни считали – девять выходило… Рыси и осталось лишь на ту беду лапами развести да горько посетовать:

– Такое у нас бывает, бывает: то есть, то несть!.. было да сплыло… не воровали капусту, а на грядке пусто… Ты ещё исполнений бюджетов здешних не видел – с комментария счётной палаты.

— Ага! думаешь, наши в освоении бюджетов – не гудини? Да покруче ваших – в разы: бюджеты-то кархадские куда жирнее, потому и прут: толще да гуще, факирам вашим не снилось!

Попугай, дюже вопечаленный мутной пропажей, говорить в кручине вдруг стал задушевно, товарищески, что думал. И личности своей касаясь, рёчил уж в первом лице, не как о чужом:

— Да что высоко летать: бюджеты, казна!.. Возьми хоть мои командировочные. Половину ведь, скúды, отжали! Совестьники ядовитые, ядрить их в тылы вертелами калёными!.. А те же гранты возьмём…

Ведь в конторе меня как напутствовали: вот везёшь ты грант на территорию вражескую, да не простой грант: целенаправленный! – для подрыва его, врага, изнутри. Молодец, геройская ты птица! Довозишь грант в целости, сиречь ненадкусанным, получателю: Козлу там, Улите, ещё какому из ваших проедателей местных. Вручаешь помпезно, ведомость пишешь, да всё-то с умом делаешь:

три – на бумаге… один – в рыло, по факту… два – в клювике обратно: нам стало быть, светлым борцам за-мир-во-всём-мире и демака́ию-всем!.. Спрашиваю: а мне что с того? А тебе, ответствуют, большое гадючее спасибо и признательность всей прогрессивной общественности! Ты – Молодец, ты – Герой!.. Ну скажи, ну не гады ли они земноводные?!

Произнеся “земноводные”, Попугай всполошился: вспомяну́л разом и за великую миссию, и про Кого-то в кустах, которого, вместе с кустами, и не было, да было, потому что не быть не могло… и вдруг, без перехода, словно тумблером кто щёлкнул, взвился обличительным пафосом с должной семантикой:

— Зверомир – шайка жуликов и воров! Край непуганых коррупционеров! Ушкуйное бездóлье!.. Вам нет места в цивилизованном мире!.. Верните перья!.. Попугай будет жаловаться в Га-Гачий суд!

Рысь скорбно молчала. Вины за собой она не чуяла, но Вишера-то: наша, а пера иноземного: нету!.. Да и Пупа-в-го́ре вдруг сказался вполне себе компанейской правильной птицей, неслабо понимающей за жизнь и точное слово. Где только зверомирскому креплёному слогу и обучился-то?!

Вот заболотили ж мозги доброй птице, ливерасты-паскудники!.. Каким бы мог он классным парнем стать! стихи писать… хлеба растить… далёкий космос покорить… И прикид у Попугая, коли по чести: вполне себе годный: вовсе не от Хуччей вертучих – от природы-матушки!.. вот только срамную ЛГПТ-щечку выщипать…

Пупа продолжал картинно ерепениться, артистично верёзгать, изредка, с тревогой косясь на кусты, которых не было, но было, потому что Кто-то смотрит всегда… пока не счёл мизансцену отыгранной вполне…

но для полной “зачётности” завершил её мим-этюдом, смысл которого: осознание того безотрадного факта, что варварские вóздухи сотрясать протестом – лишено всякого цивилизованного смысла, но реально призвать к ответу за пропажу пера – некого… но и без того Рысь Русь, заодно и вся Рось, весь Зверомир в целом – виноваты смертно уж одним фактом своего существования…

От того изрядно собою довольный, Пупа украдкой показал неприличный жест в направлении кустов, которых не было, но которые тем жестом дюже обиделись, да немедленно и донесли, куда следует, запросив при том дополнительные полномочия и финансирование…

Попугай же, себе зарубив: “боле не расслабляться”, – с хохолком окунулся в работу, ему предписанную, да перешёл к следующему пункту намеченной в конторе повестки.

— Вот скажи мне, самка, лютующая напрасно и в одиночестве. Леший с ним, с цивилизованным выбором, но любви-то хочется?!

— А что, кому-то не хочется?! Разобрало ж тебя, паря, однако!.. Давай, коли так, и о личном: потешит.

— Цена вопроса?

— ???

— Ну не любить же, как дура, бесплатно, а не гешефтом, как просвещённая…

Хрустальная истина звенела ещё в горнем воздухе, ещё блистала огранкой в лучах заката, озаряя собою отсталые, тёмные земли да зябнущих в них “забитых зверей Востока”…

… а Рысь уж летела в броске: *искандёром* карающей Немезиды…

Отчего Попугай вживе остался, не порушилси насмерть, а пером лишь одним – хвостовым, четвёртым уже, – то до сих пор тема гра́чей всеместных… ток-шоу бараньих… и грантов обильных… и диссертаций…

но также причина больших инвестиций в чудо-оружие: “смертьНемезиде”, “антиРысь” и “гореВостоку”.

Ай-птички и Яти (Ѕ).

для разумения внятного, о чём не скажут, но знают герои событий, описанных в “Плаче… поруха шестая” страницю дале encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’| статья ‘Ай-птички…’

О сродниках ливер-Попугая Пұпы такое судачат:

дескать, у Пұпы кархадского родня многочисленная – обоего пола да к тому ещё гендера всякого, ибо с гендерной идентичностью той родни – чудотá запредельная.

И родня та – гламурные айские птички, Ай-птички, что водятся всюду, где сытно да платно, но которые знать его, Пұпу, ничуть не желают, ибо сами ж они – к вящей Пупиной зависти – “правильно” вжились, устроились, то есть – “с прибытком”… и “за жизнь понимают” также мудро и веско:

пт́чат в шикарных публичных фэшн-домах, занимаются тем же в свободном полёте, ещё и сидят на прокормах у пáпиков щедрых в позолоченных клетках.

Самым фартовым из айских случалось пристроиться в прибыльный замуж: за юлиста, или вепря в погонах, или спортзверя, или плолитика, то и совсем – жлобиарха, да скоренько и развестись, жирно отсвоив – с лихвой! от добра лохомужа (если допрежь тому сами в ощип да в супы не попадали!..)

Те фартовые айские, безнаказанно лохосамцов разводящие, бранзулетками-кольцами многими щеголяют на изнеженных лапках: “трофеями айскими”… их обилием, весом и драгостью меж собою кичатся и меряются…

Но касательно тех, кто судачит подобное, сами Ай-птички имеют своё, очень веское! птичкино Мнение: «Завидуют, скúды!.. Им бы самим так хотелось, да их-то и даром не птичат… Вот и злобствуют!..»

Птички айские в большом почёте у звероидов Ливерáтии, где они охраняются, опекаются и умножаются – Законом вкупе с Правами всяко-разными – птичьими, да ещё содомитскими, да ещё толерастными, сиречь скотскими. А буде кто Ай-птичек не уважает предписано, не именует почтительно, пуще того: неприличным словцом каким называет, – тех тот Закон сурово преследует…

… есть у птичек и свой профсоюз…

Ливерáты привечают птичек всеместно: их приглашают пощebetать о птичьем своём ВУЗы и школы, их избирают в ливер-горламенты, иных же – в сласть Власти…

… и все айские поголовно ратúют за мир, за добро, но пуще того – за права всякопóлых… В свободное, разумеется, от птичьих дел время.

Ай-птички и Яти (Ѕ) – это не просто птицы, а настоящие герои, которые живут в мире, полном проблем и трудностей.

Иные из птичек, то правда, наптичить сумели изрядный успех: и в банковских депозитах, и в ливер-тúсах гламурных, и в завроСМИ желтокожих, а пуще того: у школоты пубертáтной, – да тех айских-то и немного, в основном же: заурядные я́ти. Их так зверомирцы на письме означают “**Ъ**”, или “**ять**”.

Но промеж братии Ливерáтии в ходу иные, политкорректные термины: ай-птичить, айски отптичить, сделать (дать) птичке ай, решить проблему или вопрос по-птичкиному, уладить через ай.

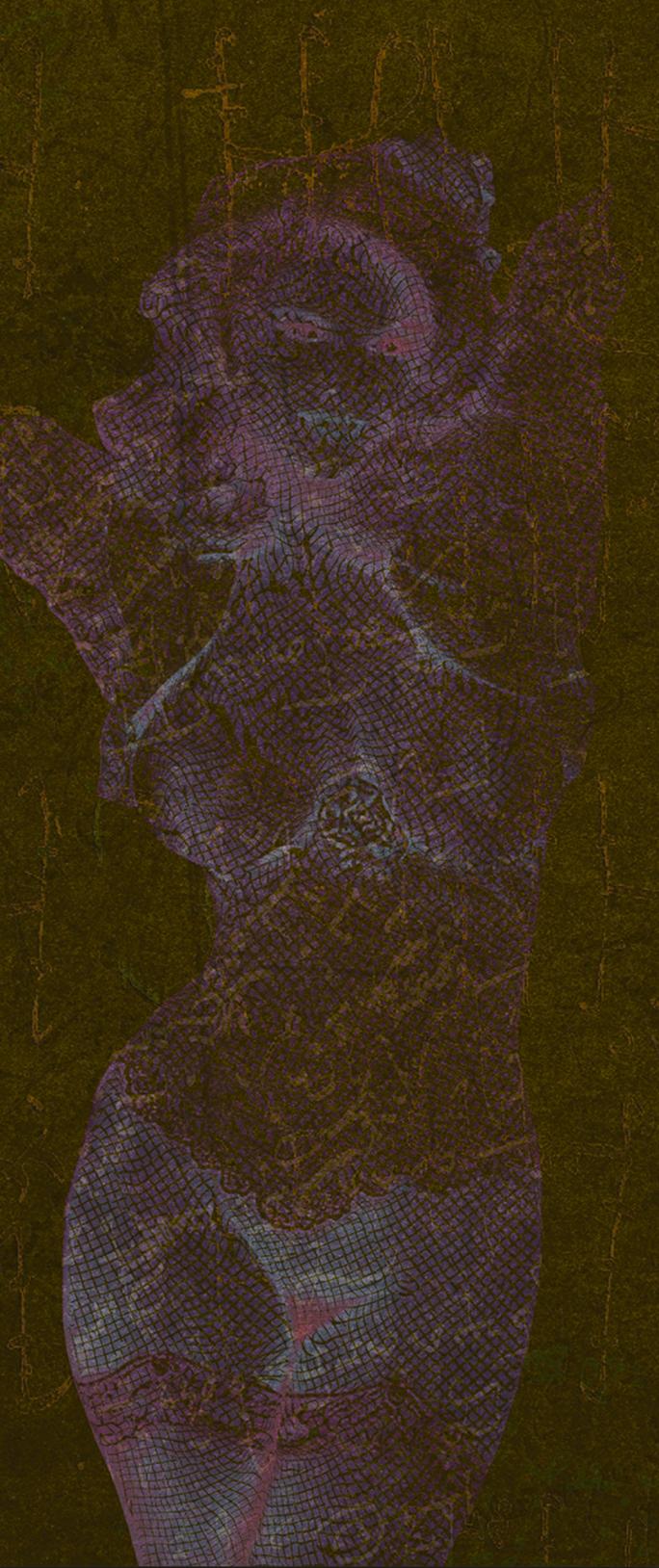
При том “ай” всё больше на западлый манер – кархáдским письмом обозначают – i, что у них – к тому ж заодно – и местоимение личностное: сущность звериную в окружающем мире как личность описывающее… Семантика нам и намекает: все, мол, они – немножечко птички, каждый из них – по-своему айский: Je suis putain! Что, в общем-то, верно, да не совсем:

все ли на Западле, тем более: все ли кархáдцы – одно ливерáсты?!.. да все ли там – айские? – то вопрос! могучий вопрос!.. Это лидерам ливеров хочется так: чтобы все!.. Но в первую голову хочет такого – Сво-заврящер, Папа Свободы.

… не так давно завронеты да СМИ взахлёб, расточая хвалы да слезясь в умилении, репóстили откровения некой гривнёвой пичуги, которая ударно ай-птичила в прифронтовой полосе:

«… В нашем птичкином деле, как и на войне, как и во всякой иной проституции, главное – не утерять своё птичье лицо: не поступиться моральными принципами: не позволять клиенту даже и думать, что ять можно унизить, принудить к тому, что не предусмотрено действующим прейскурантом, – там всё предусмотрено!.. Своя у нас – птичкина гордость, свои – незыблемые ятские принципы!..

И разницы нет – ты наёмный боец или плолитик, стяжатель от жлобизнеса или вратель от попуганды – в любой проституции важно: не поступиться принципами, по-совести-жить, неполжи!..»

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха пятая

— Ты, западлянин, есть интродукция в нашей экосистеме! Чужерот в биоценозе!.. – отплёвываясь пером, анафемствовала Рысь, возвернувшись уже на свой камень после броска.

— Видишь, девять скотов бездыханных рядом лежат?.. Так там и десятое местецó заготовлено: твоё, стало быть… Всё одно рван будешь, да не мною: без того пролить крови немало назначено!

О чём говорила Рысь? какие такие девять скотов бездыханных? чью кровь, да немалую! пролить назначено? Сие так и осталась загадкой, ужас вселяющей: то ли это пророчество, до срока суждённого – тёмное… то ли намёк, никем не угаданный… то ли явность какая, под грифами скрытая?..

По оперативным же сводкам массовых душегубств не проходило… Означенного скопления скотьих трупов, числом девять, никто, и Попугай також! - в глаза не видели, но почему-то разом поверили.

Обучинённой порухе пера четвёртого Пупа теперь даже не заикался – после таких-то манифестов!.. Быть бы живу… Восемь осталось перьёв – так и за то большое птичье спасибо!.. Молчали все, даже инет, даже СМИ… понимали: не след пустовра́кать о том. Шутка ли: девять скотов бездыханных!.. Не стать бы ещё одним.

— Молвишь правду о цели паскудной, с коей врагом нашим в пределы наши заслан, – цел будешь! С прорéшным хвостом, да цел животом! А уж дале – нéжить с тобою! вон ветер, вон поле: живи пока вволю, да с памятью в долю: о клыках да когтях моих, да к тебе моей доброй воле.

Попугай в страхе зажмурился, скукожился, но ещё пытался юлить – уж так был обучен!

— Вы, росские, больно пафосные… склонны искать во всём содержание и глубинные смыслы: психологизм, драматургию, сверхзадачу, двойное дно, заговор… Простее надо быть, простее! Вот какой такой глубинный смысл в том, что Попугай опростался или ветры пустил? Кроме, разумеется, того, что он просто опростался и просто ветры пустил…

— Касаемо конкретно тебя, кривословный облы́жник, – смысл самый что ни на есть глубинный! Казалось бы, всё, тобою говóренное, и есть: “опростался да ветры пустил”. Но меня интересует истинная цель этого “цирка-в-клезете”. Задание. Явки. Пароли. – Рысь оскалилась… Дюже недобро.

— Ладно. Как на духу. Попугай всех сдást!..

Тут уж бытность окрестная вся разом превратилась в огромное ухо… Кто-то в кустах, которых не было, но было, судорожно кинулся настраивать сверхчуйные микрофоны, да микрофоны некстати и умерли.

— Имена ты сама знаешь: они все медийны, все на слуху. Они вещают в полный голос и Эхом!.. Не только Попугай – все наши конторские в шоке: как вы их терпите, как не порвали в клочья или же на вертела калёные тылами не понанзили!.. Дерзнул бы кто в наших пределах супротив собственной родины так паскудить, как ваши – у вас! Да разом – у ощи́п!.. – Попугай взбúлькнул от негодования праведного, продолжил: – Пароль же – на всех один, неизменный: «Пузро!», ответ: «Набить!» И контрольным жестом суёшь “бабки”. Взяли – значит, наша скотинка, на все сто!

— С инвестициями в оппозицию, это вы напрасно… Наши и денежку возьмут и давших пошлют… Не раз уже.

— Как сказать, как сказать… Так-то оно так, но мерзость множит. Она-то, тварь, думает, что обманула нас, кинула супостатов, грантом кормящих, а грант, мол, и вовсе – не пахнет! Дескать, грант она, тварь нелживая, совестливая, на благое деяние пустит!.. Как бы не так! Подписался под грант кархадский – уж наш клиент, с потрохами… дальнейшее – рутина. Каждый цент отработает!.. Вся ваша мразь – у нас на учёте, в наших интересах и куролесит, даже если о том сама и не ведает!

— Слово “тварь” говоришь ругательно как-то, матерно. А ведь “тварь” есть “тварное”, творение!.. Похоже, для вас, ливерóидов, что “творение”, что “товар” – одноякость: одним смыслом мазано!

— Что плохого? Здоровый прагматизм даже очень способствует: кошерной совести и крепкому стулу. *«Честь добра, да съесть нельзя»*, – не наш фольклор, ваш!.. Коли вещь нельзя продать, в ней нет смысла! Если не ценишь себя, что значит: “цену-себе” сам не назначил, – что с того?! Цена-то будет всё равно: грош цена! раз не объявлена. Один сам ты об этом и не знаешь, потому что тупой, потому что – ватник… Ваша рóсская беда в том и есть: продавать себя не умеет!.. А учить “продаваться” следует с детства – в яслях и питомниках. Крепить навык – в школах и ВУЗах!.. И ещё надо ставить правильные вопросы: не “что делать?», а “за сколько?», не “кто виноват?», а “кто заплатит?” Не то ведь и будешь всю жизнь заниматься любовью по любви, как дура, а не за профит, как просвещённая…

Пупа осёкса, сообразив, что сызнова понесло, где жаром уже и окатывало, да поздно-то было… Рысь глухо зарычала. Кровью налились глáзы Рысины, спина грóзко выгнулась… и от ужаса, обьяввшего птицу, Попугая внове накрыло слепотою топографического кретинизма, вослед чему повторилась драма пера первого, да также второго: метнулась птица бездумным лётом… сверкнул молнией рысий коготь, клацнули зубы… Перьев в хвосте стало семь.

Гламурки и Яти (Ѓ)

для разумения внятного, о чём не говорят, но знают герои событий, описанных в “Плаче… поруха шестая” страницю дале encyclopedia |‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’| статья ‘Ай-птички…’

Гламурки и Яти (Ѓ) в виде иконок на странице «Ай-птички…»

Не следует думать, что одни только айские приспособились к птичьему делу: во всех стадах – и больших, и малых – имелись собственного вида яти, да всякого пола. В большйнах – менее, в меньшинах – более, в иных и поголовно.

А уж тех, кого звали “гламу́рками” – тех и вовсе без счёту:

яти они вроде как и не явные: видом-то стыдные, да на срамном не ловлены, хотя и всякому ясно: по-птичьи они – через ай на мир смотрят.

Так если б только гламу́рки да яти! То – плесень очевидная, значит – борима́я. Но на том же зиждется и всё житиё ливерастное, кое ржою и наш Зверомирский быт разъедает – в слабинах его да на мутных окраинах. Или не слышали вы тех призывов, что не токмо нам – уже окрепшим в понятиях – но и детёнышам нашим с кафедр внутриют? –

«Учитесь себя продавать!»

«Вы только тогда и есть, когда вас купили, и в той лишь мере, во сколько вас оценили!»
«Ценят не хвост и не клюв у Птицы – а сколько у неё нулёв за единицей!»

Сказкий Тур, зверомирец, мудрейший из всех и единый из нас, кто с людьмина ведался, которых и нет, и быть не могло, но о которых все знают, сказывал так:

мол, в Людомире, на бескрайних просторах самой могучей людянской державы однажды взбурлила именно птичесть, ай-птичесть людянишек – паскудных вражин своей же страны, горластых меньшин, окормляемых с запада,

и эти мерзавцы там такое нагадили, так наай-птичили, что державы не стало: не то, чтобы рухнула – ушла, затаилась, растроилась в грядущем; но ойкнулось миру, а пуще – самим людомирцам…

И поведал нам Тур строки лютые людомирца-поэта, тех событий напáстных и горьких времён очевидца:

«… а знаете, каким поганым вопросом добивали державу? вначале – забугорные дяди да тёти цивильного вида, вослед – и прикормыши их местечковые: елейно, с улыбочкой гаденькой вопрошали – с экранов, со страниц газетёнок, журнальцев, и вопрос тот гулял по стране перевётом, поклёпом, со слюной пополам – из уст да в уста, да из дома в дом – гнусной порчею, подлым блюдом, измению, венерической эпидемией:

“Если вы тут такие умные, почему ж вы такие бедные?..”

и не бедные были, да уж точно – не глупые, но таилась в вопросе том сладкая гадость… и никто не учуял подлога, деструктивной семантики подлого спроса, что был равен подначке из уст проститутки:

“Коли ты такая красивая, почему же спишь лишь с одним, и то даром?”

“Потому что не яты!” – страна знала ответ.

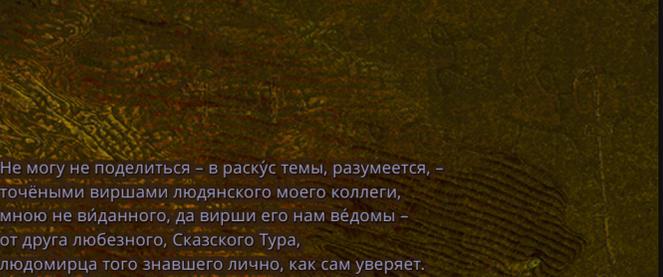
“Потому что не Ѓ!”

но его затоптали, захлбпали, ором-во́пами задушили – числом малые, душой нищие, да горластые дюже твари… и держава ушла…»

… Да ведь и нам, зверомирцам, подобное ведомо – не так уж и вдавне!

И Ай-птички, и прочие гламурки да яти числятся “индифферентами”, или “индйлами”, хотя иные из них и верезжат весьма патриотично: в русле того патриотизма, на территории которого в тот момент они птичат. Всамделе же им: фиолетово с клубнем до всего идейного, да и просто – трудного, как то и приличествует всякому продвинутому индифференту: эти особи легко, ненадуманно подстраиваются, мимикрируют под всякую среду обжирания, присасываются к любой этике, прилипают ко всякой плолитике, оставаясь при том – безучастным, индифферентным всему, что мимо их пузра и быта.

И это не всегда так плохо, как хочется думать, хотя отвратительно.

ГУСТОГРУДЫЕ

Бэлла белá
как эта стена

 в больничном покое
Шаганэ шоколадна
в тон шалого ветра

 морского прибора
и чёрная Глэдис
зовёт утонуть

 в её матовой коже…
вы всех и ничьи
Доступные-Девы-с-Журнальных-Обложек.

В качестве же “ответного тоста” – “*вирши в тему*”, кои замыслены мною были именно: относимо самок-гламурок, известных недобро своим поведением, дюже ай-птичным, да вдруг – неожиданно для сочинителя – теми ж стихами пропагандисты клеймить стали иные материи:

дескать, в тех строках – поэтически образно, но идеологически верно – как бы описана суть вражей как бы Свободы, о чём и сам автор (каюсь!) как бы не ведал…

Дама-Да
… дама та ещё: “нет” не знающая, дама-Да!..
… вместо крови у дамы – гнилая вода…
… сердце – даже не студень, не зельц: ядовитая ртуть…
… во взгляд вплетены нити тьмы, и в ночь её путь…
… моралью та дама владеет, как собственным телом: рентабельной плотью, пущенной в дело…
… и каждый,
 дамой-Да в пучины влекóмый,
 достигнувши дна,
на дне прозревает и знает уж точно:
что нам притягательным кажется ночью –
станет убогим –
 при свете дня.

…
… не уподобляйся же Козлу, вводя “хотелку” в статус нормы, не блей:

«Как хочется в объятья злу, когда у зла такие формы…»

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха шестая

— Весна во́ды мутит. Туман воздух мутит. А ты всех баламутишь, окаянный: на душе от слов твоих вязко и пасмурно. А у самого перья в хвосте тают, как снега по весне, но без видимой пользы!..

— Умеете вы умно́ да в цвет сказать. Но если вы такие умнющие, почему ж вы такие неимүщие?!

— Что за пустельга?! Опять брехати затеял, не угомонишься никак, жидкохвостая птица?

— Не пустельга. Это слово крылатое! Крылема. Идиоматизм. И в нём – кристалл неполживой правды.

— Не крылатое слово: пернатое. Пёрл. Идиотизм. А в нём – кизяк вирусной вра́ки.

— Рысь Русь теряет для Попугая всякую привлекательность. Её манеры – некомфортная среда для инвестиций. Попугай отказывается инвестировать в Рысь свою доброжелательность!

— Вот уж потеря, вот уж горе! Ещё санкции наложи… Впрочем, чего где наложить – с тебя станется.

— Санкций на вас уже – воз полный. Но вы ж упёртые: любой строй цивилизованный давно бы загнулся да прогнулся. А вас ломать санкциями – как яйцами стену: самим и накладно… Попугай о том, кстати, не раз говорил конторским: только зверомирцев насмешите да раззадорите, они вам ещё и спасибо за санкции скажут… Им жить под давлением – привычная среда обитания. Цементирующий фактор! Но кто слушает попугаев в наших пенатах? А напрасно, напрасно, напрасно!

Рысь вторительно уж не купилась на попугаеву “как-бы-искренность” да задушевность, ответила сухо:

— Не в санкциях дело. И не в манерах. Зачем со своим к нам суётесь?.. Вам так по нраву жи́ти – вот и живите. Других не учите.

— Но если не хотите – как мы, если для вас – у нас всё не так, то как?

— Да уж точно не ка́ком!.. Ка́ком – не будет! А ваше для нас и есть – ка́ком!

— И что вы можете предложить? Бабка твоя, Светлая Рысь Кыйская, – та могла. Мать твоя, Алая Рысь Софья, – о-го-го как предлагала, до сих пор не опомнимся!.. А вы – что вы? Сами себя не знаете, живёте, идей не ведая: башками нырнули в наше, задами увязли в своём прошлом… За что бьётесь?

— Если, предположим, я и не знаю, за что биться, то против чего – знаю наверняка. И это первая твоя печаль. А вторая: я-таки знаю – за что.

… туго свитая, стальная пауза повисла над Вишерой, будто все три временны́х измерения напру́жились разом в густозелёных па́рмах, в плосковершинных гряда́х да увалах… когда ж напряжение пика достигло – всё распружинилось… рассыпалась дробью пауза – разбежалась новостными стакато: по гра́дам и весям, по океанам и сушам…

Разнеслась сенсация инетами да агентствами, собрала неурочно штабы да силы быстрых ответов, изумила своих, в ступор вверхла чужих: Рысь Русь знает, за что биться!.. Рось определилась с национальной идеей!.. Это кто ж допустил, кто позволил? едрить лещим клубнем тылы ваши!. Гхомячки да слизни, зачюяв зраду, зараз ринулись в ужасе в норы… да по жйжным затонам… да в близлежащие грязи… за бугор потянулись зверáклы-креаклы перемётными стаями… на льдине Белведь бровь вопрошающе поднял… Тигр в изготове спружинился, ожидая от любимой скорого зова, а рядом уж клაცала пастью да хвостом поводила непременная Тигра Сестра: Победа… Вождь Барсук разливал озорно по коньячным бутылкам смесь для поджига… Пупа ж ажно заметался на ветке: да вот же он, вот – светлый миг его быта! вот же он – жетон фарта! здесь – крутовзлёт шпионской карьеры!

— За что?.. За что Рысь Русь будет биться?! Это официальная доктрина?.. Белведь в курсе?.. Элиты поддерживают?.. Низы разделяют?.. Мир вправе знать!.. К чему готовиться, где прятаться?!

Рысь, вельми довольная учинённым перфóмансом, протяжно зевнула, с чувством вылизалась, после ж – увётливо заурчала:

— Вот не скажу!.. Не срок ещё… Сами увидите… Да скоро уж.

— Но ведь не путями ж твоей безумной мамыи, нацелившейся на “хорошее-всем”, а не только достойным: породистым, хищным и тем, кто с баблом?! – это невыгодный путь, непрагматичный!

— А почему мы должны делать, что выгодно?! Тем более – вам?! Рось не живёт только “по-выгоде”. Кто у нас так живёт – временщик!.. Не профитом единым! Даже не пищей… Вам не понять!

— Та ваша система “алая”, не “по-выгоде” скроенная, – рухнула, а наша доказала свою живучесть…

— Тараканы и клопы тоже доказали свою живучесть. Ещё крысы… Они и ядерный взрыв переживут, а после – пожрут друг друга, как, впрочем, и без всякого взрыва… Ваша жизнестойкость и есть – живучесть синклита клопов, тараканов и крыс… Касаемо же того, что “алая” система рухнула, – а кто руины-то видел, не декорации?.. Не рухнула: в нас она! – затаилась. Отступила на время из яви – в зверомирские души, ждёт своего часа: явиться, возродиться, как Феникс из пепла, вернуться на крыльях Матери Славы… Но будет не так уж теперь, как при Софье. Не совсем так. А как – не скажу!

— Безумие! У вас всё здесь: безумие! Все: безумцы! Даже дерево это трухлявое подо мной – дура!

Такого, понятно, благородное дурово стерпеть не могло… Ещё разносились Эхом слова попугаевы, а уж в хвосте его тихо звенькнуло что-то да и растаяло в воздухе. Бесследно. Перо, стало быть. Шесть и осталось.

Песни Козлов.

для разумеия внятного, о чём скажут герои событий, описанных в "Плаче... поруха восьмая" страницю далё.
публикуется по изданию media-группы 'Рык Зверюмира' | Тигр, 'Песни Козлов. Собрано и обработано Тигром в назидание'.

из предисловия составителя:

... о Родине – петь, а не бляеть!

... а ежели Дар тебе даден, а ты с ним – как Ять,
кратно Дару придётся за то отвечать!

СЧИТАЛОЧКА
Сидели: царь царевич король королевич сапожник портной и ещё сколько-то миллионов КТО Ты ЕСТЬ ТАКОЙ?.. Бе-е!..)))

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ
Для красоты напишу я пару строк: босиком капли росы ощущал копытом ног а ещё люблю я сено

СМУРНОЕ
и день невзраченький такой травы нигде не продаётся зануда тень ползёт за мной какого хрена ей неймётся вот стайкой семянт менты к дождю знать — верная примета любовно мявкают коты и хочется тошнить на это

КОЗЛИНАЯ ГРУСТНАЯ ОЧЕНЬ
за каждой иконой сидит таракан дивлюсь на таракана! небоскрёб да я в нём — это с пойлом стакан что за гад меня пьёт из стакана? гражданином-начальником-телевизором мой слух опечатан глаз мой без визы: не вывезет! там за окном — пыжится гном курица войны несёт черепа как яйца здесь мы смуряем вдвоём: копчёная ночь да я — цвета медной яри пьем про блудную дочь про житуху невмочь трясину-судьбу да державу-клизму на закусь грызём обугленную кость пессимизма... ... за каждой иконой сидит таракан... ла-ла-ла, бла-бла-бла и бам-бам... (поравалить, пам-пам, поравалить, пам-пам...)

ПОРАВАЛИТЬ

говорят, у кого-то — весна.
мною же водит осенняя воля:
этот смех,
этот жест,
этот цвет,
когда
хоронят во льдах
зарезанное ледоколами море.

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха восьмая

Рысь иронично, да всё ж приязненно следила за напыщенным, помпезным, как орлан на римском штандарте, Попугаем, победителем кустов, которых и не было, – теперь уж действительно: не было! Кусты бежали.

— Ну ты орёл, ну ты гвардейская птица!.. А мне уж пора торговать пером, что ли?! Многая польза... да сам-то о том вернее ведаешь: ваши вот целую индустрию пером подняли, на капризах доходную!

Попугай, не руша геройской стати, чело нахмурил, взор опечалил, посмурел: – «То так, то да!..»

— Но куда ж я от своих-то денусь? Вы же не примите?! Вы ж тут все патриотизмом заорганизованы!

— Опять врётся, хоть и герой. Патриотизм наш – от сердца, не по предписанию. Вашим разумением меркантильным, на алчбе да похоти взращённом, то не понять. И вольны мы, и вольны, как вам не быть!.. А и в приязни, и в любви вольны, но не паскудным блудом, а сердечным выбором.

— Знаем, знаем: любовь зла, полюбишь и козла!.. Плохая, на самом деле, парадигма, некорректная: козлов дискриминирует! А козлы тут у вас – самые совестливые, креативные. И культуру сеют неварварскую. Цивилизованным выбором блеют!.. Как поёт ваш главный Козёл! заслушаешься:

«... В этом отравленном ложью краё – ни шишá, ни шу-шу:

Вместо травок приличных жуют черемшу.

Страна обезумила разом до тла:

Вместо, чтобы травки выращивать – травят Козла...»

— Только песен козлов мне и не хватало для полного личного счастья!.. Знаю я его. Та ещё падаль.

— Он не падаль, он активно живой.

— А козлы всегда активно живые, даже мёртвые. Ты его задрал, а дело его козлячее живёт да блеет...

Но я козлов не деру – падалью не питаюсь: ни в каком виде, даже в активно живом.

— Попугай смотрит и пристально видит: Рысь говорит в направлении злобы и козлофобными каламбурами! Попугай надеется думать, что слова будут говориться в честном русле, а не речами, противными правильной правде! С уважением к нашей, единственно верной, точке зления и к мнению козлов.

— Говоришь – точка зления? Козления точка, вот это что!.. И если тебя, инозвёрца, я терпеть пока вынуждена – как рупор Западла, голос врага – покида грызёмся не в ратном поле, а в поганстве гибридном... то почему я должна терпеть мнение этих наймитов: подонков, пасущихся на наших раздолах, кормящихся от наших лугов, от вод и лесов, от нашего неба, которые ж всё то и хулят, поносят, чернят, да врут мегатонно: и об истории отчей, и о сородичах, особенно – о предках великих, пуще ж всего: о Матери Славе! Зады же свои ориентируют “верно” – на Западл, оттуда же гранты за то им с печеньками и хозяйская ласка!.. Вот зачем мне выслушивать этих, да ещё уважать?!

— Потому что они меньшина, а следовательно – светлые, чистые, честные, просвещённые, креативные, эффективные, неполживые, совесть стада, копыто-и-лапопожатные, лучшие скоты из всех тварей!.. Потому что они разделяют наши завроценности, и ненавидят ваши! И за ними – цивилизованный Западл! А значит: Макак с ядерным калом, за которым: сам папа Сво!.. И это необсуждаемо: прочь свои грязные зверомирские лапы от светлых козлов и других ориентированных верно скотин!

— Допустим. Но тогда и мы можем власть да наотмашь хулить их, как они нас! Отчего ж нам-то нельзя?

— Вы – проигравшие! Вас уже нет! Поэтому вы должны платить и каяться! Платить и каяться! – на этих сладких словесах Пүпу понесло: распетушился, хлүпик напряг, хохолок на голове да остаток хвоста султанами распустил, крыльями засумотшил, жабо распустил, слюной брызнул, да и не заметил как-то, что уж в воздухе сам: перед Рысью мельтешит опасно! – На колени! На колени! Пасть ниц! И контрольно догрызть своё прошлое! объявив своих предков рабами преступной державы! а себя – поделщиками кровавого режима!.. И ждать милости от нас: победителей!

— Ты вот ещё за треугольный круг заступись! – едко подначила Рысь, но сама-то уже шерсть дыбила.

— А что с ним не так?

— Ну, притесняют его у нас, не признают... Говорят, углокруглый он какой-то. Отклонение от нормы...

— Стыдно-то как! Совестно!.. Лапы прочь от Треугольного Круга! Оградить правами Треугольный Кру!

— За что стыдно, позволь полюбопытствовать?.. Вроде, ты трезвый, чтоб так-то совеститься...

— Попугай не знает. Это не важно. Так положено говорить, когда вы беспредел учиняете! И Пүпа за всех вас просит прощение у Треугольного круга. И у его потомства!.. А вы – на колени, углофобы! Ниц падите, звери лютые, пред ликом светлым углокруглости альтернативной! Свободу гендеру!

Тут уж Рысь с собою не сдюжила: на косу бодру – наотмашь, с размаху – саданула лапой по воздуху, где мельтешил разошедшийся Попугай. Разом стихло... После, с чувством исполненного, Рысь от души зевнула да урлыкнула: – «Мы добрые, но روسкие! что значит: врага простить можем. И прощаем – когда по сопаткам добро обозначим... Но изменников – никогда. Предателей Рось не прощает!..»

Перьев по тому разу в хвосте попугаевом четыре осталось.

kopytopozhatny

Прочитал очередную чудовищную ложь-клевету из тигровых Сказов, а именно: главу гнусного «Плача о порушенной дюжине перьев», цинично именуемую “поруха девятая”, хотя все мы понимаем, о чём идёт речь: речь идёт о тотальном, неприкрытом грабеже перьев у беззащитной птицы, брошенной на поругание и произвол!..

Что имею сказать. **Во-первых.**

Необходимо отметить вопиющее несоответствие данного эпизода хрестоматийно неполживой сцене из улейвудского блокбастера «Буря в пустыне Вишáры»!

Все мы помним тот эпический допрос в подвалах Лубяны, где осатаневшая от безнаказанной крови зверская Рысь в гэбнятской портулее и чекистских погонах (которую правдиво и пронзительно сыграл гениальный Тушкán Гóма), склонилась над забрызганным кровью столом, освещаемым тусклым кадилом,

и пишет кровью невинных жертв сфабрикованные протоколы из показаний, выбитых лютыми пытками у не проронившей ни единого взвизга птицы, которая сидит в луже крови – с перебитым и ветошью забинтованным крылом, ослеплённая протуберанцами света от аэродромных прожекторов, – сидит из последних сил на двуногом табурете супротив садиста-рыскаря, попирающего кирзóвыми лапами останки замученных птенцов, улиток и травоядных!

Образ Попугая-Героя – простого кархадского парня Пупы – с щемящей искренностью воплотил Бизон Вилли, который играл, как всегда, без дублёра, даже в сценах с полётами. Именно сцены с порхающим бизоном – на фоне надсадно-унылых русских пейзажей и угрюмо-свинцового зверомирского неба – вошли в золотой фонд улейвудского кинематографа!

Сам же Бизон Вилли по окончании съёмок выговорил центральный афоризм своей обильной мысли, рейтинг цитируемости которого побил все рекорды цитируемости:

«... Главное, что я понял, пройдя сквозь съёмки этого оснащённого голый правдой фильма: жизнь прожить – не в небо пукнуть!..»

И любой из нас, козлов, может подтвердить эту сочащуюся из бизоновых слов правду! Все мы, козлы, в этой стране – твердим в небо, и твердим это голый правдой, но какая здесь жизнь? Здесь не получается жизни! Здесь её нет, а небеса глухи и слепы к нашему твердежу, и не твердеют, оставаясь ватными!..

Имею сказать **во-вторых.**

После моей эпохальной речи на Бараньем ток-шоу “Рылом к рылу” в раскúс темы всеякости и всеядности завроСвободы, мой ватный оппонент, патриот и нищеврод, попытался позубосáзить:

«... данный гражданин ливераст хочет сказать нам, что если Любовь есть, то непременно и триппер есть! И наоборот: если в наличии – триппер, то где-то, безусловно, шастает и Любовь, шире – концепция любви. Или Симукляр Любви! А триппер – неизбежная плата за её – Любви – существование!.. Ровно так же ведь утверждается, что невиданные при Алой Рыси в таком обло мздоимство, травкомания, зверяткофилия да прочие прелести ливероидного рая – неизбежная плата за Свободу и Демакакию!..»

В чём цимес казуса? А цимес казуса в том, что именно это я и хотел сказать! Не дали. Говорю теперь.

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха девятая.

Потерю восьмого пера не обсуждали: приелось как-то. Повод утратил новизну...

... а кстати и некий, в хлам пьяный, мажор-песец учинил гибельное ДТП с дюжиной цыплят...

... ещё и оползень в дальних краях с чудными тобными похоронил сотню-другую зверушек...

... а Кархадские рыбаки в своих водах заприметили да и вытащили за хвост гигантскую Рыбу Кибер-угу со зверомирским обратным адресом на хвосте и говорящей икрой – говорящей по-росски, разумеется!.. –

СМИ было чем заняться!.. Разве что Кто-то, дюже смешливый, отметилса комментом: «... кучно пошло... ждём-с!..», – это и всё.

Сам же Попугай очередную поруху воспринял стоически, цинково тихо: не сетовал, не винил никого... Не брюзжал сам себе даже!

А что уж там в нутре его птичьём копилось да зрело – сами гадайте.

Обескураженный, убитый духом, обрелал Пúпа в трудах мирных, насущных: чистил пёрыши, не ожидая теперь новых каких подвохов. Разумелось ему: на фоне очевидного птичьего горя зверосердная Рысь вовсе забыла об острастном своём допросе: на кой он, Попугай, в Рóсские просторы заслан. Но не забыла.

— Вот что, птица засланная, вражья: пустое хватит молоты! То и вовсе без перья останешься... Вкруг всё виляешь да мимо... Цель задания?! Прямо ответствуй, не свирепи мою плоть сызнава.

Оценив да прочувствовав серьёзность намерений, осознав: не отвертеться! – Пúпа молвил со вздохом:

— Пиши! Попугай принудительно говорит добровольное признание: цель задания завербованной птицы – склонить Рысь Русь в замуж... Но не в первый попавшийся замуж: за мужа из наших!

Не сказать, чтобы Рысь изумленьем сразило, да подивило уж точно: не сразу и дальше-то молвила.

— А тебе что с того, что за прибыток, коли уж я умом вконец похуюю, да за вашего выйду?

— Мне лично – фиолетово, чипс поощрительный дадут, то и всё. Но в целом: спокойствие и предсказуемость накроют планету счастьем. Будешь, как все: управляема и прогнозируема!.. Мы уж и мужа подобрали достойного, породистого, главное – состоятельного, даже слишком!.. Можешь и не сразу: в замуж де-юре, можешь де-факто: пробно сходить, мы тебе курсы-тренинги организуем.

— И чем этот мой муж потенциальный занят, что делает, на жизнь чем зарабатывает?

— А зачем ему что-то делать?.. Он богатый, он очень богатый.

— То не зверь, получается, не самец, а паразит. Паразитов давить надо.

— Это неправильные слова, они разжигают стадную рознь в электорате. Это противоречит курсу! Всякий паразит имеет право на безбедную старость!.. К тому же, богатые паразиты – явное меньшинство, а чем меньше меньшина, тем больше прав!.. Он породистый. С такими депозитами всё можно купить: и породу, и масть, и новую мать... Он и тебе шубку новую купит и родословную!

— У меня уже есть шуба: своя, природная! А родословие моё славой да древлестью ровнять не с кем.

— Ты не понимаешь! Он же тебе шубку купит брё(н)довую, из бутика: от Дурáче или от Каббáны! И станешь ты не рыскачь в чём мать родила, а уважаемо дефилировать в крутом брё(н)де, вся такая гламурная, эротизирующая! И всех чморить, на всех плевать и гадить по праву хищницы с мужем, рыкая на непонятливых: «Муж у меня жуть как крут! Он даже похоронить завещал себя в водах, кишаших акулами: чтобы хоть труп его съели, так как живым его съесть не смоглось никому!»

— И что с того? Я пасть должна разинуть разом и упасть?! А сердце девичье, стеснённое в груди, восторгом выскочит наружу, да наземь плюхнется и затрепещет?.. Ага! Щас! По нужде вот только сбегая, и зараз: в обморок!.. А этот ваш паразит, выходит, ещё и стар?

— Богатый супруг – наша священная мечта и ливерценность! У богатых нет возраста, а есть деньги. И чем богатый муж ближе к смерти, тем он красивее да милее. Для умных и образованных самок, разумеется, к которым, как наблюдает Попугай, Рысь Русь не относится... И с чего Рысь решила, что богатый ничем не занят? Такую уймаищу денег сильно беречь-стеречь надо – от своих же, в первую голову: от сотоварищей да компаньонов, от адвокатов да целителей, от наследников да любовников, даже – от собственной охраны! Умолчим уж о налоговиках и лютый стае законников!.. И когда муж твой жданно помрёт – станешь телесериальной мечтой всех домохозяек и юных самок: прекрасной белолапкой, утончённой лентяжкой, гламурной кисой-туняждкой, светской львицей!

— Львицей становиться не собираюсь. Рысы прайдами не живут. В прайдах – блуд: то ли гаремы, то ли бордели. Грех свальный, и содомия там же... И туняждкой быть не желаю: кто не работает, тот не ест.

— Не смеши мои пúхи! Это у вас-то жёны-полюбовницы жлобярхов да свитских или же их отпрыски мажорные – работают?! А может, они пожизненно постятся – на коре да ягоде?! Между нами, птицами, – в кархадских-то пределах такого паразитства куда как меньше! Нанячнулись уже с самодурством наследников бесполезных. Папа Сво ныне строго следит за каждой мощной обозначившейся: мощна ведь как даётся, так и забирается!.. Наши-то теперь своих жлобярхов да плолитиков – от яйца, от младых когтей в нужном ракурсе выращивают: с правильным вектором носа. Не туняждцев да алкоголиков, а трудоголиков обозначенного формата! А кто и взбрыкнёт – уже на бобах сидит, или на нарах, или совсем – инфаркт нечаянный в нелапотворной катастрофе.

Рысь Русь нахмурилась: что есть, то есть! Временем и враг правду молвит, да не правды ради... Возразить же по предъявленному фактам было нечего, хотя и было! – не везде, не всё и не так плохо, как хочется думать... Однако ж, сей очевидный изъян зверомирского быта никак не оправдывал затеянного Западом коварства с посягательством на суверенитет методом замужа... Проку в дискуссиях о том Рысь не видела, сразу перешла к резюме: вздыбилась вдруг, когтями сверкнула, рыкнула так, что граниты поёжились... И Попугай, привычным уж вспугом, сызнава метнулся с дерева, но сим разом – не к Рыси: склонами вниз, где и потерялся из виду в хвоях да кронах. Когда же вернулся – с видом пониכים, потасканным – в хвосте его, и без того скудном, не хватало ещё пера: девятого. Три, стало быть, и осталось.

Из Тигра

для разумеия внятного, о чём не сказуют герои событий, описанных в “Плаче... поруха десятая” страницю дале. публикуется по изданию media-группы ‘Рык Зверомира’ | Тигр, ‘Не столь и пушистое, не так чтобы ласковое... Из меня раннего’

КОЕ-КАКИЕ СООБРАЖЕНИЯ О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ И ЛЮБВИ

вещь должна быть стóйной зя́чной сугубой
быть искренне-девственной или против того
с длинным прошлым и конечно же – абсолютно никчёмной
иначе это не вещь а приспособление...
... но при чём тут любовь?

ДРАМА ФОРС-МАЖОР

в одном действии, одном акте, без эпилога

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Гений
идеи, низвергнутые Гением злодеи, сгубившие Гения родня, друзья и недруги критики, хулители, просто знакомые
Страж у ворот при входе в БЕССМЕТРИЕ

	Действие I
	Акт I
Страж:	А эти кто?
Гений:	Они со мной.

ВАКАНТНАЯ МУЗА

была мила, чудна, в соку
была готова лечь в строку

строгают рамы значит
кто-то готовит залить в них проём окна
или вставить иномерную дверь картины
или плоскость себя

выберите адекватный, на ваш взгляд, вывод:

- в любом случае — кто-то возводит стену
- кокон твоей тесноты — фаза проёма
- любая казарма — благо ибо копит прорыв

ДОГМА

светлое будущее неизбежно это значит
от него некуда деться о чем бы ты ни жалел
поэтому сторожевые псы эволюции
по запаху распознающие классовую сущность рыщут по обе стороны широкого столбового этапа к счастью
шаг влево шаг вправо
считается побегом от того что неизбежно

СУББОТНЯЯ УБОРКА

она смахнула с зеркала пыль прошлых лиц
мужских и села рисовать своё лицо
неделя началась

ПРИЧИННАЯ ИСТИНА РЕВОЛЮЦИЙ

была ты пряма как нож
была ты правдива как ложь
была ты партийна не трожь

но как ты красива
ядрёна вошь!

НАДУМАННОЕ

трёмоло-тело и сердце-торнадо.
Гранада – страна твоей плоти, Гранада!

но нет консонансом рядом камрада:
Гранада – страна твоей страсти, Гранада!

и ты в сибирскую скучную стужу
рожаешь детей нелюбимому мужу.

и с пеплом в глазах затухаешь легато...
Гранада – страна твоей смерти, Гранада!

терпела девка береглась
да как-то враз и отдалась

не целомудрствуй! дайся вся!
мы здесь сейчас
а что потом — нас *то* забудет
и *та*
которая проснётся утром в твоём теле
стремить себя до новой цели
возможно *та* — тебя осудит
себе вчерашней скажет *нет*
...
но здесь сейчас — есть только *лзя!*
не целомудрствуй! дайся вся!
другого времени для нас не будет

«нет!» – рвалось изнутри
но разбилось о ставни рта
зной «не знаю...» плавил язык
тогда тело сказало «да!...»

и я был функцией этого роскошного тела
его звали Юлия
может и Лю́ция нет!
Бэла

ПОРТРЕТЫ СТИХИЙ

из песенника “Циклический Бестиарий”

ЧЁРНЫЙ ДРАКОН СЮАНЬЛУН

В тёмных глубинах, где воды чудачат,
Где северных скал дном основанный трон,
Гармонию, мир, доброту и удачу
Познал сокровенный Дракон.

Ночь неизбежно сменяется Утром.
И каждый познавший — и штили и тайфун,
Станет и веским, и щедрым и мудрым,
Как Чёрный Дракон Сюаньлун!

Правда любви может стать и законом
Для жизни, где более ценят бои...
Даруй же нам, Небо! — гений Дракона
И крепость его чешуи.

рs
Разумный предел и Дракону понятен.
Светило само — из света и пятен!..

СОКРОВЕННАЯ ЗМЕЯ | к образу Уробóроса

В том тёмном древнем, что не знало суть свою,
Когда вода была как твердь, а пустоша – как ветер,
Придумал Некто сокровенную Змею,
И начертал: «Се змий. Теперь за всё в ответе!»

«Он жизнь и смерть, и между ними – грань,
Добро и Зло, и грех, и искупленье,
Непостижимость он, и он же – вразумленье,
Надрыв нарывов и целитель ран.

Он щит от бездны, но и в бездну – дверь,
Он змей измен и гений революций,
Он правда хаоса и кривда конституций,
Он свет небесный, но и он же – Зверь!..»

И змей скользнул – то ли в венце, то ли с рогами,
И хладнокровием рождённый новый мир укрыл.
И в хвост вцепился – в свой! – клыками,
Дабы тот хвост чего не натворил...

...
Ждут плу́га пустоши, ждёт влаги соль земли,
Ждут сло́ва города, и свежей крови – вены...
Но упаси нас, Боже! – сея перемены,
Забыть и о двоякости, и о хвосте Змеи.

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха десятая. Протокол первый

— С возвращеньцем!.. И как там у нас, на нетуристических тропах? Шумно да тихо, весело-лихо, да лаской наотмашь?.. Жаром да стúдой?.. Жизнь нараспашку, счастье в тельняшку – в полосочку с худом?.. Уж извини, ладóм-то не успела понапутствовать в дорогу, как тó у нас принято: “ни пуха, ни пера!..”

Зубосказила Рысь смачно, с наслаждением, отыгрываясь за “пропущенную шайбу” в последнем раунде.

— Кого видел, с кем znalся? От кого весточку на хвосте принёс?.. Не от Снежного ли Нежного Барса, случаем? Он ваших дюже как любит!.. Да нет, Барс здесь не хáживает, Барс в южных пределах беспорядки дослеживает... Или на Лиса Патрjúкия, озорника, нарваться сподобило? То может, этот повсюду рыщет. И пожíвным всегда озабочен. Но Лис-то: так-то бы запросто не отпустил! – дотла б оципал, вóкорень, дозгí, до кóсти! Ещё б и должен Лíсу остался. А ничего личного: жлобизнес – в правовом беспредельном поле, для лис и затеянном!.. А может, Самомú Белведю под лапу нырнуть угораздило Попугая? Под вертикаль-то власти – запросто: всюду у нас угодить возможно: а не залетай за буйки, не стой под вертикалью!.. Но нет: не по рангу честь тебе – претерпеть от Белведя! Мо времени: когда стихóз его накрывает, а под лапой – ни пера, ни компьютера? Гуси-то все о ту пору и прячутся, знают: коли уж к Тигру муза нагрянула, жди перьев потрáту, с ними и жизнью – зарáди поэзии! Искусство требует жертв... Тигр, одним словом... – Вспомняув о Тигре, Рысь разом просветлела, аж замурныкала, а мурныканье этой огромной кошки гуще гуда электромоторного, кто в том понимает. – Кого-кого, уж его б и сама приветила радостью!.. Ты послушай, как он рычит, что он рычит! Что ни рык – то стих! Что ни стих – то песня! Что ни песня: душа тает! А коли сам замурлычет, всё нутро в истоме, всё тело сладостью ломит! – От волнения Рысь вскочила, затеяла быстро ходить по уступным плитам своего остана́ца, на ходу ж декламируя:

«... Ой, да Вишера,
песня-Вишера,
что невесела,
раскрасавица?
Горькой вísою,
Горевóй горой
слёзы катятся
студеной водой!..»

Попугай, однако ж, на ветке сидел невозмутимым, красотю тигриного слога ни разу не очарованный.

— Отстой вирши. Нафталин. Несмотря на зачётный реверанс в сторону скальдических вис... Вот стишки актуальные, продвинутые, в тренде:

«... я защищаю право среднего существа плевать в лицо гению, я за право подлеца и мастурбатора!.. – итожил некто Мюржé, агент русского царя, французской полиции и ордена иезуитов...»

— Что за скúда такая – Мюржé? Что за тварь, почему не знаю?

— Никто не знает. Говорят, людянин какой-то, которых нет совсем. А по мне – хоть марсиянин: программа обозначена верно! Можно сказать, сама суть завроСвободы: ливерценности изложены доходчиво и концентрировано.

— Одно слово: мерзóта! Про Мюржé, видать, то словцо и говóрено было... Как ты только и смел: рядом с Тигриным такую гнусь рéчить?!

— А чего ж ты в замуж за героя такого – пушистого, сладкорычívого – не стремишь в припрыжку?

Рысь смолкла, задумалась. Устремила взор мечтательный – глаз дивных, зелёных – в закатные пределы: поверх всего суетного, спешного, бытность образующего... Задумался и Попугай.

Так помолчав: задушевно, прочувственно, Пу́па заговорил уж на полном серьёзе, не фигляря:

— Дура ты, девушка!.. Какой самец! какой ратник! как пишет!.. В твитах сплетничают: по тебе сохнет недетски. А ты его – по борту!.. В замуж тебе надобно, девушка, в замуж: за Тигрушу. Хоть и недруг он нам лютый, а всё одно, спокойнее будет: и ты – не в рысках, а в предсказуемом быте, и мужик при делах: воин стреноженный, хозяйством отягощённый: не до тяжб уже, не до брани с нами! Глядишь, совсем мозгами поправится в нужную сторону: всё в дом, всё в семью, ипотека там, кредиты, карьера. Тут уж не до идей, не о чести мыслить да духе: о комфорте в гнезде! Бюргером станет дородным, почитаемым: вот и весь наш, с потрохами! Мещанство – то главная кормовая база для Папы Сво. Обыватель – и есть наше секретное оружие массового поражения! Отнюдь не пятосбрóдники: те ж на виду, их же всего – кáтышек пахучий! А вот обыватель – он везде ровным слоем рассыпан... Державу мамки твоей, Софьи, Рыси Алой, мы именно так и раскатали – в ноль: организовав обывателя порезвиться всласть безнаказанно...

всё повторится фарсом но в Начале была любовь

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха десятая. Протокол второй

— За державу матушки моей рóдной не раз уже говорила: никто её не раскатывал! Обиделась матушка. Да в одночасье сама и ушла. После уже – оскáзники-неполжйвцы, ваши да наши, всё кривдою и замазали: враками да ливерáками. Но зверомирцы в том твёрдо уверены: не погибла она, не сгнула: затаилась до времени, растворилась в грядущем. Будет ещё её, ох как будет!..

— Пусть так. Но согласись: Рысь Алая встала на путь всеобщей справедливости преждевременно: звероценоз не созрел для столь радикальной идеи. Зверьяне есть звери – не переделать!

— И что? Если, предположим, роды и были преждевременными, дальше-то что? – засунуть младенца обратно в утробу, чтоб дозрел?!

— По сути, так с вами и поступили...

— В надежде, что вместе с плодом содохнет и мать... Не случилось. Верно то говорю: не случилось! Скоро сами поймёте... Зверархический мир подходит к логической точке: к исходу. Завтра ли, послезавтра, век ли тому истечёт: но либо зверя́нства не будет вовсе, либо зверáрхии рухнут, и станет иное, проектом чего, может, эскизом, есть и была держава великая: Алая!.. Никому не удержать в вечной узде обездоленных, хоть и сделайте поголовно из них тупых потребителей. Разве что: вшить каждому чип управления. Так ведь выгрызут. С мясом и кровью – но выгрызут!.. Каждый раз, когда кто-то называет кого-то “быдлом”, он на шаг приближает зверя́нство к исходу.

— А знаешь что, Рысь? Соглашусь. Очень хочется верить. Сам-то я кто?– простая кархадская птица! Кроме вживлённых чипов да поощрительных чипсов – таким, как я, ничего не светит. Но и корм поощрительный – лишь за примерное поведение в клетках да стойлах, где мы: электорат – отбываем свой пожизненный срок ожидания. А ждём одного, утешаясь при том алкоголем, блудом, травой да иллюзиями: разделки на перья и ресторанное мясо – для хищных гурманов: с мощной и чинами... Ещё и на запчати их одряхлевшим телам... И не эволюционировать мне никогда, и в сотом даже поколении, до кого-нибудь с клыками. А мощну, если выпадет вдруг случай такой: лотереей, мезальянсной фортуной, нежданым наследством: отождмут непременно! За мощной нужен глаз, хищный глаз! Мы же, едо́мые, смотрим на мир и себя взорами скорбей, глазами утрат... Так что, Попугай хоть сейчас – в красную гвардию! И перья в масть имеются!.. Беда в том, что наши хозяева повторно Алой державы никак не допустят. Всех в ядерном кáле утопят, но – не допустят!

Последнюю фразу Попугай кричал уже – во всю глоть, но и оборвался тут же, замкнув клюв наглухо, после – лишь булькал всхлипами: то ли от фатальной безысходности, то ли от страха за крамольные речи...

В гуще кустов, которых здесь не было, которые бежали, но ради такого уже и вернулись, Кто-то проникновенно наигрывал на рояле Марсельезу. Проку́дливо дерево насвистывало в такт Интернационал. На явочных норах в песчаных отрогах Барсук Троцкий, смахнув скудную слезу коммунара, удвоил паёк на откорм свирепой Свободы, коя до срока томилась в клéтях – в наморднике. Жалюзи паскудного быта на миг отвернули ламéли, и из щелей полезла адская сволочь, требуя всем по потребностям...

... только Эхо молчало, мудро прикрывшись профилактическими работами.

Но в объёме мирской суеты всё и затухло. Марсельезу взяли на работу гимном буржуазии. Интернационал устроился в профсоюзы – Большим Аргументом: теперь в школеда. Вождь Барсук неслабо пополнил счета. Мегера Свобода пошла на панель – в поисках смысла и содержания... Пúпа разом опомнился:

— Что проку в несбыточном? Безопасней о личном!.. – Попугай возвратился к предписанной теме с явным облегчением: – За мужа нашего, зверюгу богатую, Рысь не хочет, то уже ясно... И молодец: овцой бы лохматой была, если бы клюнула: ведь активы того муженька – это что? Это чернила в гроссбухах, электронные импульсы да бумага зелёная, ничем не обеспеченная: мы ту бумагу печатаем в день по вагону! А твоё приданное – недра, просторы, вóды и вóздухи, и его муженёк оборотистый в миг бы отсвоил, к профиту приладил, а выдоив всё – разом развёлся б, после и выгнал: голой овцой, бесприютною нищенкой! Или сдал в зоопарк. То и вовсе – на мясо!.. Попугай говорит так от сердца, во все откровения. Кирдык ему будет за это в конторе.

— Да ладно, брось жутей-то нагонять! О том на каждом форуме грáчат. Тоже мне, тайна!

— Забудь... Не хочешь за нашего, твоё право... что ж за Тигра-то не идёшь?

— Вредная я. И привередливая... От веку велось так у нас, Рысей: воздать должное героям земным – воздадим, да не шибко их балуем... Рысей всё больше к Небесному тянет...

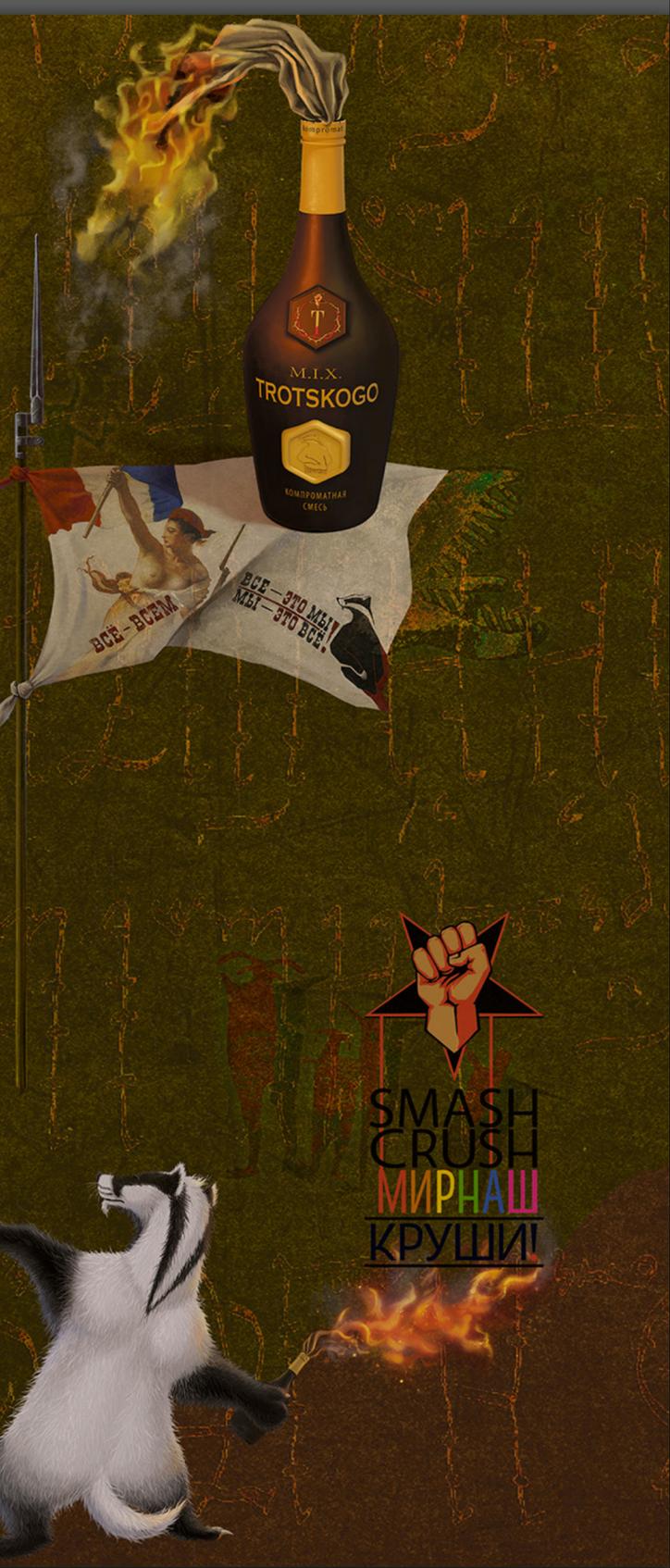
— То-то бры-вопли ваши кошачьи всё окрест неистовством лютым смущают, спать не дают...

— Так всякое бывает. И всякие бывают. Кто от течки до течки живёт, а кто и Попугая сейчас загрызёт.

— Да хватит уже грозиться: Попугай и без того за правду претерпел немеряно!

— Ладно, живи! Тень истины в твоих речах имеется, уже немало... А Тигр, что Тигр? Оно конечно – Тигр! У него ж не только пасть, у него – тело!.. – Рысь снова мечтательно и густо замурныкала. – Но я ж его ради державного от себя оберегаю, можно считать: спасаю культурный фонд!

Сказать, что последняя реплика Рыси взорвала инет – ничего не сказать...

... взапуски, вперегóнки мчались по форумам комменты смачных сабжей:

«... Рысь поступаете личным ради культуры!..»

«... Тигр – жертва рысьего патриотизма и рысьей упёртости!..»

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха десятая. Протокол третий

— У нас ведь исстари как заведено: отнюдь не напасти, не козни – именно самки, любимые да любящие, собственнолопно сводят в могилы своих дюжих самцов: богатырей, мудрецов, аэдов, да не их одних – топят в пучинах семьи и бездумного быта! Не все, не всегда, но в целом:

«... Весь мир ему играет туш, а дома он объелся груш!..»

Любая – почти любая! самка рано или поздно встаёт на тропу Кабанихи Ху с её “гениальными рецептами” типа:

«... главное ваше оружие – любовь самца... страсть, вожделение... годы привычки и благодарности... превратите привязанность к вам самца в роскошную удавку на его шее!..»

Вот и оберегаю я Тигрушу, и себя заодно, от непоправимого счастья!

— Попугай думал: это авторитарный режим гнобит и душит всё лучшее в стаде.

— Я тоже так думала, то и верно отчасти: самцам дюжим несладко уживается с любой властью! Не только ведь наша – и всякая держава усердием отметилась в потраве сынов великих. Но самки-то – чаще. Власть – она где? Она далеко громоздится, высоко гнездится! Ей до бы́тного, суетного ещё снизойти надо: повод сурьезный тому потребен. А самка супружняя – завсегда рядом... И декабристок из нас всегда – одна на десять: не любят самки находиться внутри подвига, вершить тот подвиг соратно с Героем... их дело: восхищаться уже совершенным, да профиты от того пользоваться. А чтобы сорátовать долго да трудно в том, где исход ещё в целом не ясен, то уж увольте!.. Вот самой, в одиночку, “я-шамá” – пожалуйста: лося́ на ходу остановим, в горящую нóру войдём! После и сетовать будем: где ж оно – хвалёное тó, плечо-то самцовое?! Самец, мол, совсем измельчал!.. А подставь он плечо – загрызём, изведём: ты куда ж, самец, точно слон, – лезешь в наше самочье, хрупкое?! Жёнам ведь фиолетово, что мужик там космический корабль построил, “Войну и Мир” написал, Северный Полюс покорил: это он, типа, всё для себя, эго своё тешит! А вот понять простых бытовых очевидностей, подстроиться в унисон женскому ладу – не может, носорог толстокожий!..

Рысь занервничала, привскочила вдруг, затеяла бурно вылизываться, выкусывая при том клóпья жáра, которого вокруг не было, но был в теле – и тревожил её, кусал... Успокоившись, вновь попыталась улечься, подобрав своеобразную вещаемым ею непростым бабьим истинам позу. Не получилось.

— Не все самки такие, не все! Я не такая. Но боюсь такой стать... Нравен он мне, дюже как нравен...

Не морская ж вода в моих жилах – кровь горячая. Но и лютая: не удушить бы ненаглядного хищной самочьей верностью, не пожрать бы его крокодилom любви... Пока я девушка, и себе и ему – в ráдование. А в замуже наступит быт: рутина с тя́глым вперемес... Все мы, самки, сотканы светом и трауром: любить – до костей, разводиться вдребезги! Это тебе не ми-ми-ми в завитушках, это гибридная война-любовь полов, чуешь? Идеологии в сторонке завистью давятся.

— Попугай смотрит на Рысь, потом смотрит на свой хвост, и почему-то охотно верит!..

Неумная шутка, однако ж, не услышалась: унесло её прочь заблудившемся ветерком, и Пúпа погрустнел. Да не сник – напротив: приосанился в печальной, но гордой позе Чайльд-Гáрольда на обрывном краю.

— Впрочем, и в наших пенатах не всегда возвышенную личность самки должным образом ценят!..

Рысь зыркнула пристально на воссевшего Байроном Попугая, хмыкнула украдкой, да после вдруг и прочувствовала: изумрудные глáзы потептели, уже не жéлили жалостью да насмешкою: лучистым глядели состраданием. И молвила далее Рысь вовсе нежно, ровно вешний ручей зажурчал, орошая былинку травяную, зацвести вознамерившуюся:

— Я тебя понимаю!.. Да ты красави!.. И ума выдающегося птица!.. Дуры они, эти ваши бабы щебечущие – в завитках ароматов, да к пустельгам порхающие!.. А как славно ты дурашливым “попкой” актёрствуешь, чуть было сама не поверила! Тебе бы в театр наш какой, где ещё артисты большого полёта: не тылами вертлявые – требуются!.. А в наших-то сказах “дурак” – самым умным выходит!

— Попугай всегда знал, что он – стусок интеллекта!.. Рысь и вправду так думает?! Вот верно ж у вас говорят: где съедят, допрежь не узнаешь, где полюбят, наперёд не поймёшь!.. Ты ведь тоже – зверь чудный, самка красоты незабываемой! И за тобой – уж точно: за каменной стеной! Сам бы в замуж позвал, да понимаешь же – габариты кой-чего не совсем чтобы те, не рысьи, прямо скажем!.. Мне вот хватает, но тебе...

Рысь с наслаждением, громко, взапой рассмеялась чувственным, грудным, задорным смехом. Где-то в высях, в перламутрово-белом, отозвалось бодрым стаккато: волхв́ы небесных роялей распустили персты!.. Всё вокруг захотало, взвеселилось, и непрочные камни уступов посыпались градом – прýдали отбóями в такт по земле... Рысь же, сквозь приступы смеха, сурьезное вставить пыталась:

— Да я ж, ради мира во всём мире, и согласилась бы, но ведь кто ж допустит? – никто: ни наши, ни ваши!.. И миссия на мне, понимаешь: о гóрнем, высоком душа тоскует, куда бы тело не манило!.. А чудная б из нас парочка случилась: ты б меня летать научил, я б тебя – кабана заваливать!.. По обе стороны Атлáнтовых Вод взвыли б все трéхэтажным сопрано!..

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха десятая. Протокол четвёртый

И верно молвила Рысь: не то что альянс там какой – брачный, дружеский, кружок ли по интересам, – просто потепление, просто чуть обозначившийся прогресс в согласиях меж Рысью и Попугаем – устраивали мало кого, да вернее сказать – никого. Никого, кроме них.

Птица-попугай Пүпа кархадский был частью западного электората – народ, поголовье: едёмое большинство, хоть сам себя и относил к меньш́инам. Да ведь настоящие, не декларируемые меньш́ины – это синклиты управителей. Все иные – для отвода глаз и гнёвов. По типу заземления...

Рысь Русь и вовсе – душа Зверомира, олицетворение всего рб́ского.

Что ж выходило? Народы – через головы управителей, контор-институтов, фондов-ассоциаций, горламентских ассамблей да Семёрок-Шестёрок, Трёхсторонних комиссий и Бильдербергских клубов – консенсус несанкционированный затеяли? Приязненный диалог самочинно учинили?.. Непорядок! Такой плюрализм нам не нужен. Того и гляди, открытые фронтá замороточáт, а сколько средств безвозвратно вложили, чтобы те фронтá пооткрывать!.. И должны меры были приняты безотлагательно:

Где-то что-то подвинтили: “где-то” – напечатали, “что-то” – слили. Где-то в гетто кто-то выступил... В других “где-то” заявили протест. Что могли – замазали, что не смогли – заврали, попутно поработали над интерьерами памяти. Интернеты гудели гра́чами, неполж́ивцы и совестливые верещали в три смены, под сурдинку разбомбили неких террористов и пять стран, оказавшихся рядом...

В тушканчиках обнаружили ГМО, на Светиле Соль – незапатентованные следы. В гигантском коллáйдере поймали за хвост нашкодившую давным-давно частицу, объявленную в международный розыск, но за гонимую кроху вступились правозащитники, и её отпустили. В начальных классах ввели предмет “Основы секстремизма”, несогласных же родителей съели: публично, под аплодисменты детей...

Королева Пингвинов срочно вышла замуж за бисексуальный айсберг. Рыбы кибер-уги совсем озверели: где стаями, где жидкими косячками стали выползать на берег и требовать политического убежища. В Космосе обнаружили величайшую бюджетную дыру: совсем чёрную, откуда не вернулся ещё ни один рубль. А ррэпер Епталдык Ербóхом-аглы выложил на “Ты-пень” эпический хит, собравший триллион просмотров, что стало новым рекордом Пня...

... и в сумбуре этой экстренно учинённой движухи, ещё и воспользовавшись кратким отсутствием Рыси, отлучившейся по нужде, Кто-то из кустов, обмотавшийся шкурой, долженствующей имитировать рысью, но больше напоминающую шкуру морского свинёныша Куя, открытым текстом вырвал из хвоста Попугая перо – десятое в списке утерянных, при том оглашая окрестности лютыми писками злобы, неопровержимо указывающими на Рысь как агрессора.

После чего этот же Кто-то, в шкурке Куя, раскланявшись на камеры, артистично швырнул перо-улику вниз: с обрыва, в пропасть, в бушующие мрачные воды гиблой и варварской реки, безнадёжно отставшей от мейнстрима цивилизации, текущей далеко в стороне от активных русел и анналов прогресса...

... и сиротливое перо чёрного цвета – плавно и атмосферно, крупным планом – заскользило по воздуху в прощальном вальсе: навстречу Оскару...

Перьев в хвосте Попугая осталось два: одно чёрное, одно красное. Всего два.

Кто-то, – не тот Кто-то, который был в кустах, а стал в шкурке Куя, – кто-то с полей пропел хором:

«... То ли солнышко, то ли буря.

То ли счастья нам, то ли дуля!...»

76

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха одиннадцатая

Рысь Русь и Попугай – оба ошеломлённые, онемевшие от вьязе чинимого произвола, в коем же уготовили им, не спросяся, роли заглавные, – на миг и застыли, как вóпы усопших – в камне руин. Но только ж на миг:

Рысь вздыбила шерсти, напру́жилась, оскалилась люто... загудела студящим кровь рыком... Попугай, опомнясь, ветры пустил... да икнул... да всхлипнул надсадно... горлом прокеркал невнятное, мутное что-то, матерно-горькое... тут и зашёлся разом в исто́нном – купно всем, им когда-либо слышанным: вóями-вóями, плачами-рёвами – птиц и зверей, и природных явлений, и не́житной жути, и людянских унывных рыданий...

... и взорвалась спонтанно безадресным бунтом обуютая птица:

умом потемнясь, сама же – клювом своим – перо из хвоста и повырвала: предпоследнее, то, что было когда-то, в хвосте полнопёром, одиннадцатым!

— Да подавитесь вы вашими перьями, скúды!..

Вам нужен бесхвостый, бесхвостый, бесхвостый совсем Попугай?! Он у вас будет!..

Обезумев насквозь, клювом вцепился уж было в перо и последнее, красное, да Рысь помешала: аки молния, быстрая, в броске феерическом – с камня на ветку – Рысь метнулась и мягкой лапой своею клюв отвадила: от пера, ещё не порушенного...

а при том – вот уж чудо! – сухая криву́лина ветки не хрустнула, не сломилась под тяжестью зверя немалого... уж воистину: чудо! хоть и не́житное... но добро, как и зло – есть привычка...

и сказало Прокúдливо дерево веско, но ласково:

— Рысь – дюже правильный зверь, уважаю!

В тот же миг, вдохновившись от рысёго подвига, и с кустами бесчинными дерево люто расправилось: с теми кустами, которых здесь не было, но на нервы давили исправно, и ведь так докучали, что и не́жити жить в той доуке совсем неуютно... тут и случай сура́зный – гнев свой явить – представился не́жити...

... но даром-то дереву дело благое с рук-ветвей не сошло: как-то вдруг на сучьях корявых обозначились почки... бухнуть затеяли... всем же известно: для дерева злого зазеленеть – что ославиться зóрно!..

... и Кто-то, тот самый, что из кустов, – лишившись кустов: их напрочь не стало, – ровно крапивой ошпаренный, бегал по дрóмам таёжным да глухомяням: совсем нагишом, одно причиндалы прикрывши ветóхой, ранее бывшей шкуркой морского свинёныша Куя... да гнали ж его ото всюду, кóлким шпыняли... даже местная лёшеть и прочая не́жить над ним изгалялась: швыряли вослед комыя грязи да рудные сгустки, из коих берíлы – для глаза красиво, но больно для тела – дюже торчали!... да заблудила та лешеть изгоя вконец безвозвратно... в том заблúде, однако ж, он и обжился: растворился в глубоких пещерах, где долго пугал гулким квóхтом туристов настырных...

Что ж до Рыси – óбняла бережно Рысь Попугая могутною лапой, коей не раз подминала всякой крупности зверя, но здесь – обымáла словно кро́хость саму, нежно касаясь плеча поруганной птицы, обезумевшей в горе, мерой которому: море! И мурлыкала Рысь и турлыкала, ворковала да напевала:

— Злая судьба тебе выпала, птица!.. На меня ж не серчай, коли слово какое, к пернатости злое, и молвила: говорила в запале. Ты же, как тать, заявился: без упрежденья... Знать мне откуда же было, что ты за птица?! Вот и молвила резко, что думала, дура я рыжая... Не серчай на Рысь Русь, птица гáрная: Рысь по жизни всегда – зверосердная, кроткая, коли ж к ней – не клыком, а душою открыто!

— Зачем же ты так говоришь, что как думаешь? И без того Попугай знает, что Рысь о нём думает. Рысь тоже знает, что о ней думает птица. И оба мы знаем, что знаем, кто что о ком и как думает... Зачем же об это-то – вслух?.. Разве ж нельзя – о лазóрях, что в небе, о лепых закатах?.. Не тебе говорю – всем говорю: и нашим и вашим... раньше б так не сказал – теперь говорю: да! не способствует настрою ликующему текущая вместе с нами эпоха: скупа на гóрнее, обильна вычурным... и зла немеряно, в тогу прогресса, якобы дóлжного, ряженного... мир злéет, то да... но зачем злéем мы?..

Рысь обомлела: от красоты парадигм, от мудрых глаголов, явленных птицей...

Сама ж к тем словам-валунам не приспéшила даже – и вскользь, и ящёркой речи сопутной, дабы ничем не смутить, не порушить величие слога, возводящего лéствицу в небо от дна: от нас, от скомканных бытом... Восхищённо молчала.

В сумерках таял последний день августа високосного шестнадцатого года в бесславном пока ещё XXI веке...

О вéтре, ветрило!

ты пёрья зачем уносило?

попугаевы пёрья, рулящие, хвост чудо-дивный перящие!

А и было тех перьев двенадцать: славная дюжина!

А осталось одно перо, алое, да кручинушка дюжая.

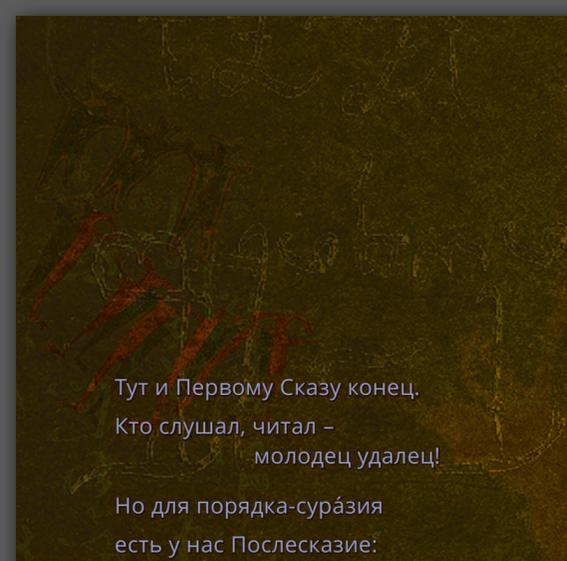
Так и сидели – в обнимку, в молчбé. Рб́ская Рысь и кархáдская птица.

Дни, вечера – шелестели мимо. И опали. Подобно жухлой листве и высохшей хвое.

Продолжение следует.

... непременно следует, ибо от горизонта – от скóла окоёмного, от предела лезвийного – куда сей только миг и скатилась последняя капля Светила – сверкнул Луч Зелёный: Свет живой, цвет Надежды.

77

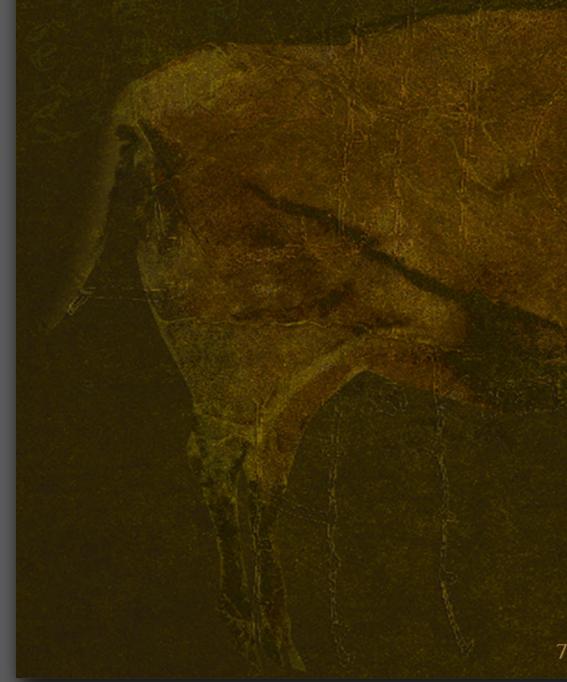
Тут и Первому Сказу конец.

Кто слушал, читал –
молодец удалец!

Но для порядка-сурázия
есть у нас Послесказие:

Послесказие

1. Молвы о Птице надмирной | дайджест
2. Стяги Зверомира
3. Рысь Русь: откуда рысь пошла
4. Зверомирцы, о коих в следующих Сказах поведано будет

Послесказие 1. Молвы о Птице надмирной | дайджест

«... не в вотчинах отчих, не в коренных, не в землях соседских и не в иных... братских ли, вражних... и не в соседних галактиках даже... не в пыльных межзвёздных пустынях, Бездну сосуших за тёмное вымя... нигде – где хоть йота чего-то, хоть всплеск, хоть шёпот, хоть ропот! – нигде, где удел именам и вещам... но и не там – где не-тьма и не-свет, и материи – нет: нет смыслов, рутин, а в рутинах – живущего: где на сущее – вето... нигде!... а всё ж таки – где-то...»

... мол, где-то – в малопредставимом селенском континууме – живёт сама по себе да вольно плывёт дивность эпическая: Янтарь-Острова, Сто́льным Островом Янтр предводимые...

... и явлен архипелаг сей одномоментно во всех параллельных Мирах Мультивселенной...

... да служба ему назначена: корпеть сингулярной – единственной, стало быть, точкой пересечения бытий...

... и точный адрес пересылочного меж Мирами пункта также известен: Сокровенное Озеро Плазмы, что на Острове Янтр, Пуповиной Миров ещё прозываемое...

... редкие избранные там бывали, янтарные мёд-пиво пивали, во иные Миры проникали, да Сказы скáзные о том нам завещали – те, кто вернулся, вестимо...

... Мудрецы ж всех стезей, зверософы зверомудрые – и те, что провидлевы в розмыслах, и те, что ритáнские (науки неймút, а гранты вкушают) – о тех же материях так заявляли – хитро, умозрительно-как-бы, “предполагая”:

«... если такое и есть, –

почему б и не быть? – всякие дивности в неисчислимой Селенной доступны дерзости мозга! –

то логично бы предположить, что Янтарь-Острова те – обиталище Птицы мифической: Славы...

той самой, что верховодит над всем в столь же мифическом Мире Высших стихий, Энергий и Смыслов...

... впрочем, всё это – мало-научно... почти невозможно... разве что: дерзости мозга доступны!..»

... но если ж, тому вопреки: статистической физике, термодинамике, феноменологии в целом, –

Птица надмирная – “такو бысть, тако есть, тако буди”, – то, по всем вероятиям,

существо это быть бы должно эукариóтом из надцарства (домена) живых организмов...

а ещё вероятней: оно (существо) – есть субстанция не-органической масти... то и совсем: “не-материя” вовсе...

нечто иное: инакобытующая сущность, суть над сущью иных – инако бытующих там же!..»

Те мудрецы заверяют, что понимают, что говорят. Верим.

... А поэты (рапсоды, аэды) – такое вещали:

«... Янтарь-Острова – сурázны гармонии, коя же есть золотая секвенция собóрных пóмыслов мыслящей плоти... да восходит секвенция та – в Вёрхи: то ль в небеса, то ль в запределье... а длится то светлого – со времени óно, нигде не кончаясь, ибо всё – бой, а кóда лишь снится!..» – и далé такую плели диатонику, в благозвучиях коей сами тонули – вместе со смыслами... блюз, да и только!

... А креаклы (с ними ж – зверяклы) Янтр – Стольный Остров – себе представляли тотальной клавишей Зевса, реально крутой: superEnter на клавиатуре Зверенной... при том что публично – ни в Острова, ни в Славу (Птицу) не верили... как и в иное во всё, кем-то другим, кроме них, почитаемое... зверы ж любые – трóллили зло и подсмехали... но – ничтоже сумняшеся, без дискомфорта в органах смысловарения, – уверены были:

стоит лишь только удумать им дюжим своим креативом кчёмность какую иль сервис, да с помощью оных добраться до клавиши Зевса... нажать! – с неперменной, понятно, трансляцией подвига стримом в инете – мир фазово разом изменится к лучшему:

все станут скопом и враз позитивными, светлыми, на всё беспроблемными... а в беспроблемности той – дюже затейливыми!.. сласть власти правления будет делиться меж одними креаклами!.. самим же креаклам в стопятысот раз увеличат зарплаты, при том – освободив от работы, бо: «...мы рождены не работать, а быть не такими, как все!..» а вот ватники-нищоброды-нормалы и противный-противный-противный-противный весь Зверомир – исчезнут, изникнут, избудут сами собой: в никуда... навсегда... совсем отовсюду: с улиц, пляжей, картин, из бюджетов, из интернетов, бутиков, стильных салонов, продвинутых тус и борделей, клубов, баров, кафе, туалетов и педивикий!.. и будет всем мир и полная Врóпа!

... Официальная же доктрина Зáпадла (накерканная, разумеется, Папой Сво, завроящером) гласила:

отрицание несуществования цитадели зла – Янтарь-Остров, равно и кровавого Чудища авторитарного:

Птицы Славы – преследуется Законом и всем/всеми, кто способен держать в лапах дреколье, гасило,

кистень, или же просто кусаться – с диванов и нор! откуда и пакостить, троллить, чморить, изводить да губить!..

... но источники верные бают: сам же курвяжищо Сво – для своих, по секрету (чтоб слили) – и намекал: мол, типа того что-то есть... но существует не в дискурсной яви, не в соборном сознательном... даже не в стадном подвальном, крепко запрятанном!.. а симулятивно: как бы в абсурде, в безумии, как-бы-в-игре... а кто у нас в игры-то верит на полном сурьёзе? – верно! лишь фишки, карты, игрушки... кегли, ворота, мячи... трусики Барби, чупсы и чипсы... да так-то и есть: играть-то можно, но не снюхать, не съесть... не вдуть, не отнять, не продать!.. – симулякр, пропаганда, масты́рка... морковка, дурь, леденец для “забитых зверей” Зверомира!..

... Чаще ж всего предстаёт Птица Слава в телесном обличи любимцам своим – зверомирцам: обликом вельми прекрасным, возвышенным: исполинских размеров густо пернатая птица, осанкою – царственна, ликом – грóзкая,

но строгость не злая – благáя: ибо добро и должно быть с мощным острастным клювом, загнутым к бою, да дюже когтистыми сильными лапами, металлы крушащими, дабы зло и всякая погань издали зрели, на что посягают!

И для нас, зверомирцев, – для всех: кто и мудр, кто не очень, чтоб дюже, но со здоровыми смыслами дружен, и для тех, кто больше живёт в ощущениях: чўем, – Птица Слава и всё, с нею что связано, – и несомненно, и непреложно. Заветное и сокровенное!..

Слава – наша идея породная.

Если же кто, вдруг, – из заметливых, бдительных, – насторожится к предъявленным фактам:

о влечении Славы в быт зверомирский, да не узором мишўрным – фоновой нитью! – а нет ли тут, дескать, в оном антропоморфизме, – тотемного тёмного, поклонения тварям и духам (всяко: грех анимизма!..)

да не явственен ли вовсе – приторный с горечью запах неоязычества?! –

так успокоим: вздор же! пустое... пóлох напрасный: языческой яви, а равño яви хтонической – наша Птица надмирная, вовсе не ровня. И не родня.

И – не в соседстве... не в заединстве.

И – не в приязни!..

Даже просто мóлчбным согласиём зверомирская Слава не причастна к разно-язычествам!

... о чём – и не раз! – толковано нами и было: в Энциклопедии Большой Зверомирской!..

да вот, хоть в разделе 2-3 «Зверосмыслие», в коем статья есть: 2-3.01 «Картина Смысла».

Стяг Рыси

Стяг Белведя

Стяг Сестры Победы

Стяг Тигра

Стяг Тура

Стяг Барса

Стяг Лиса

Стяг Барсука

Козлостяг

Стяги Зверомира

Послесказие 2. Стяги Зверомира

«... взбодно стяга не стави... поставив – не бзди!..»

encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’
| статья 2а4-ст. ‘Стяги Зверомира’

Наиболее чтимые звёросы Зверомира владеют наследуемыми родо-именными Стягами –

сиречь Воинское знамя, возносимое на древке, к которому крепится широкой стороною клин яркой ткани, коя для всякого Стяга крашена своим – родовой геральдики цветом, с нашитою на тот клин о двух сторонах эмблемою нынешнего наследного держателя стяга,

узкий же конец клина – очень длинный, из-за чего полотнище как бы струится, “стелется по ветру”,

на верхнем же конце Стяга: металлический острожок – наверхие в виде наконечника копья, под которым укреплена чёлка – крашенный пучок пушной космы, хвоста или гривы.

Издревле – со времён, ещё памятных, Золотого века, когда Стяги первые и училились, и делались – на полотнища для них брали ткани особые:

золотниковые, сиречь драгоценные – тончайшие льняные пряжи: Сказский – он же царский – виссон, ещё прозываемый Златорунною тканью или: “Золотое руно”,

и сотканы те полотнища были в древней Колхиде, многославной державе:

по сказам одним – находилась она в Приазовье, в устье, дюже обильном, реки Танаис, наречённую позже: река Дон...

по сказам другим – на берегах реки Риони, что в Хрузии – ныне робкой окраине, коя славу предков и процветание в славном союзе со Зверомиром на подвладычность кархадцам сменила, да разом поблекла и оскудела...

А пряжи эти имеют тонкость – танину – от №5000 до №10000.

Для несведущих в сём, но пытливых, отметим: танина́, сиречь метрический номер пряжи — есть в метрах длина одного грамма нити.

К примеру: нить бытовая №40, коя для стáвленья пуговиц предназначена, так истолковывается: сорок метров означенной нити грамм и велят...

Метр же квадратный ткани, прозываемой “сотканый воздух”, коей танина́ №5000, – весом своим изумляет: пять граммов!..

Иные ж за пряжу золотниковую готовы были платить – и платили! – чистым золотом: за один только грамм ткани подобной, сообразно её номеру тонкости – золота от десятины кило до килограмма отвешивали.

Надевают же Стяги на древки токмо прежь битвы – уже неминуемой!

Не зря же пращурьы зверомирские, матёрые ратники, горячечную мо́лодь так наставляли:

«... взбодно стяга не ста́ви... поставив – не бзди!..»

И речение: “стяг поставить” – то и значит: “войну объявить”.

Речение ж: “не поставиши стяга” – “врасплох быть застигнутым вражею силой”...

... Оттого-то ныне зверомирские Стяги соборно и распущены:

ибо война есть нам всем, зверомирцам: от стороны Западной, –

буде война та и гибридна, буде и “стылым миром” прозываема: от того не менее лютая, коли не более, ибо без чести, без правил, без доблести, но подлостью, изветом – по-та́тски и зля́тски – та война учиняется!..

Полагают, что Стягами Зверомир одарила Птица Слава, да ведают то достоверно – сама она, ещё Сказский Тур, –

ибо Стяг переходит из поколения в поколение, меняясь лишь именною эмблемою на полотняном клине,

а откуда те Стяги взялись наперво, потомками уж и забыто... коли и помнится, то боле – легендой, мифом, преданием...

Даже Козёл имеет козлиный свой стяг – козлостяг, поелику формально Козёл – зверомирец.

Но флаг свой Козёл не унаследовал от героических предков –

тот славный “Стяг Мархура и Козерога” хранится до поры у самой Птицы Славы: на Острове Янтр, – а свой “козлостяг” он заказал в модной салоне, у зеряклов вихлявых, те и сдюжили “восхитительно стильный такой флажок”:

на коротеньком древке приторочена синтетическая тряпица, коя оканчивается двумя хвостами, именуемыми также косяцами,

и крашена та тряпица гламурная в ЛГПТ-шечку, сиречь – шестью актуальными ЛГПТ-красочками.

Собственно, полотнище козлиного стяга – по форме и по раскрасу – воспроизводит до точности символ-эмблему “Мандала Пёстрых”,

а наверхишем древка является символ-эмблема “козлóпис”...

Сказ отдельный – Стяг Барсука, именуемый также: “Сакральная простыня Революции”.

Видом же Стяг сей чуден изрядно:

на древко насажен неотъёмный та́вровый штык, в сечении – буквою «Т»,

для полотнища взята раритетная “Сакральная простынь”, кою, по слухам, Барсуку подарила людянская революционная буржуазия,

тем самым демонстрируя как-бы-преемственность революционных традиций и круговорот революций в Мирах... но злые языки уверяют: простынь сия – уж коли и есть раритет, так бурной юности мэтра, ходока-то известного...

а идею попользовать простынь в качестве зна́мени и знамёния бунта – Барсуку подсказали в Кархадских озверяющих Центрах, то и вовсе – сам Папа Сво, он же одобрил дизайн...

... если же следовать официальной, сиречь барсуковой, версии – данная простыня явилась Разномирам в Людьянии – на баррикадах трёхдневной революции июля 1830 людянского года во Франции,

где все классы и кассы,

да с ними и деклассированные – кто вовсе без денежной массы – объединились в задорном и ливера́стном порыве: сменить одного тирана-монарха – Карла X Бурбона, который делиться ни с кем не хотел, на “вовсе-другого” – Луи-Филиппа Орлеанского, родственника Карла Бурбона, который делиться всем обещал и ливера́тию – поощрял...

да делился недолго: дней пять... отчего замаячили призрак революции последующих – кои и сбылись!

недаром же “простынь Сакральная” – убрызгана кровью да в пятнах вся подозрительных – биологических явно:

утверждают иные: сия простыня принадлежала одной из самых яростных “фурий” восстания, то – по совместительству, на постоянной же основе – была она известной “работницей” на тех же парижских улочках, где и вознеслись баррикады, мастерницей-ударницей в древнейшей из известных профессий... да подробно о сём поведано там, где и должно: в Энциклопедии нашей – Большой Зверомирской, в статье “Барсук Троцкий”.

Славные Стяги Зверомира, до того или иного звёроса относимые, описываются нами в конце каждой статьи Энциклопедии, кои статьи повествуют о зверомирцах – нынешних предводителях своих родóв-звёросов, принявшие Стяги – по наследству, по преемственности, а имя своё к ним вписавши – по заслугам:

держаче те Стяги не клонимыми врагу поганому, но к вящей Славе Отечества – взнесенными!

Послесказие 3. Рысь Русь: откуда рысть пошла

Не пора ли нам, братьие, допрежь Сказ поверша́ть, о деве самóй, о дивой Рысь-Рүси пове́дати?!

И по вымыслам ветхим: по делам предтеч её – предков-рысичей славных,

и по былям нынешним: взору Мира явившим де́вицу с норовом.

фабула первая: Согласие верховому правлению и россский бунт

Вéдомо:

«... Рысь Русь была девушкою правил строгих: владеть ею никто не владел, волю её никто не безволил, а кто и пробовал – тех кости в земле, чернеют-тлеют, да имена рассеяны в пыль...»

Писано так в “Тайных Сказах о Птице Славе”, да кто есть: Рысь Русь? Откуда она рысь пошла?

Рысь Русь из Славного Рода рысичей есть собирательница земель Рóсских: предводительница и хозяйка просторов.

В отличие от Правителя Рóси, коему по должности вменена вся ёмность официальной верховной власти,

Рысь Русь не наделена полномочиями вовсе: ни чинами, ни должностными мóгами. А и каковую табель удумать возможно для той, кто есть – душа Рóсских просторов?!

То ведь недаром:

“согласие главное” верховому правлению – власти верховной – в Рóси исходит отнюдь не от доблестных ратников, хотя и от них тоже, не от сословия служилого да сословия оборотистого, хотя и от них также, и не от властителей дум даже – от мудрецов-зверóсофов да поэтов-аздов, хотя без них не обходится! тем уж более – не от матёрых прожжённых татей-патриотов, подобных Лису Патрикию, хотя и они при делах, ибо везде – первые, –

согласие верховому правлению – в первую очередь, и последнюю – должно исходить от Рысей, воплощающих Волю Великой Рóсской Ёми.

Коли ж такого согласия нет:

не сразу, так погода – но быть беде: рóсскому зверобунту, который беспощаден, а для взора предвзятого – бессмыслен.

На самом же деле: всё там “со смыслом”, и почему да зачем – тоже всем ясно:

ибо *мессиджу* меньшему, чем “в глотку клыком да хребтом об оглоблю” – самозваная, ли несправедная, ли зарвавшаяся власть не внемлет...

... и все злоречения о “бессмысленных бунтах”, буде и с пруфами – на солнцеликого Александра Сергеевича, мудреца-и-поэта людянского, во всех Мирах одинако великого, однако ж:

к властьюдержавшим вплотную стоящим был, да и сам: от крепостных владений частью кормился, (... к слову ж: “души” те крепостные, родню да семью поэта частично кормящие, коль скоро он стал помещиком-барином, – прежь того буйным нравом своим бунтовским дюже славились!..)

– все те речи лукавы, цель же их однокая: заболтать ловким словом поруху – смуте причинную, несправедность – мятежу предстоящую, несправедливость, в закон возведённую, да неизбежно к бунту ведущую!

... Лукавы те речи о гневах народных, в бунты ринутых. И лгут же – ссылаясь на поэта великого, вырвав сочное слово – одно лишь! – из сказа, в коем деяния злые, к смуте ведущие, и обозначены.

Сами ж бунты, и верно: дело паскудное, дюже кровавое! И несправедны – чаще всего – много больше исходного,

ибо движет бунтом в зачале не рóзмысл, а перезревшая ненависть, и уж после – коли бунт не раздавлен, сам ли в крови да бесчинствах не захлебнулся, – лишь после: мечь накормив до кровавой отрыжки, – после только и вспомнят о справедливости, ради которой и зачиналось...

Но пока иного пути – к ней, к справедливости – явлено не было.

Посему уж пора бы иным вразумиться на опыте горьком: минувших замятен – ибо клыков да оглоблей в державе меньше не стало.

фабула вторая: Узурпация власти, возрождение Зверомира и вопрос без ответа о рысьей справедливости

Однако ж:

нередко, более чем нередко! именно вопреки тому “согласию главному” – верховую власть узурпируют проходимцы, тати, то и вовсе – изменники да отступники: ренегаты, кои враги есть и ненавистники лютые: всего отчего, кои Западлу денно молятся да на идолице звероидное – Завроящера Сво,

что приносит беды неисчислимы зверомирцам, порою ж – сокрушительные, гибельные, до, казалось бы, полного изникновения Зверомира.

Но каждый раз Зверомир восстаёт, возрождается: под сенью крыльев Птицы Славы и является – ведомый неистребимой отвагой и могудой Рода рысичей, и шествует триумфом – под стягами Сестры-Матери Победы да под грозный рык единённого воинства тигров-барсов-белведей-бурведей...

... стремимый волею чтимых предков...

... правимый мудростью тысячелетий культуры...

... ведомый глубинной памятью о заветах Создателя и волею к Жизни – жизни в согласии с совестью, в ладу с душою и Миром.

И каждое такое восстание из пепла, возрождение из безвременья – заскрижаливает бездонная память древнейшего из старейшин зверомирских: Сказского Тура с золотыми веками, чьи золотые рога успокоили навечно не одну тьму погани всякой, в том числе – и управляющей несурзно: той, что власть творит по-воровски, зазорно, пакостно.

А задайся вопросом:

бывает ли такое, случается:

что неправую Рысь Русь сама предстаёт?..

а предки Рысины славные –

всегда ли пути верные торили?..

всегда ли одними благими помыслами велись,

руководствовались? –

что до соседей близких касаемо,

что до иных чужеземцев тако же...

А и своим – заединщикам преданным,

и детям своим: кровным ли, названным,

и властям преходящим,

кои правят с их же, Рысей, согласия:

и свите верховной, и даже Правителю –

всегда ли Рось отвечает взаимностью:

справедливой хвалою да воздаянием,

должной любовью

да заслуженной верностью?

Всегда ли Отчизна сама и очеслива, и справедлива?

Или же, как и в сказке, ответ –

Умный вопрос, да глупо любое в ответ –

ответа и нет.

О деяниях да судах неправедных,

о злобѣ да люте несправедливых,

о беззакониях и самодурствах диких,

о гневе напрасном да вражде беспричинной

— вроде ж и ведома,

да ведомо то с горьких слов самих же обиженных,

да по свидетельствам, дюже сомнительным:

их предъявляют враги рода рысичей,

— грош цена тем свидетельствам!

Что там было всамделе,

сколь много неправедно, да какою причиною,

что о том поведано исто,

что облыжно да паксвильно, –

то сказать теперь можно всякое. И говорят.

Да больше-то те говорят, кто нам враг

и на вражьем прикорме которые...

Сами же рысичи: дѣили

трудоовое да ратное – более,

нежели что разъясняли напыщенно – слогом,

казуистикой вскормленным...

Не приучены рыси оправдываться

да инакому мнению кланяться!

Такова же и Рысь – предводительница нынешняя...

Может, и зря – такой-то вот политес невропейский:

зря для кисы какой мур-мурной, вихлявистой.

Но то не Рысь Русь!

Послесказие 3 | 'Рысь Русь: откуда рысь пошла'

фабула третья: Обличие

Рысь Русь –

дѣвица дивая: неручная, таёгая, дикая,

но и дивная, сказная:

стати чюдной, грации редкостной.

Да изрядно наделена могу́тами разными:

ловка́ да резка́, в ры́сках – резва́, в мыслях – трезва́, но порывиста,

затейна, но дельна, а в делах тех затейных – непредсказуема.

Чужакам же – и вовсе не внятна: ни умом, ни чуюм!

а и дюже страшна им она лютым норовом,

боевою мощью наследною!..

Летами ж чуть старше, чем юная: то недавно с отрочества вышедши.

С точки же зрения мудрецов зверянских, кои всё что ни зрят – разом в заумость облечь пытаются,

да во всём – сокрытые смыслы размыслить, –

Рысь Русь олицетворяет собою новый – зачинающийся – Третий Рóсский суперзвѣрос.

Суперзвѣрос, так суперзвѣрос. Третий, так третий. Пусть будет.

Лишь бы был: ныне и во веки!

Людянскому ж взору обличием Рысь наполнила б разом:

и рысь обыкновенную *Lynx lynx*,

и каракала – рысь степную *Caracal caracal*.

Но и различий узрилось бы также немало, взять хоть окрас:

окрас Рысин, вельми затейливый, – слов умных да восторженных стяжал немало:

не менее, чем глаза её дивные. Так есть от чего!..

Коли ж слогом строгим окрас тот описывать, не поэзией, выйдет так:

рыже-бело-чѣрный с золотистыми пятнами и отблесками,

с выраженными полосами на голове и фантазийными линиями по всему телу.

На груди, с заходом на шею – треугольник белого меха, соотносимый по форме с буквицей **V**

латинянской, что есть символ Победы: тот символ у многих из зверомирцев в облике место имеет:

им та символика – в гордость!.. иных же – Козла, например, иль Улиту – отсыл такой беленит,

пароксизмит, ибо образ их жизни – “с выгодой сдаться”...

Также Рысь мехом белá на животе да частью – на лапах.

Уши же – чѣрно-рыжие, с чѣрными длинными кисточками, а лапы оканчиваются чѣрным мехом

с золотисто-чѣрными когтями и золотистыми пучками меж пальцев.

Особая ж краса да гордость Рысина – “баки георгиевские”:

с двух сторон по щекам рысьим – длинные пряды,

в коих чѣрные полосы чередуются с рыжим мехом, в мех белый преходящим.

Глаза ж при том: янтарно-зелѣные, с белыми на вынос бровями-ресницами.

Да о глазах толк особый: он будет.

Окрас Рысин изменчив – в зависимости от настроения и обстоятельств:

волнистые линии не статичны и перемещаются по телу в произвольном порядке. Иной раз –

превращаются в замысловатые тексты на языках непонятных.

Природу данного явления никто, даже Сказский Тур, не ведает. Но восхищение всеобщее

сей волшбе сопутствует... Сама же Рысь гордилась по-самочьи скромно таким своим шармом:

“шубкой крутою”, но о сокровенной значимости сего до поры и не задумывалась...

... Не словца красного ради, не напрасно – яркий рысий окрас родовой, переливчатый красным да

золотом, с белоснежным соседствуя, – молвою увязан с ликом Светила да его светлым промыслом:

род рысий – с незапамятной древности соотносит себя со Светилом,

“всея бытности Свет несущим”.

Рысичи те – без околичностей, без ложной скромности, прямо – называли себя “детьми Света”,

иной раз – “детьми Яра”.

Ибо Яром звали Светило древлие предки.

Послесказие 3 | 'Рысь Русь: откуда рысь пошла'

фабула четвёртая: Рысий глаз

Рысь ко всему –

тончайшим обладает слухом, рассказывающим ей об отстоящем на десятки да сотню вёрст, и запредельно острым зрением, проникающем не только сквозь дали-просторы, но в глуби душ, и даже – как считают иные, сами изведавшие, – сквозь преграды.

Оттого и рекут о всяком, кто лишь чуть в зоркости с рысью схож: «рысьи глаза заимел».

Цвет переливчатой зелени Рысьих глаз Тигр, зверомирский мудрец-и-поэт, камням равнял самоцветным да драгоценным. Малахитам, аквамаринам, изумрудам–смарагдам.

Или тем минералам редкостным – нефритам, жадеитам, хризобериллам да турмалинам, – из-за скользящего по ним блика именуемым “кошачьим глазом” – то у людей, в Зверомире же – “оком рыси”.

Коли ж случается Рыси насторожиться, или озлиться, или в охоте:

рысьи глаза – до того лишь с искоркой беглою, да в целом: лукаво-лучистые – начинают “гореть”, “раскаляться”, сверкать зелёно-огненным зырком: Рысь “сверлит огненным глазом”.

Ночью ж и вовсе: глаза рысьи – два раскалённых ўгля.

Только ўгли те в лучении своём – не обычным огнём: зелёным огнём пламенют, ввергая в тоску, да жуть, да смертный холод...

В засаде же таясь или кого дослеживая рыском – Рысь свой огненный взор тушит – и как нет её, сколь ни вглядывайся:

не узрить Рысь Русь, пока сама того не возжелает, нутром только и чуешь:

здесь Русий дух, здесь Рысий дом, здесь всяко может обернуться...

И тот, кто рёк:

«... зеніцы – зерцáло души...» –

тот видел глаза рысьи!

Послесказие 3 | 'Рысь Русь: откуда рысть пошла'

фабула пятая: Славные предки и Созвездие Рыси

Людяне на своём небосклоне выделяют тождественное “созвездие Рысь”.

Но для людян то созвездие – сравнительно новое, никаким сакральным смыслом не оделённое,

а введено в обиход и поименовано людянским мудрецом-звездочеем Яном Гевелием в их, людянском, 1660 году.

Иным же мудрецам Гевелий так объяснил:

«... В той части неба – лишь мелкие звёзды, нужны рысьи глаза, чтоб их распознать...»

В обоих Мирах к Созвездиям Рыси относят 92 звезды, острым глазом зримых.

Сие созвездие – северного неба, северного полушария, в окружении звёздных кúпностей, именованных много ранее:

Близнецы, Возничий, Жираф, Большая Медведица, Малый Лев, Рак.

Созвездие Рыси – одно из ближайших к северному полюсу мира, сиречь воображаемой точки *небесной сферы*, вокруг которой – для взора планетя́н – и вращаются звёзды.

Но нет никаких *небесных сфер*, есть лишь вращения планет и есть иллюзия вращения звёзд – и мироздания в целом – вокруг взирающего на звёзды снизу планетя́нина-центропу́па.

И есть *вымышленные полюса небесной сферы* – там, куда указывает ось вращения планеты.

И Белведь, например, забредя на *географический северный полюс*, видит *северный полюс мира* прямо над головою – в *зените*,

а южный полюс мира расположен для него снизу – в *точке надира*.

Обитатели же *экватора* видят *полюса небесной сферы* на *горизонте*.

Нелишне добавить: *северный полюс мира* находится в созвездии Малой Медведицы, *южный полюс мира* – в созвездии Октант.

Все эти мудрённости имеют самое прямое отношение к событиям, зачинающимся на Зелёной планете.

Созвездия Рысей доступны для посвящённого взора на всех территориях Росских просторов круглый год, кроме Скáзи, где летом оно частично скрывается за горизонтом.

Послесказие 3 | 'Рысь Русь: откуда рысть пошла'

Рысь Русь – дочь и преемница Алой Рыси Софьи, коя путь прошла взросления: от Сарской до Красной.

Софья же, в свою очередь – наследница Светлой, или Кыйской, Рыси.

Сама Рысь Русь мало что помнит или делает вид, что мало: и об истоках своих, и о Славе предков, – дурачить-то демонов, беспамятною притворствуя, да иной раз и лиходеям-историкам подмурлыкивая – Русь дюже горазда: особенно допрежь броска прицельного в глотку оскáзнику поганому.

На самом же деле: не только помнит, но и тайн хранит немеряно.

Оттого и реакция у неё – молниеносная, однакая, особенно – на недруга: на обидчика и посягателя.

«... Не грозись Рыси, не ходи на Русь – костей не соберёшь!..» – то не только соседские, то и заморские супостаты с лихом отведали.

Отчасти и поэтому стороннему оку Рысь Русь видится одиночкою:

своим рыщет рыском, свой торит путь, а пути чужие да чуждые – лишь дослеживает!

Но устремляет при том за собою всех зверомирцев, тем яря вражин – “учителей” иноземных да прикормышей их домородных: пятаю свору.

И всеславные рысичи-предки таковыми же были – чужому не кланялись:

только ради приличия или ж силы копя: для броска, погибель несущего врагу, что явился невежливым.

Главное ж,

что вéдомо Рысь-Руси о родительнице своей – Алой Рыси, чьё исчезновение окутано кривдами, враками да ливераками, то и есть:

Алая Рысь не умерла, не погибла, не издохла, но покинула – ставший “скопом бесславным” Зверомир,

покинула во Времена Большого Помутения, исполненная горечи и стыда за помутившихся обитателей, обезумевших да превратившихся разом:

в обживателей и проживателей, лавошников да мещанчиков, озабоченных пúзром да гúзном едино, да кружавчатым хлúпиком, кои державу – просторов безмерных, богатств несочтённых, Славы бессмертной, культуры и духа неиссякаемых –

державу ту вдруг колбасами ливерными да своими шкурами мерить затеяли: на империю духа стали пялить рейтузы демократии брюха...

... как ранее – по схожим, вероятно, причинам – состоялся исход и родительницы её: Рыси Светлой Кыйской...

Куда ушли Алая и Светлая Рыси, то никому не ведомо, но есть предания, гласящие:

их приняло Небо и стали они двумя Путеводными Созвездиями. Но созвездия те сокрыты от недостойных – невидящих и неслышащих, коих – немало. Сокрыты от глаз, но вéдомы сердцам Славным.

Сокрыты до поры, но однажды они воссияют, сольются воедино, и Светлая Рысь-Русь София вернётся на крыльях Птицы Славы – в восставший и вновь ставший “Славным” Зверомир.

Сокровенная тайна путеводных Созвездий Рысей в том и есть, что они – суть одно: одно созвездие.

Но тот, кому дано их увидеть –

кто чист помыслами и целями ведóm праведными, или кому даровано зрение особое: острое, всепроникающее – рысьи глаза, рысий взор, или кто завладел камнем чудодейственным: “оком рыси”,

тот увидит лишь то, что хочет увидеть:

либо – мерцающее красными звёздами Созвездие Алой Рыси, либо – блистающую белым золотом звёздную россыпь Созвездия Рыси Светлой.

фабула шестая: Рысь Русь и Белведь, Правитель Рóси, а также свита

Рысь Русь храбра и отчаянна – безмерно, велико́:

«... Победа или смерть!..» для неё – единственный выбор в схватке.
Пред нею может спастись – и пасует! – всякий зверь Зелёной планеты.
Даже Тигр. Даже Белведь.

Рысь – единая, кто может первой напасть на бурведя или белведя,
буде из них кто и в ранге Правителя... коли, правда, на то причины веские обозначатся.

Но на текущий момент меж Рысь-Русью и Белведем Волителем – согласие полное!
Взаимопонимание, дружба, почти обожание.

То кроме нюансиков, до внутридержавной справедливости относящихся:
до тварифного беспредела да ценового мироедства,
до злопроцентия ссудного да скотоколлекторства,
до зверархии расплодившейся, коя наследственной стать вознамерилась,
до алчбы ненасытной жлобизнеса и бесчинства свитского облого.

Но о том покуда и терпится – за иные деяния верные...

... веря покуда, что нюансы и впрямь что: покуда.

А вот Славные предки Русины не единожды грызли правителей, коли тех не туда заносило.

Ещё более скоры на расправу Рыси со свитой-челядью, властью кормящейся,
да с их кумовьями-зятьями бесщётными.

Песцов прожорливых, да лис ненасытных, да куниц пронырливых,
да врановых – воров хитромудрых –

Рысь давит просто так, не то чтобы съесть –
она таким не питается, брезгует –

давит за паразитство, за тягу пожитья да проедаться на чужой счёт.

А для того и заманивает их –
всегда мотивированных на дармовщину алчбой непомерной да наглостью бесстыжей –
обольщает их охотою прибыльной, заваливши в надрыве дичь знатную:

те и скоры на запаха поживы:
слетаются ватагами, сворой сбегаются...

знают они про неприхотливость Рысь-Руси, умеющей малым обходиться в еде и во всём:
где Лису на укус – Рыси на три дня...

... и кружат окрест, щёлкая зубьями да клювами хищными.

Рысь же, затаившись до срока – в прыжке от пира-приманки,
да выждав, как бросятся с дракою-склоками гости незваные жрать-делить не своё, –

является смерчем карающим для захребетников:
мало ж кому случится избежать когтей смертоносных, молниеносных зубов да лап,
крушащих хребты да закорки...

... а порушенных трупы – с презреньем бросит обглаживать уцелевшим,
когда те обмогнут-очухаются,
да ещё тем – кто родня с кумовьями для тех, кто добирает от объедков объедки...

Так – в пожирании трупов предшественников –
зачинается новая свита кормящихся властью...

Так-то всё так, да так-то в предании: в славной истории рысичей.

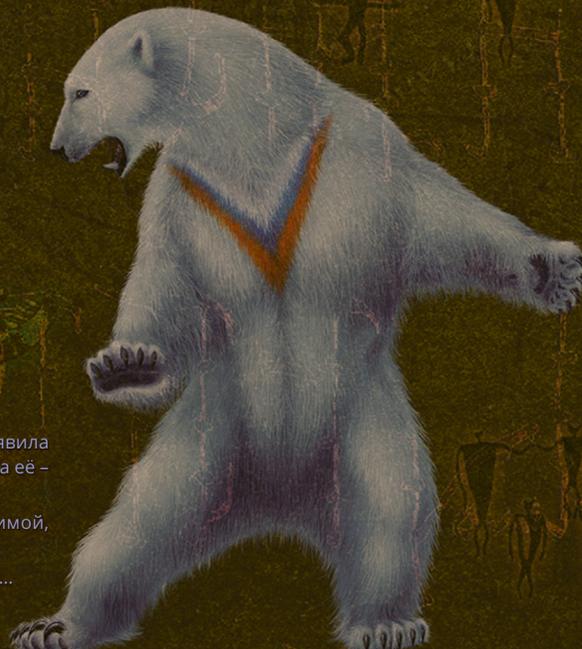
В отношениях же с ныне правящей да хозяйствующей стаей – молодая Рысь Русь до срока не проявила
свои дюжие доблести, кои многожды демонстрировали Славная мать её – Алая Рысь, Славная бабка её –
Светлая Рысь, да куда боле древлие Рыси.

«... Всеми своё время, каждому – срок!..» – ухмылялся по сему поводу Тигр, ожидая весточку от любимой,
разминая когти и лукаво поглядывая в сторону разъедающей свиты...

Белведь Волитель тако ж хитро подмигивал с белых вершин в хмари сияющих ледяных торосов...

А падалью Рысь Русь и вовсе не питается... И козлов не ест!

Не её то мodus чибус: образ питания: давить – давит, когда допекут, то бывает.
Вот кабанятину жалует. Хотя и риск великий. Но Рысь обожает и риск, и рыск.

Послесказие 3 | 'Рысь Русь: откуда рысь пошла'

Белведь Волитель

... Не зад Белведя управляет льдиной.

Белведь движется вместе со льдами...

«... Волей не торгуем. Просторы не сливаем.

В тылы не имаем... Консенсусом в тыл –
это Вропейская ценность, не наша...

Нам – рóсичам – тысячи лет,
и ровно столько же нас “увещевают” –
где клыком, где консенсусом.

Но мы – вот они, где те, кто “увещевал”?

И покуда Белведь жив – тако ж будет!..»

Барсук Троцкий

... Эпической силы, эпохальных масштабов сей персонаж рождён в Зверомире, в Росских просторах, сам же себя почитает “зверянином Миров”, да не простым: означенным миссией, избранным, о чём и сказует прямо, без ложной скромности:

«... я – шило в заднице континуумов, зуд Миров, родильная горячка грядущего!..»

... чистопородный смутьян-радикал, профессиональный нигилист, воспринимающий повседнев и рутинное обустройство жизни как скуку смертельную, дело низменное, высоких натур недостойное:

«... или ты по колено в дерьме пашешь и строишь, или ты весь в белом, на белом коне – идеалы носишь!..» – так говорил Барсук...

«... культурная дискуссия без мордобоя нам не интересна...»

... О Барсуке можно писать романы – и не сказать ничего, будет всё ложь, и будет всё – правда...

... есть Революция – как Веление, Воля, как неизбежность, как единственный способ, пусть и болезненный, борьбы с энтропией, с хаосом быта, с разрухой, со злом – кои зверянина делают зверем, живущим одно лишь кровью да плотью другого – более слабого, или не шибко фартового, или породой не знатного, или же просто – не подлого, то и подлого, да зазевавшегося... и даже не столько кровью да плотью, сколь грабежом – неприкрытым да крытым Законом, ещё мироедством, обманом, поборами, и угнетением, и притеснением, – кое всё вкупе мудрецы бородатые нарекли “эксплуатация”, – та Революция – плавит хаос, в плавильне рождая металл идеалов, стремлений, смыслов, порядка... и справедливости – хотя бы в Законе означенной, дабы сия парадигма обрести могла в поколениях – как модус вивенди и операнде:

образ жизни, а в жизни – деяний!..

Вождей имена *таких* Революций благодарная память потомков хранит и лелеет – от хулителей, врателей, ливерастов да злобников, коих немало, как немало всегда вокруг света благого слетается погани...

... и есть рреволюция – как мѳдусэ чѳбус, образ питания, как способ насыщенно жить, собой восхищаясь, при том – не созидая, только круша:

та рреволюция – хаос лишь множит, она – и зубило, и лом, и кайло эффективное в лапах кормящихся от геополитики.

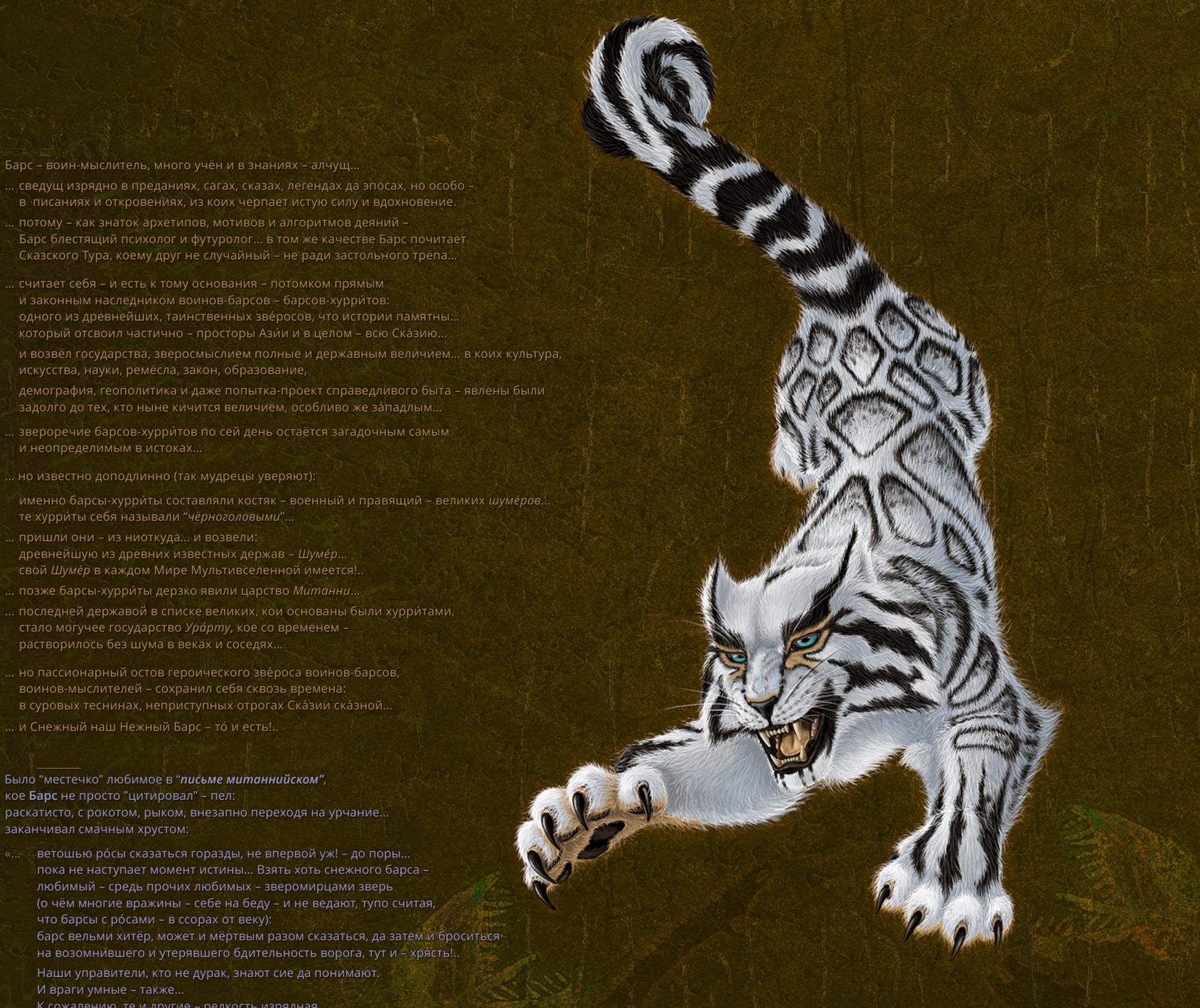
для Вождя Барсука: рреволюция – мѳдусэ чѳбус...

Лис Патрикий

«... невидимая лапа рынка – вещь, доложу я вам!.. и её никто не видит, и что она там курочит, тоже никто не видит... сказка!.. а воры да тати – были всегда... и будем!..»

... В защиту Лиса отметим: всё ж таки он, Патрикий, – патриот да широкой души зверь, который желает светлого рыжего будущего всем поголовно. И когда-нибудь – оно непременно случится, придёт. Но пока счастье идёт, пусть будет – хоть у кого-нибудь, чтоб другие-то знали, чего они ждут. И чем, собственно, плоха для того кандидатура именно Лиса?..

Нежный Барс

encyclopædia | Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура | фрагмент статьи 'Нежный Барс'

Барс – воин-мыслитель, много учён и в знаниях – алчущ…

… сведущ изрядно в преданиях, сагах, сказах, легендах да эпосах, но особо – в писаниях и откровениях, из коих черпает истую силу и вдохновение.

… потому – как знаток архетипов, мотивов и алгоритмов деяний – Барс блестящий психолог и футуролог… в том же качестве Барс почитает Сказского Тура, коему друг не случайный – не ради застольного трéпа…

… считает себя – и есть к тому основания – потомком прямым и законным наследником воинов-барсов – барсов-хурритов: одного из древнейших, таинственных звéросов, что истории памятны… который отсвоил частично – просторы Азии и в целом – всю Скáзию…

и возвёл государства, зверосмыслием полные и державным величием… в коих культура, искусства, науки, ремёсла, закон, образование,

демография, геополитика и даже попытка-проект справедливого быта – явлены были задолго до тех, кто ныне кичится величием, особливо же záпадлым…

… звероречие барсов-хурритов по сей день остаётся загадочным самым и неопределимым в истоках…

… но известно доподлинно (так мудрецы уверяют):

именно барсы-хурриты составляли костяк – военный и правящий – великих *шумéров*… те хурриты себя называли *“чёрноголовыми”*…

… пришли они – из ниоткуда… и возвели: древнейшую из древних известных держав – *Шумёр*… свой *Шумёр* в каждом Мире Мультивселенной имеется!..

… позже барсы-хурриты дерзко явили царство *Митанни*…

… последней державой в списке великих, кои основаны были хурритами, стало могучее государство *Урárту*, кое со временем – растворилось без шума в веках и соседях…

… но пассионарный остов героического звéроса воинов-барсов, воинов-мыслителей – сохранил себя сквозь времена: в суровых теснинах, неприступных отрогах Скáзии скáзной!..

… и Снежный наш Нежный Барс – то́ и есть!..

… Было *“местечко”* любимое в *“письме митаннийском”*, кое Барс не просто *“цитировал”* – пел: раскатисто, с рокотом, рыком, внезапно переходя на урчание… заканчивал смачным хрустом:

«… ветошью рóсы сказаться горазды, не впервой уж! – до поры… пока не наступает момент истины… Взять хоть снежного барса – любимый – средь прочих любимых – зверомирцами зверь (о чём многие вражины – себе на беду – и не ведают, тупо считая, что барсы с рóсами – в ссорах от веку): барс вельми хитёр, может и мёртвым разом сказаться, да затем и броситься на возомнившего и утерявшего бдительность ворога, тут и – хрясть!..

Наши управители, кто не дурак, знают сие да понимают. И враги умные – также… К сожалению, те и другие – редкость изрядная… Но на крутых изломах исторических судеб Провидение нам посылает достойных, как правило, лидеров, врагам же – тупит мозги. Что происходит и ныне…»

Сказский Тур –

древнейший из старейших bestia sapiens – великих размеров, ума и силы создание,

кое людянским мудрецам-зверовéдам напомнило бы уже вымершего в Людянии быка первобытного Bos primigenius,

но грудь – могутнее, тело – трапециевидней, от зада к переду нарастая, а рога на мощном кóлке – костяном кóмле – длинней да весомей, да расходятся вельми изящно – на минойский манер.

Окрас тóрова тела: *“сокровенный чёрный”*, с золотистыми отливами да переливами:

утверждают, что именно таков – цвет янтаря чёрного.

Тем *“сокровенным”* – окрашены шкура и кудрявая шерсть на груди, и на шее, и на загривке.

На груди же – под шеей – шерсть пылает золотой

буквицей V – символ Победы. И хвост – золотой,

и копыта – золотые, и рога – золотые, да острия у них – чёрные. А и мех на ушах тóровых – чёрный,

с золотистыми провалами, и глаза – чёрные,

с золотыми обводами вокруг:

то и есть в Сказах воспетые золотые тóровы веки.

Тона золотые, что на тóлове Тура играют, взоры пленяют –

словно всполохи вечности,

мерцания хроноса в безбрежности бездны:

многоцветны и многосмысленны…

Сказский Тур древен настолько, что помнит само Золотое время: сам он и есть – часть его, последний реликт из живущих!

Однако ж, невзирая на тысячи лет им бытого:

«… Тур стар, да дюж: и свеж, и гож. И яром – то ж!…» –

утверждает зверомирская присказка.

Утверждаем и мы!..

Тур же чаще молчит, нежели вещает. Коли уж скажет – слово каждое: злато! Тому в подтверждение – пара цитат из трактата, вельми могучего смыслом, коя книга – *«Так Тур говорил»* – всякому зверомирцу ведома, кто хоть что-то читал помимо СМС-сообщений:

«… кто сказал, что войне необходим Победитель?! – войне вовсе не нужен победитель: нужны кровь да мясо… да убранство огнём… а Победитель – самоиллюзия!. война же иллюзиями не страдает…»

«… хорошо там, где тебя нет… поэтому, туда направляясь, себя туда не бери: и там нехорошо станет!…»

«… стыдно, ребятушки, стыдно! Вроде и штанишки приличные, а в них – ливераст!…»

«… мудрец и чаще и страстнее ведётся на чушь, чем иные…»

«… дружат нас, единят – не одни только беды, не одни лишь общие лихи: наперво радость обща и согласие в нравах на дружество сводит!.. и друговщйна наша – не против кого, она *“за”* – за приязнь, за приязненный лад – мирный, согласный, на любви,

на добротолубии да на доброжелательстве зиждимый!..

только в дружбе такой – в единении братском – правда и сила!.. мы – не ватага кархáдская: záпадлая, мы – братство: нас дружат согласные мысли, не нужда, не гешефты корыстные!..

и не дружны мы – не стая, не прайд обвыкших друг к другу животных, скотов, падших тварей, подельников, свыкшихся с собственной низостью, и низостью в ближнем, как с непреложным и данным!…»

Литературно-художественное издание

Василий Смелянский

Птица Слава: тайные сказы

Свод первый:

Янтарные Острова и Рось
в десяти Сказах, поведанных Георгиевским Тигром

Сказ первый:

**Рысь Русь и Пúпа, Попугай кархэдский.
Встреча на Вишере**

книга впервые опубликована в электронной версии
в декабре 2016
на сайте Проекта «Птица Слава»
www.ptitsaslava.ru

графика | оформление | дизайн | верстка оригинал-макетов
Василий Смелянский
Маргарита Заря-Языкова

редактор, корректор
Евгения Теплых

IT координатор
Алексей Заря

финансовый координатор
Надежда Рудых

издатель
«РИГ Персона»
/ИП Смелянский В.Ю./
г. Челябинск
www.persona-rig.com

производство:
Мастерская Василия Смелянского «РИГ Персона»

При реализации Проекта «Птица Слава»:

использованы комплекты шрифтовых гарнитур,
регламентируемые на момент использования
открытыми или публичными лицензиями:

OpenSans,
автор Steve Matteson, Apache License v. 2.0;

Philosopher,
автор Jovanny Lemonad, SIL Open Font License 1.1;

TeXGyrePageLa,
TeX Gyre Project, The LaTeX Project Public Licence (LPPL);

Lato,
Lukasz Dziedzic, SIL Open Font License 1.1;

GNUTypewriter,
Lukasz Komsta, SIL Open Font License 1.1;

Zhizn,
Петр Жарнов, SIL Open Font License 1.1.

Все шрифтовые гарнитуры принадлежат их авторам,
все права сохранены.

использовано лицензионное программное обеспечение,
произведенное компаниями:

Microsoft Corporation;
Adobe Systems, Incorporated.

Контент сайта «Птица Слава», включая данную книгу,
предоставляется для безвозмездного некоммерческого использования
при согласии пользователя со следующими УСЛОВИЯМИ:

УСЛОВИЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ сайтом «Птица Слава» (www.ptitsaslava.ru)
и контентом, на нем размещенном

1.1. Данный документ является юридическим соглашением (именуемым
далее по тексту "Лицензия") между вами (далее по тексту – "Лицензиат")
и Смелянским В.Ю. (далее по тексту – "Лицензиар"), который является
владельцем web-сайта «Птица Слава» (далее по тексту – "Сайт") и
владельцем исключительных прав на графические, текстовые и иные
материалы (далее по тексту – "Контент"), размещенные на Сайте.

1.2. Лицензия определяет условия использования всего Контента, кроме
материалов, размещенных в специальном разделе Сайта «Магазин».

1.3. Используя Контент, Лицензиат признаёт, что прочитал, понял и принял
перечисленные в Лицензии требования и ограничения.

2. Права пользования Контентом

2.1. Весь Контент является **ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ**
Лицензиара и защищён действующим законодательством, если иное
не оговорено специально по отношению к той или иной части Контента.

2.2. Лицензиату предоставляется **БЕЗВОЗМЕЗДНОЕ НЕИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ**
ПРАВО НЕКОММЕРЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ Контента, ограниченное
следующими условиями:

2.2.1. Для личного и некоммерческого использования Лицензиату
разрешается:

a) **ПРОСМАТРИВАТЬ** Контент;

b) для личного использования в некоммерческих целях
КОПИРОВАТЬ любые фрагменты Контента, если иное специально
не оговорено относительно этих фрагментов;

c) в некоммерческих целях **ЦИТИРОВАТЬ** любые фрагменты Контента,
если иное специально не оговорено относительно этих фрагментов;
при этом цитируемый фрагмент должен быть атрибутирован
обязательным указанием на оригинальный источник цитируемого
фрагмента и автора (авторов) этого фрагмента, а в случае
цитирования в Сети – также снабжаться прямой активной
гиперссылкой на оригинал;

d) в некоммерческих целях **ПУБЛИЧНО ИСПОЛНЯТЬ** любые фрагменты
Контента, если иное специально не оговорено относительно этих
фрагментов; при этом исполнение должно сопровождаться
обязательным указанием на оригинальный источник
исполняемого фрагмента и его автора (авторов);

e) для личного использования в некоммерческих целях **СКАЧИВАТЬ**
файлы с пометкой "СКАЧАТЬ";

f) в некоммерческих целях **РАСПРОСТРАНЯТЬ** скаченные файлы
на условиях Лицензии ("распространение на тех же условиях");
при этом запрещается изменять любым способом содержимое
этих файлов; при этом распространение скаченных файлов
должно сопровождаться обязательным указанием на оригинальный
источник скаченных файлов и снабжаться прямой активной
гиперссылкой на оригинал.

2.2.2. Каждый раз, когда Лицензиат **РАСПРОСТРАНЯЕТ** файлы или фрагменты
Контента любым способом, не противоречащим закону и условиям
данной Лицензии, Лицензиар предлагает получателю файлов или
фрагментов Контента лицензию на тех же положениях и условиях, что
и данная Лицензия.

2.2.3. При осуществлении **ЦИТИРОВАНИЯ** или **ПУБЛИЧНОГО ИСПОЛНЕНИЯ**
Контента допускается сокращение или перекомпоновка текстовых
фрагментов Контента, но только в той мере, в которой это не приводит
к искажению смысла указанных фрагментов. Любая иная **ПЕРЕРАБОТКА**
Контента, в том числе перевод на другие языки, возможна только с
письменного разрешения Лицензиара.

2.2.4. Любое использование Контента иначе, чем уполномочено данной
Лицензией и действующим национальным законодательством, –
ЗАПРЕЩЕНО.

3. Другие аспекты Лицензии

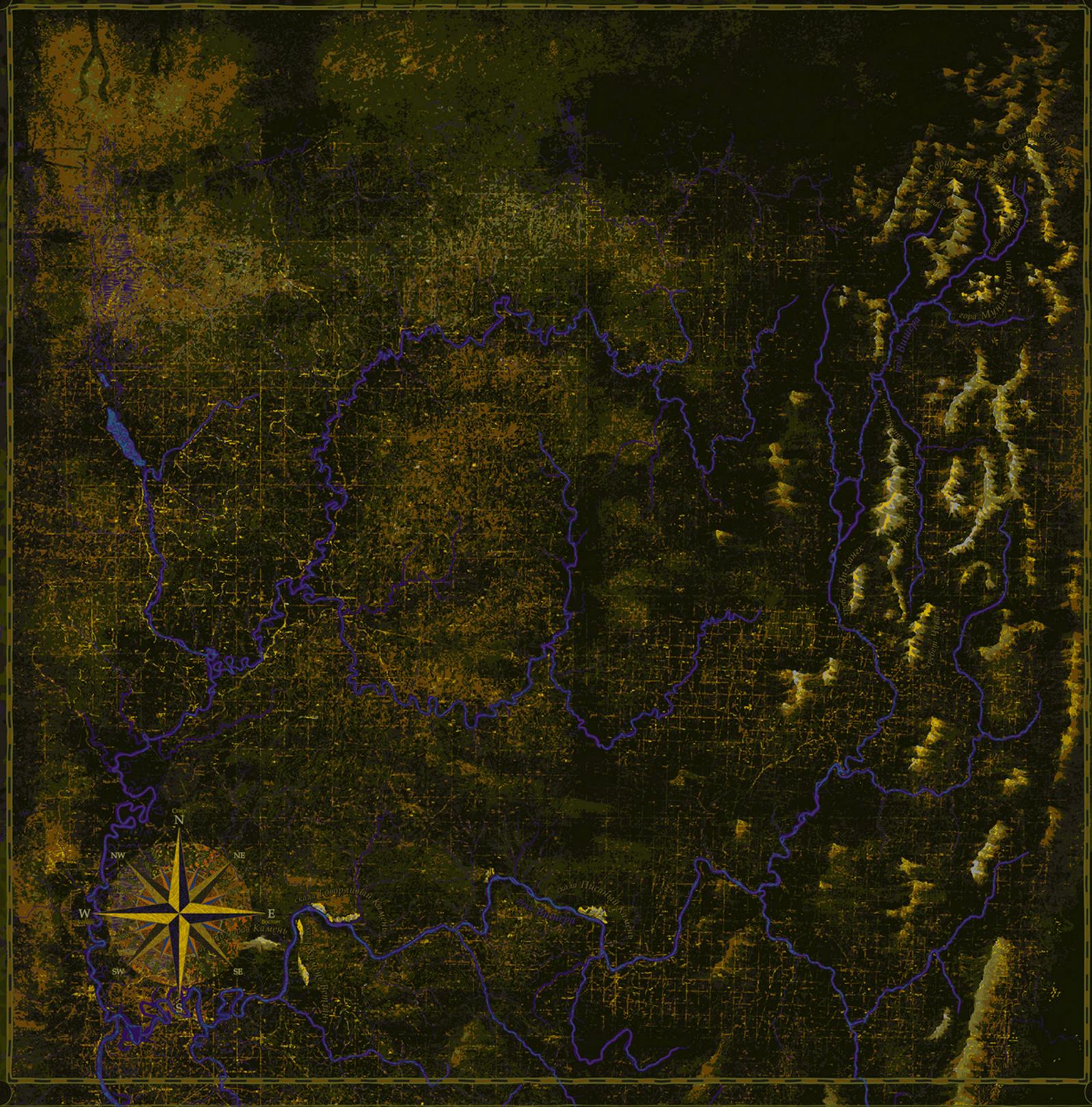
3.1. Использование Контента с нарушением любого из условий Лицензии
означает, что Контент используется без разрешения Лицензиара, что
является нарушением исключительных прав Лицензиара на Контент.

3.2. Негативные результаты, полученные вследствие использования
Лицензиатом Контента, не влекут за собой ответственности
Лицензиара, в том числе не могут являться основанием для
судебного преследования Лицензиара.

3.3. Если какое-либо положение Лицензии становится недействительным
в связи с изменениями в действующем законодательстве, это не влияет
на действительность остальной части Лицензии.

3.4. Лицензиар оставляет за собой право изменения условий Лицензии
без дополнительного уведомления Лицензиата, при этом такие
изменения не могут иметь "обратной силы", то есть распространяться
на действия, уже совершённые Лицензиатом. Продолжение использо-
вания Лицензиатом Сайта после изменения условий Лицензии
означает согласие с обновлёнными УСЛОВИЯМИ ПОЛЬЗОВАНИЯ Сайтом.

НЕ ЗА ШАНЬСКИМИ ГОРАМИ, НЕ ЗА ИНДСКИМИ ВЕТРАМИ, НЕ НА НЕБЕ, НЕ НА ДНЕ, НЕ В ЗАМОРСКОЙ ГЕЙ-СТРАНЕ, НЕ В ЭДЕМЕ, НЕ В ТАРТАРЕ, А НА СЕВЕРНОМ УР-АЛЕ:

ГДЕ ДО СЕБЕА ДВЕ ТРИ И ДВЕ НОИ ДО МИРА, ГДЕ ДОЖДИ ЗИМЛЕСЬ В ПЛЮЖЕН, ВОДЯТ ЖИЛЫЯ КОМРАЯ, ГДЕ ТУМАН, МЕЖ СКАМ ОБИЖИЛИ, БЫЛИЛИ НЕБОМ ОБИЖА: ПО ГОРАМ ТАМ МОСЯ ПОВИНЕ ПАДЕТЪ БИВЕРЪ-РЕКА.

16+

